
*450-летию
Уильяма Шекспира
посвящается*

Билл Брайсон

ШЕКСПИР

Весь мир – театр

Москва / Центр книги Рудомино / 2014

УДК 821.111.0
ББК 84(0)-44
Б 87

Издание осуществлено при поддержке Посольства США
в Российской Федерации

Издано с разрешения the Marsh Agency, Ltd

Дизайн – Т.Н. Костерина

Брайсон Билл
Б87 Шекспир. Весь мир – театр / Билл Брайсон [перевод с английского,
примечания Аллы Николаевской]. – М.: Центр книги Рудомино,
2014. – 320 с. , илл.

ISBN 978-5-00087-028-0

Жизнь и творчество Уильяма Шекспира притягивают внимание писателей, литературоведов и просто читателей вот уже какое столетие. Билл Брайсон, автор многих научно-документальных книг, изучал архивные материалы, беседовал с шекспироведами, посещал места, связанные с великим англичанином в поисках ответа: «Что мы знаем, а что лишь предполагаем о личности и творениях Шекспира?» Его повесть-исследование была издана в издательстве «Харпер Коллинз» в серии «Жизнь замечательных людей» и стала национальным бестселлером.

УДК 821.111.0
ББК 84(0)-44

Запрещается полное или частичное использование
и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах
без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-00087-028-0

© Bill Bryson, 2007

© Алла Николаевская, перевод, примечания, 2014

© ООО «Центр книги Рудомино», издание на русском языке,
оформление, 2014

Оглавление

<i>Глава первая</i>	
В поисках Уильяма Шекспира	
	11
<i>Глава вторая</i>	
Ранние годы, 1564–1585	
	35
<i>Глава третья</i>	
Потерянные годы, 1585–1592	
	63
<i>Глава четвертая</i>	
В Лондоне	
	91
<i>Глава пятая</i>	
Пьесы	
	129
<i>Глава шестая</i>	
Годы славы, 1596–1603	
	155

Глава седьмая
Правление короля Иакова, 1603–1616
175

Глава восьмая
Смерть
199

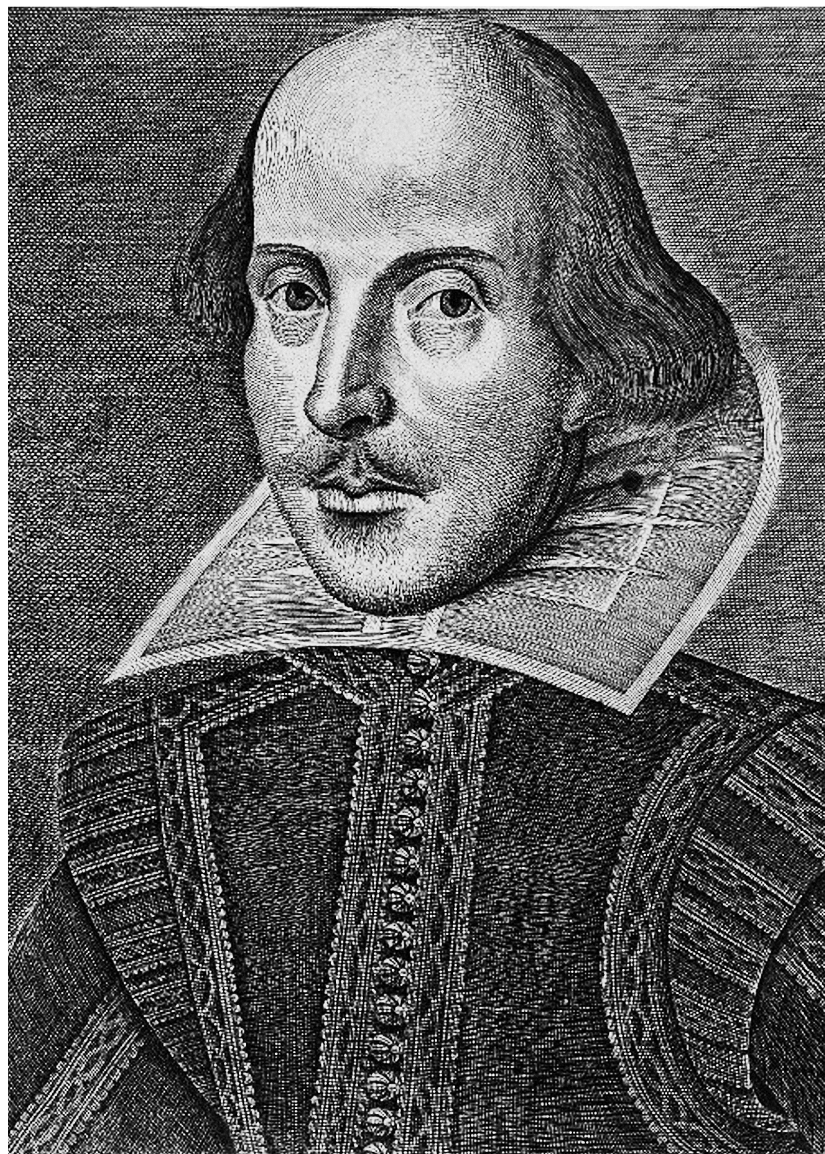
Глава девятая
Претенденты
233

Примечания
254

От переводчика
318

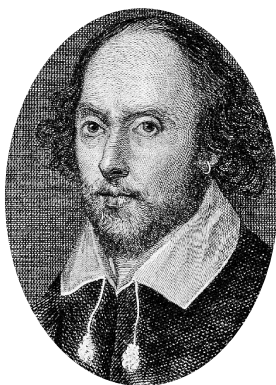
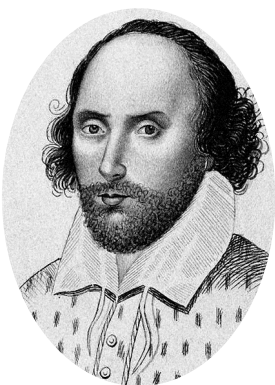
*Предполагаемый прижизненный портрет Шекспира,
так называемый Чандосский портрет*

Гравюра Дройсхута на фронтиспие Первого фолио

*Выкрашенная статуя над могилой Шекспира
в церкви Святой Троицы в Стратфорде*

И это тоже Шекспир

В поисках Уильяма Шекспира

о того, как в 1839 году Ричард Плантагенет Темпл Ньюгент Бриджи Чандос Гренвилль, второй герцог Букингемский и Чандосский¹, разбогател, он жил довольно скромно и однообразно.

Он обзавелся в Италии внебрачным ребенком, иногда выступал в парламенте против отмены хлебных законов² и неожиданно заинтересовался водопроводом (в его поместье в Стоу, в Букингемшире, были построены первые в Англии девять сливных туалетов), а в остальном не отличался ничем выдающимся, разве что радужными проектами и большим количеством имен. Но унаследовав свои титулы и одно из богатейших поместий, он поразил своих близких – и самого себя – тем, что за какие-то девять лет умудрился потерять до последнего пенса все со-

стояние, вкладывая капитал в ошеломительно невыгодные предприятия.

Разорившийся и униженный, летом 1848 года он перебрался во Францию, бросив Стоу вместе с его содержимым на растерзание кредиторам. Последовавший вскоре после этого аукцион стал одним из самых крупных событий в английском обществе того времени. Мебель и прочие предметы интерьера в Стоу были столь дорогими и многочисленными, что аукционеры, приглашенные из лондонской фирмы «Кристи и Мэнсон», трудились сорок дней, чтобы оценить все это богатство.

В числе предметов, не обративших на себя особое внимание потенциальных покупателей, был темный овальный портрет, двадцать два дюйма в длину и восемнадцать в ширину, который купил за 355 гиней³ граф Элмер, и с той поры он называется Чандосским портретом⁴. Он был сильно потрачен временем, потемнел, и многие детали на нем стерлись (так и поныне). На нем изображен лысоватый, но не лишенный привлекательности мужчина лет сорока с аккуратной бородой. В левом ухе – золотая серьга. Выражение лица – самоуверенное, спокойное, выдает любителя женского пола. Такому не доверишь с легкой душой жену или взрослую дочь.

Хотя достоверно ничего не известно о происхождении портрета или о том, где он находился до того, как попал к герцогам Чандосским в 1747 году, долгое время считалось, что это портрет Уильяма Шекспира. Конечно, мужчина *похож* на Уильяма Шекспира – он *должен быть* на него похож, потому как портрет этот – один из трех, на которых запечатлен похожий на Шекспира

человек, и, сообразуясь с этими портретами, художники писали другие.

В 1856 году, незадолго до своей кончины, лорд Элсмер передал портрет в дар во вновь открытую Национальную портретную галерею в Лондоне, в ее основной фонд находок. Картина была первым приобретением галереи, а потому к ней стали относиться с почтительной нежностью, хотя почти сразу же – с недоверием к ее подлинности. Многие критики сочли героя слишком темнокожим и слишком смахивающим на чужеземца – на итальянца или еврея, чтобы считать его английским поэтом, не говоря уж о великом поэте. Кое-кого, по словам Сэмюэля Шенбаума⁵, раздражали его «распутный» вид и «похотливые» губы. (Один критик выдвинул предположение, что художник решил написать его в гриме, может, в гриме Шейлока.)

– Портрет относится к тому самому периоду, это мы можем утверждать с уверенностью, – сказала профессор Тарня Купер, куратор экспозиции портретов шестнадцатого века, когда я вознамерился понять, что мы знаем и что вправе предполагать о самой почитаемой личности английской культуры. – Фасон его воротника был в моде с 1590 по 1610 годы, именно тогда слава Шекспира достигла апогея, и он согласился позировать художнику. Можно сказать, что вид позировавшего несколько богемный, что всегда отличало людей театра, при этом видно, что он человек, по меньшей мере, благополучный, а Шекспир в тот период ни в чем не нуждался.

Я поинтересовался, на чем строятся ее доводы.

– Серьга говорит нам, что он принадлежал к богеме, – пояснила она. – Серьга помогала понять, что ее

обладатель не отставал от моды, чем отличался от обычных людей, в наши дни это тот же самый знак. Дрейка⁶ и Рейли⁷ тоже рисовали с серьгой. Тем самым они заявляли миру, что они люди смелые, авантюрные. Те, кто носил много драгоценностей на себе, в те дни обычно зашивал их в одежду. Получается, что наш герой или человек скромный, или не очень богатый. Я склоняюсь ко второму объяснению. С другой стороны, мы можем утверждать, что он принадлежал к числу состоятельных людей – или хотел, чтобы мы так думали, потому что он одет во все черное.

Она улыбнулась, заметив мое недоумение.

– Чтобы ткань была сочного черного цвета, требовалось много краски. Гораздо дешевле было красить ее в желтовато-коричневый, бежевый или еще какой-нибудь светлый тон. Так что черный цвет в шестнадцатом веке служил знаком благосостояния хозяина.

Она оценивающим взглядом изучала портрет.

– Это неплохая живопись, но и не самого высокого класса, – продолжала она. – Художник умел грамотно загрунтовать холст, значит, где-то учился, но картина, в принципе, весьма стандартная, к тому же не очень хорошо освещена. Самое главное – если это Шекспир, то это его единственный прижизненный портрет, а следовательно, именно таким был Уильям Шекспир – повторюсь, если это Уильям Шекспир.

– А какова вероятность, что это он?

– Без документов об истории его происхождения мы никогда ни в чем не сможем убедиться, а теперь, по прошествии стольких лет, мало надежды, что они появятся.

- А если не он, то кто?
- Она улыбнулась.
- Кто знает.

Если Чандосский портрет не подлинный, то нам остается сравнить два других его портрета, чтобы понять, какой была внешность Уильяма Шекспира. Первый – гравюра на меди, помещенная на фронтисписе собрания сочинений Шекспира 1623 года, – на знаменитом Первом фолио. Гравюра Дройсхута (ее так называют по имени ее автора Мартина Дройсхута⁸) поразительно, даже можно сказать, потрясающе заурядная работа. Почти все в ней – сплошные ошибки. Один глаз больше другого. Рот не на месте. Волосы с одной стороны длиннее, чем с другой, голова по отношению ко всему телу неправильной пропорции, кажется, что она плавает над плечами, как шар. И уж совсем из рук вон плохо то, что персонаж на гравюре выглядит робким, неуверенным, почти испуганным – ничего похожего на смелого, уверенного в себе человека, автора его пьес.

О Дройсхуте (или Дроссерте, или Друссойте, как порой его величали в то время) обычно пишут как о художнике, принадлежащем к семейству фламандских живописцев, хотя к моменту появления на свет Мартина три поколения Дройсхутов прожили в Англии шестьдесят лет. Питер У.М. Блейни, ведущий специалист и авторитет по Первому фолио, выдвинул предположение, что Дройсхут получил этот заказ не благодаря своему мастерству (тогда ему было не больше двадцати лет, и у него не было особого опыта), а благодаря тому, что у него был прокатный пресс, который использовался

для медных гравюр. В 1620-е годы он был у считанного числа художников.

Несмотря на многочисленные недостатки, гравюра получила одобрение Бена Джонсона⁹, написавшего несколько поэтических строк в своем посвящении Шекспиру в Первом фолио:

*Здесь на гравюре видишь ты
Шекспира внешние черты.
Художник, сколько мог, старался,
С природою он состязался.
О, если б удалось ему
Черты, присущие уму,
На меди вырезать, как лик,
Он стал бы истинно велик.
Но он не смог, и мой совет:
Смотрите книгу, не портрет.*

Критики предположили потом – и не без основания, – что Джонсон не видел гравюры Дройсхута до того, как написал свои великодушные строки. Одно можно утверждать с уверенностью: Дройсхут писал свой портрет не с живой натуры, потому что Шекспир умер за семь лет до появления Первого фолио.

Таким образом, у нас остался последний вариант возможного подлинного портрета: выкрашенная статуя Шекспира – центральная часть памятника над его могилой в церкви Святой Троицы в Стратфорде-на-Эйвоне. С художественной точки зрения эта работа, как и гравюра Дройсхута, не имеет особой ценности, ее достоинство заключается в том, что ее видели те, кто знал Шекспира лично, и она получила, скорее всего, их удовлетворитель-

ный отзыв. Она выполнена скульптором Герартом Янссеном¹⁰ и установлена в нише церкви в 1623 году – в том же году, когда Дройсхут написал портрет Шекспира. Янссен жил и работал около театра «Глобус»¹¹ в Саутварке в Лондоне, а значит, мог видеть Шекспира, хотя хочется надеяться, что не видел, потому что его Шекспир – толстощекий, самоуверенный тип, как написал Марк Твен, с «глубоко, глубоко притаившимся, едва уловимым выражением пустомели».

Мы точно не знаем, как статуя выглядела в самом начале, потому что в 1749 году неизвестный «освежил» краску – из благих намерений, естественно. Через двадцать четыре года специалист по Шекспиру Эдмунд Мэлоун¹² пришел в церковь и ужаснулся, увидев разукрашенную статую. Он потребовал от служителей церкви, чтобы памятник Шекспиру побелили известкой (таким его представлял себе Мэлоун). Несколько лет спустя Шекспира снова выкрасили, хотя ни одна душа не знала, в какой цвет его следует красить.

Дело в том, что краска определяла не только цвет, но и каждую деталь, ведь многое в статуе не было высечено резцом, а просто нарисовано кистью. Под слоем белил он выглядел как безликий манекен, которых обычно выставляли в витринах шляпных магазинов.

Словом, мы оказались в забавном положении с Уильямом Шекспиром: сохранилось три изображения, сообразуясь с которыми, потом стали писать все последующие портреты; два из которых не очень-то удачные, к тому же они были написаны спустя несколько лет после кончины поэта, и третье изображение – оно имеет больше двух других основание считаться подлинным

изображением, но и на нем вполне мог быть запечатлен кто-то другой. Парадокс заключается в том, что все мы видим сходство с Шекспиром, когда смотрим на любое из трех, но при этом не знаем, *как* же он выглядел на самом деле. Почти так же и с любым аспектом его жизни и личности: он самая известная фигура, о которой никто ничего не знает.

Более двухсот лет тому назад историк Джордж Стивенс¹³ высказал мысль, которую частенько теперь повторяют многие: все, что нам известно об Уильяме Шекспире, умещается в жалком списке – родился в Стратфорде, обзавелся там семьей, переехал в Лондон, стал актером и писателем, вернулся в Стратфорд, написал завещание и умер. Не совсем, конечно, так – ни в те времена, ни в наши, – но мы не очень погрешили против истины.

После 400 лет самоотверженной охоты исследователи обнаружили около сотни документов, касающихся Уильяма Шекспира и непосредственно его семьи, – записи о крещении, документы на право собственности, налоговые квитанции, акты о регистрации брака, повестки в суд, выписки из судебных постановлений (многие – относительно срока давности) и т.д. Внушительное количество, в сущности. Но акты, квитанции, повестки – всего лишь бумажки. Они могут многое рассказать о деловой жизни человека, но практически ничего – о его чувствах и переживаниях.

Вот и получается, что очень многое об Уильяме Шекспире сокрыто от нас, причем многое – основное для него и о нем. К примеру, мы не знаем точно, сколько он написал пьес и их хронологию. Мы можем проследить,

что он читал, но не знаем, где он брал эти книги и что он делал с ними потом, прочитав их.

Хотя он оставил нам более миллиона слов своего текста, в нашем распоряжении всего лишь четырнадцать слов, написанных им от руки, – шесть раз его подпись и слова «Настоящим подтверждаю» на завещании. Ни одной записки, или письма, или странички рукописи не сохранилось. (Некоторые авторитетные ученые убеждены, что сохранился отрывок пьесы «Сэр Томас Мор», написанный его рукой, но доказательств тому нет). У нас нет письменных описаний его личности, оставленных его современниками. Первое письменное свидетельство: «Он обладал привлекательной внешностью, хорошим телосложением, был интересным собеседником, отличался очень быстрым, легким умом», – оставил спустя шестьдесят четыре года после его смерти Джон Обри, который к тому же родился через десять лет после его смерти.

Шекспир вроде был тихоней, а при этом в самом раннем письменном свидетельстве о нем, дошедшем до нас, его друг отзывается о нем весьма нелестно. Биографы отмечают, что он отказался от своей жены: в завещании отписал ей всего лишь старую кровать, да и то в последних строках, а ведь никто не достигал его высот в строках о любви, не писал таких нежных, таких чистых слов о любви и единении родственных душ!

Мы не знаем, как правильно писать его фамилию, и, судя по всему, ни одна из известных нам не была его фамилией, потому что ни один из вариантов его подписи, дошедших до нас, не повторялся дважды. (Среди них – Willm Shaksp – Уилм Шаксп, William Shakespeare – Уильям Шакспе, Wm Shakspe – Ум Шакспе, William Shakspere –

Уильям Шекспер, Willm Shakspere – Уилм Шекспер, William Shakspeare – Уильям Шекспер. Интересно, что вариант, который он ни разу не использовал, как раз тот, который по отношению к нему в наше время употребляют.) Мы точно так же не знаем, как правильно произносить его фамилию. Хельге Кекериц, автор серьезного труда «Как произносить фамилию Шекспира», считает, что сам поэт произносил краткое «Е» в первом слоге, как в слове «shack». В Стратфорде ее могли произносить не так, как в Лондоне, словом, вариантов произношения, как и написания, – много.

Мы не знаем, выезжал ли он когда-нибудь за пределы Англии. Не знаем его близких друзей и как он проводил свободное время. Его эротические увлечения – неразрешимая, полная противоречий загадка. Лишь касательно нескольких дней мы можем с уверенностью сказать, где он был. У нас нет никаких сведений, где он был в те решающие для него восемь лет, когда он бросил жену с тремя маленькими детьми в Стратфорде и фантастически быстро стал успешным драматургом в Лондоне. А когда в 1592 году о нем как о драматурге впервые появилось сообщение в прессе, он прожил большую часть жизни.

И в остальном он своего рода литературный эквивалент электрона – всегда где-то и всегда не там.

Чтобы понять, почему мы так мало знаем о жизни Шекспира и есть ли какая-то надежда узнать больше, я отправился однажды в государственный архив (нынче его называют Национальным архивом), – в Кью, в Вест-Лондон. Там я познакомился с Дэвидом Томасом, массивным, седовласым, веселым златоустом, старшим ар-

хивариусом. Когда я приехал, Томас принес огромную, неаккуратно перевязанную пачку документов – казначейские записи за зиму (начиная с Рождества) 1570 года – и положил на длинный стол у себя в кабинете. Тысяча страниц пергамента из овечьей шкуры, свободно скрепленных, причем все листы были разных размеров, словом, весьма громоздкий груз, который ему пришлось нести двумя руками.

– В каком-то плане эти записи превосходны, – сказал мне Томас, – овечья шкура – отменный материал и долго хранится, но обращаться с ним надо осторожно. Чернила пропитывают обыкновенную бумагу, а на шкуре они остаются на поверхности, почти как мел на классной доске, поэтому их легко стереть.

– Бумага в шестнадцатом веке была отличного качества, – продолжал он. – Ее делали из обрезков ткани, в ней не было кислоты, поэтому она тоже хранилась долго.

На мой неопытный взгляд, тем не менее, чернила поблекли и превратились в неразборчивые водяные следы, а потому прочитать написанное мне не представлялось возможным. Более того, текст на листах был написан без соблюдения каких бы то ни было правил, которые помогали бы его читать. Между абзацами не было отступов, просто никаких не было абзацев. Там, где заканчивалась одна статья, тут же начиналась другая, без даты или названия, которые отделяли бы их друг от друга, благодаря чему можно было бы понять содержание. Трудно представить себе более неразборчивый текст. Чтобы определить, к какому лицу или событию относится тот или иной объем текста, приходилось прочитать буквально каждое слово, что было занятием не-

легким даже для такого специалиста, как Томас, потому что почерк писца постоянно менялся.

Елизаветинцы очень вольно обращались со своим почерком, равно как и с грамматикой. Ученику предлагали до двадцати разных – часто очень разных – вариантов написания букв. В соответствии со вкусом писца, к примеру, буква “D” могла быть написана как «8», как ромб с хвостиком, как круг с завитушкой и еще 15 способами. “A” как “h”, “e” как “o”, “P” как “l” – по сути, любая буква могла быть похожей на любую другую. Усложняло дело и то, что судебные акты записывались особым методом – *lingua franca*.

– Это *lingua franca*, язык, придуманный протестантами, латиница, которую не мог разобрать ни один католик, – сказал мне, улыбаясь, Томас. – Соблюдался порядок слов английского языка, но в него вводились зашифрованные слова и идиосинкратические сокращения. Даже судебным клеркам было трудно с ним справиться, и когда судебные разбирательства были сложными или запутанными, они переходили на английский.

Хотя Томас знал, какую ему надо найти страницу, и изучал папку много раз, он потратил уйму времени, пока нашел строку, относящуюся к «Джону Шапперу, то есть Шекспиру» из «Стратфорда-на-Эйвоне», где он обвинялся в ростовщичестве. Документ этот представляет большое значение для ученых, занимающихся изучением Шекспира, ибо он помогает уяснить, почему в 1576 году, когда Уильяму было двенадцать лет, его отец ушел со службы и стал вести замкнутый образ жизни (о чем мы напишем позднее). Но документ был найден только в 1983 году ученой Венди Голдсмит.

В Национальном архиве более сотни миль записей такого рода, почти десять миллионов документов – в Лондоне и в хранилище, находящемся в старой соляной копи в Чeshire; не все они относятся к тому периоду, но их вполне достаточно, чтобы кропотливый исследователь потратил на них несколько десятилетий.

Единственно верный путь найти что-нибудь важное – прочитать все документы. В начале 1900-х годов пара пожилых американцев, Чарльз и Гульда Уоллес, решились на это. Чарльз был преподавателем английского языка в университете в Небраске, а в начале века по никому не известной причине решил выяснить подробности биографии Шекспира. В 1906 году они с Гульдой отправились в первую поездку в Лондон, чтобы изучать архивные записи. Потом они ездили туда еще несколько раз. В конце концов, они поселились в Англии навсегда. Работая по восемнадцать часов в день, в основном в архиве на Ченсери-лейн, где он тогда размещался, они проштудировали сотни тысяч самых разных документов (Уоллес утверждал, что пять миллионов*) – казначейские записи, документы на право собственности, документы на поместья, финансовые отчеты казначейства, судебные реестры, прошения, дарственные договоры о передаче имущества и прочие запылившиеся богатства законопослушного Лондона шестнадцатого – начала семнадцатого веков.

* Это явное преувеличение. Если бы Уоллесы тратили на каждый документ по пять минут, им пришлось бы потратить 416 666 часов на чтение пяти миллионов страниц. Даже если бы они трудились по 24 часа в сутки, они должны были бы провести там 47,5 лет (*Прим. автора*).

Они были убеждены, что Шекспир, будучи активным человеком и гражданином, должен фигурировать в этих документах. Теория вполне верная, но перед ними были сотни тысяч записей без примечаний и указателей, каждая из которых в принципе могла касаться любого из двухсот тысяч граждан, и даже если им попадалась на глаза фамилия Шекспира, она могла быть написана 80 способами, или же зашифрована в аббревиатуре. И не было оснований полагать, что он был замечен в Лондоне в каком-нибудь событии, как то: был арестован, вступал в брак, участвовал в прениях и тому подобное, что сделало бы его действующим лицом соответствующих записей гражданских состояний, так что целеустремленность Уоллесов была поистине героической.

Легко вообразить себе сдавленный крик восторга, когда в 1909 году они стали изучать папку судебных процессов, поступившую из апелляционного суда в Лондоне, которая состояла из 26 документов, известных как Дело Белотта – Маунтджоя (или Маунтжуа). Они все относились к тяжбе в 1612 году между Кристофером Маунтджоем, беженцем-гугенотом, делавшим на заказ парики, и его зятем Стивеном Белоттом из-за брачного контракта. Белотт утверждал, что тесть не передал ему обещанного в приданое за его дочь, и подал на него в суд.

Выяснилось, что в этом деле был замешан Шекспир, потому как был жильцом Маунтджоя в Крипплгейте в 1604 году, как раз, когда эта ссора вспыхнула. Спустя восемь лет его вызвали в суд для дачи свидетельских показаний, и он заявил – не без резона – что ничего не помнит о тех договоренностях, что были между его хозяином и его зятем.

В бумагах было 24 упоминания о Шекспире и самое ценное – его подпись, шестая и самая последняя из всех найденных. Более того – это самая четкая подпись из сохранившихся до наших дней. У Шекспира было достаточно места на листе, чтобы оставить четкий автограф, к тому же рука у него не дрожала. Но все-таки он по привычке подписался сокращенно – Willm Shaksp. Возле подписи огромная клякса, наверно, виной тому – низкий сорт бумаги. И хотя это было всего лишь свидетельское показание, перед нами уникальный документ, зафиксировавший подпись Шекспира.

Находка Уоллесов, как об этом сообщил на следующий год журнал «Ученые записки университета в Небраске» (причем мы полагаем, что эта заметка и по сей день остается самой сенсационной публикацией в журнале), была очень важной еще по двум причинам. Из нее становится ясно, где жил Шекспир в расцвете своей карьеры: в доме на углу Силвер-стрит и Монксвелл-стрит возле Сент-Олдерменбери-стрит в Сити. А также день, в который он давал показания, – 11 мая 1612 года; эта дата одна из немногих, о которой мы можем говорить с полной уверенностью, где конкретно в тот день он был.

Документы о Белотте – Маунтджое – лишь часть находок Уоллесов за многолетние поиски. Они нашли еще документы, свидетельствующие о его финансовом участии в театрах «Глобус» и «Блэкфрайерс»¹⁴, о покупке домика привратника у театра «Блэкфрайерс» в 1613 году, за три года до смерти. Еще они нашли документ судебного иска, по которому дочь Джона Хемингса, одного из ближайших друзей Шекспира, отсудила у отца какую-то фамильную собственность в 1615 году.

Для специалистов по Шекспиру эти находки имели величайшую ценность.

К сожалению, со временем Чарльз Уоллес стал немного странным. Он взялся писать экстравагантные панегирики в свой адрес, упоминая о собственной персоне в третьем лице единственного числа. («До его открытий, – читаем мы в одном из них, – почти пятьдесят лет считалось, что о Шекспире все уже досконально известно. Его удивительные открытия изменили эту картину... и принесли непреходящую славу американской науке».) Он стал страдать от параноидальных идей. Считал, что другие ученые платят архивариусам взятки, чтобы узнать, какие папки он заказал на просмотр. В конце концов, он решил, что английское правительство тайно наняло целый отряд студентов, чтобы те искали записи, касающиеся Шекспира, опережая его, и писал об этом в американских литературных журналах, приводя своими публикациями ученых по обе стороны Атлантики в смятение.

Им с Гульдой не хватало средств, от них отвернулось академическое сообщество, в результате они перестали заниматься Шекспиром и англичанами и перекочевали назад в Соединенные Штаты. В те годы в Техасе начался нефтяной бум, и у Уоллеса возникла новая навязчивая идея: он решил, что способен на глаз отличать хороший сорт нефти от плохого. Повинуясь этому тайному убеждению, он угрожал все оставшиеся деньги в ферму, занимавшую 160 акров у водопада Вичита в Техасе. Там было найдено самое богатое на то время нефтяное месторождение. Он умер в 1932 году очень богатым, но не очень счастливым.

В распоряжении студентов, изучающих Шекспира, очень мало проверенных фактов, поэтому у них всего три возможности: подробно изучать юридические документы, как это делали супруги Уоллесе; выдвигать предположения («Каждая биография Шекспира на 5% состоит из фактов, а на 95% – из догадок», – поделился со мной однажды один специалист из США, может, конечно, он шутил); или же убедить себя, что они знают больше, чем это было на самом деле. Даже очень осторожные биографы порой позволяют себе выдвигать самые разнообразные предположения: Шекспир был католиком, или был счастлив в браке, или любил деревенскую жизнь, или питал теплые чувства к животным – и на протяжении одной-двух страниц эта гипотеза становится достоверностью. Стремление переделать солагательное наклонение в изъявительное, перефразируя Алистера Фаулера, всегда было могучим фактором.

Другие просто идут на поводу у собственного воображения. Одна уважаемая и весьма уравновешенная академическая дама, профессор университета Лондона Каролайн Сперджен¹⁵, в середине тридцатых годов двадцатого века убедила себя, что внешность Шекспира можно определить, внимательно читая его текст, и доверительно сообщила нам в своем труде «Образы в произведениях Шекспира и то, о чем они нам говорят», что он был «плотного телосложения, фигура у него была красивая, хотя и склонная к полноте, у него были поразительно слаженные движения, быстрый, цепкий взгляд, он был очень подвижен. Думаю, что он был светлокожим, с хорошим цветом лица, в юности он часто краснел, не умел скрывать свои чувства».

Популярный историк Айвор Браун недавно сделал неожиданный вывод: в пьесах Шекспира часто упоминаются нарывы и сыпь, а все потому, что в 1600 году он переболел «тяжелейшей формой стафилококковой инфекции», и потом «на теле его постоянно появлялись нарывы».

Другие читатели-буквалисты в сонетах Шекспира (конкретно – в 37 и 89 сонетах) обратили внимание на то, что он дважды упоминает хромоту:

СОНЕТ 37

*Не хил, не беден я, и хромота
Моя исчезла – нет причин казнить...*

Перевод И. Фрадкина¹⁶

СОНЕТ 89

*Чтобы оправдать разрыв, ты оболги,
Найди во мне изъян – я подыграю:
Скажи, мол, хром на обе я ноги,
Безропотно я тут же захромаю.*

Перевод С. Степанова¹⁷

И делают вывод, что он хромал.

На самом деле не следует слишком концентрироваться на том, что нам ничего не осталось – ни словечка, ни обрывка записки, – что помогло бы нам узнать чувства и взгляды Шекспира-человека. Мы знаем только его творения, но никогда не узнаем, что служило ему пищей для вдохновения.

Дэвида Томаса вовсе не смущает, что Шекспир – темная лошадка.

– Бумаги, связанные с Уильямом Шекспиром, точно отражают суть положения человека в его время, – го-

ворит он. – Нам кажется, что их очень мало, потому как к Шекспиру огромный интерес. А в действительности мы знаем о нем гораздо больше, чем о любом другом драматурге – его современнике.

В биографии почти всех представителей той эпохи существуют зияющие провалы. Томас Деккер¹⁸ был одним из ведущих драматургов своего времени, но мы очень мало о нем знаем, разве только то, что он родился в Лондоне, написал много пьес и жил вечно в долгах. Бен Джонсон был гораздо более известен, но многие подробности его жизни остаются сокрытыми от нас – например, год и место рождения, кто были его родители, сколько у него было детей – эти факты до сих пор или неизвестны, или неточны. Мы очень мало знаем о первых тридцати годах жизни Иниго Джонса¹⁹, великого архитектора и театрального художника, понимаем только, что он наверняка должен был где-то обретаться.

Факты удивительно ненадежная материя, и за четыреста лет многие просто исчезли. Одной из самых популярных пьес того времени была «Арден из Фавершема», но никто не знает, кто ее автор. Если мы знаем личность автора, это знание часто носит поразительно случайный характер. Томас Кид²⁰ написал пьесу, пользовавшуюся огромным успехом, – «Испанскую трагедию», но установили это только благодаря ссылкам на его авторство в документах, написанных двадцать лет спустя после его смерти (а потом потерянных почти на двести лет).

Что нам удалось сделать по отношению к Шекспиру, так это сохранить его пьесы – все, кроме двух, благодаря, главным образом, усилиям его коллег Генри

Конделла и Джона Хемингса, которые собрали практически полное собрание его сочинений после его смерти, Первое фолио, пользующееся заслуженным уважением. Не будет преувеличением сказать, что мы счастливы, что у нас так много творений Шекспира, потому что, как правило, пьесы, написанные в XVI и в начале XVII века, потеряны. Сохранилось лишь считанное число рукописей драматургов разного уровня, и даже опубликованные пьесы гораздо чаще теряются и не доходят до нас. Из почти трех тысяч пьес, поставленных в Лондоне со дня рождения Шекспира до 1642 года²¹, когда пуритане, охваченные эпидемией мизантропии, закрыли театры, 80% известны нам лишь по их названиям. Со времен Шекспира сохранилось всего 230 пьес, среди них 38 принадлежат Шекспиру, то есть около 15% от общего числа – поразительная пропорция.

Мы обладаем богатым творческим наследием Шекспира, поэтому можем сопоставить и понять, как мало мы знаем о его личности. Если бы сохранились только его комедии, мы бы считали его легкомысленным парнем. Если бы только сонеты, он казался бы нам человеком, которого обуревали мрачайшие страсти. А знакомясь с другими его творениями, мы бы считали его изысканным, умным метафизиком, меланхоликом, Макиавелли, неврастеником, беспечным, любящим и так далее. Шекспир-писатель обладал всеми этими качествами. Но вряд ли мы знаем, каким он был человеком.

Оттого что ученые располагают обширным текстом, но скудным контекстом, они, как одержимые, концентрируются на том, что им удалось узнать. Они

сосчитали каждое слово, которое он написал, зафиксировали каждую мелочь. Они могут сообщить нам (и уже это сделали), что в работах Шекспира 138 198 запятых, 26 794 двоеточий и 15 785 вопросительных знаков, что об ушах он писал 401 раз, что 10 раз встречается слово «навозная куча» и дважды – «тупица», что его герои говорят о любви 2259 раз, а о ненависти – 183, слово «проклятый» он употребил 105 раз, «кровавый» – 226, а вот слово «кровожадный» только дважды; он написал слово *hath* (архаичная форма *has*) 2069 раз, а *has* всего лишь 409 раз. Он подарил нам 884 647 слов, 31 959 реплик, 118 406 строк.

Они могут сказать нам не только, что Шекспир написал, но и что он прочитал. Джеффри Буллоу посвятил почти всю жизнь изучению источников того, о чем Шекспир упоминал, издал восьмитомный труд, открывающий перед нами не только копилку знаний Шекспира, но и их источник. Другой ученый, Чарлтон Хинмен, сумел расшифровать всех наборщиков текстов пьес Шекспира. Сравнивая особенности «почерка» – набирал наборщик *go* или *goe*, *chok'd* или *choakte*, *lantern* или *lentorn*, *set*, *sett* или *sette* и так далее – и сравнивая эти особенности с особенностями стиля, пунктуации, употребления прописных букв, выключки строк и так далее, он с коллегами идентифицировал девять человек, набравших Первое фолио. Его современники вполне серьезно решили, что благодаря детективному расследованию Хинмена мы знаем гораздо больше о том, кто что делал в типографии Исаака Джаггарда, чем сам владелец²².

Шекспир, похоже, не столько историческая фигура, сколько предмет одержимости ученых умов. Доста-

точно взглянуть на указатели многих научных журналов, посвященных ему и его эпохе, чтобы обнаружить в них такие скрупулезные исследования, как «Лингвистическая и информационная энтропия в “Отелло”», «Болезнь уха и убийство в “Гамлете”», «Использование яда в сонетах Шекспира», «Шекспир и народ Квебека», «Гамлет был мужчиной или женщиной?» и прочие подобные изобретательные темы.

Количество чернил, потраченных на труды о Шекспире, просто смехотворно огромно. В каталоге Британской библиотеки на рубрикации «Шекспир – автор» вы найдете 13 858 опций (тогда как на Марло²³ – 455), а на рубрикации «Личность Шекспира» – еще 16 092. В Библиотеке Конгресса в Вашингтоне около 7000 работ о Шекспире – придется потратить двадцать лет, чтобы прочитать их, но при условии, что ежедневно вы одолеете одну книгу, – и если судить по этому каталогу, количество книг постоянно растет. Ежеквартальный журнал «Шекспир», самый солидный из всех библиографических указателей, ежегодно публикует указания на 4000 новых серьезных работ о нем – книг, монографий, статей.

Отвечу на естественный для будущего читателя вопрос: моя книга написана не столько потому, что мир ждет еще один опус о Шекспире, и в силу этой причины включена в серию «Выдающиеся личности». Моя идея проста: я решил разобраться, сколько мы можем узнать и действительно знаем о Шекспире, изучая архивные документы.

Впрочем, это одна из причин, и весьма несущественная.

*Стратфорд.
Дом в Стратфорде, где родился Уильям Шекспир*

*Анна Хетевэй, жена Шекспира.
Ее дом*

Ранние годы, 1564–1585

Уильям Шекспир родился в мире, в котором было мало людей и в котором сражались за каждого. В Англии 1564 года было от 3 до 5 миллионов жителей, намного меньше, чем за 300 лет до того, когда чума начала свой бесконечный тяжкий погребальный звон колоколов. Число британцев к тому времени заметно уменьшилось. В предыдущее десятилетие населения стало на 6% меньше. В Лондоне почти четверть населения отправилась в мир иной.

Но чума была лишь первой ласточкой смертей и несчастий. Простолюдин в любую минуту мог заболеть туберкулезом, корью, рахитом, цингой, оспой двух типов (сливной и кровавой), золотухой, дизентерией, фурункулезом и лихорадкой – трехдневной, четырехдневной, родильной горячкой, морской лихорадкой, малярией

обыкновенной, пятнистой лихорадкой, а еще «бешенством», падучей и множеством других диковинных, не известных до того хворей. Конечно же, болезни эти косили всех без разбора. Королева Елизавета²⁴ едва не умерла в 1562 году – за два года до рождения Шекспира.

Даже сравнительно менее серьезное заболевание – камень в почке, нагноение раны, трудные роды – могло окончиться летальным исходом. Почти такими же опасными, как сами болезни, были способы их лечения. Жертвам делали очистительные процедуры, кровопускание, пока они не теряли сознание; вряд ли подобные методы помогали ослабевшему организму. В то время у ребенка редко здравствовали все дедушки и бабушки.

Многие из этих болезней с экзотическими именами известны нам теперь под другими названиями (морская лихорадка, к примеру, теперь называется «тиф»), а некоторыми болели только в то время. Одна из подобных – «английский пот», ее сумели победить незадолго до рождения Уильяма, в течение нескольких эпидемий она унесла немало жертв. Ее называли «бичом, от которого не спастись», потому что она внезапно налетала на людей: жертва заболела в одночасье и в тот же день умирала. К счастью, кое-кто выживал, и постепенно в сообществе выработался коллективный иммунитет, поэтому к 1550-м годам она исчезла совсем. Проказа, одно из самых чудовищных бедствий Средних веков, тоже, к счастью, перестала мучить людей к тому периоду, и эпидемии больше не вспыхивали с прежней силой. Но стоило этим несчастьям отступить, как появилась другая страшная лихорадка, ее назвали «новая напасть», она пронеслась по стране несколькими вспышками и убила

десятки тысяч людей с 1556 по 1559 годы. Еще усугубили ужасное положение англичан очень скудные урожаи 1555 и 1556 годов, которые обрекли людей на голод. То был в прямом смысле слова чудовищный век.

Чума, однако, была самым страшным бичом. Три месяца спустя после рождения Уильяма в похоронную книгу в храме Святой Троицы в Стратфорде вписали зловещие слова – “*Hic incipit pestis*” («Здесь начинается чума») – возле мальчика по имени Оливер Гунн. Эпидемия 1564 года была ужасной. В Стратфорде умерло по меньшей мере 200 человек, в десять раз больше обычного. Но даже в годы, когда не было чумы, в Англии умирало 16% детей, а в тот год умерло две трети малышей. (Сосед семьи Шекспира потерял всех детей.) В этом смысле самая великая победа Шекспира не в том, что он создал «Гамлета» или сонеты, а в том, что он выжил в детстве.

Мы не знаем точную дату его рождения. Ученые проявили неожиданную изобретательность, чтобы определить, какая из двух наиболее подходящих дат и еще нескольких других – самый вероятный день его появления на свет. Традиционно считается, что это 23 апреля, День Святого Георгия. Это национальный праздник – День Англии, и так совпало, что именно в этот день пятьдесят два года спустя Шекспир умер, явив своим приходом и уходом симметрию, которую невозможно оспорить, тем не менее, единственный бесспорный факт относительно даты его рождения заключается в том, что 26 апреля он был крещен. В то время – как следствие высокой смертности – новорожденного крестили как можно раньше, не позднее, чем в первое воскресенье

или в первый церковный праздник после его появления на свет. Если Шекспир родился 23 апреля – а это в 1564 году было воскресенье, – значит, самым верным было крестить его 25 апреля, в День Святого Марка. Но кое-кто тогда полагал, что именины Святого Марка не принесут младенцу удачи, а потому, считают ученые (это одно из предположений), крещение было отложено на один день позже – до 26 апреля.

Нам повезло узнать то, что мы знаем. Когда Шекспир родился, записи в приходских книгах велись аккуратно. Хотя всем приходам в Англии было строжайше предписано за четверть века до того, в 1538 году, непременно регистрировать рождения, смерти, венчания, не все этот приказ выполняли. (Многие подозревали, что внезапный интерес государства к сбору информации был прелюдией к какому-то новому налогу, которого опасались.) В Стратфорде начали аккуратно вести регистрацию только в 1558 году, Уильям значится в записях, а его будущая жена Анна Хетевэй²⁵, которая старше его на восемь лет, – нет.

Но хочу привести еще одно соображение по поводу даты рождения Уильяма, правда, оно носит весьма академический характер. Шекспир родился, когда в стране был юлианский календарь²⁶, а не григорианский²⁷, введенный в 1582 году в Европе, то есть когда Шекспир уже повзрослел и готовился к женитьбе. Так что 23 апреля для Шекспира – для нас 3 мая. Поскольку григорианский календарь был иностранной выдумкой, введенной в честь Папы Римского Григория XIII, в Британии он был запрещен до 1751 года, так что большую часть жизни Шекспира и еще 135 лет даты в Британии

заметно отличались от дат в Европе – а этот сюжет до сих пор сбивает историков с толку.

Главное событие шестнадцатого века состояло в том, что Англия перешла из католицизма в протестантизм, причем переход этот никак нельзя назвать гладким и спокойным. Англия перешла в протестантизм при Эдуарде VI, при Марии Тюдор²⁸ – вернулась к католическому вероисповеданию, а при Елизавете – снова перешла в протестантизм. С изменением государственного вероисповедания всякий раз священнослужители, проявлявшие упорство или нерасторопность, стремясь сохранить в своем приходе прежнюю конфессию, подвергались преследованиям. Так, архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер и его единоверцы были сожжены на костре после того, как в 1553 году на трон взошла католичка Мария Тюдор. Событие это запечатлено в книге Джона Фокса, полное название которой – «События и памятники тех последних и трагических дней в истории Церкви», но известна она как «Книга мучеников Фокса», которая служила поддержкой антикатолическим настроениям в годы жизни Шекспира. Она была благосклонно принята и Елизаветой, потому как в переиздание была включена глава «Чудесное заступничество леди Елизаветы, ныне королевы Англии», в которой превозносилось ее храброе заступничество за протестантов в годы бурного правления ее сводной сестры (на самом деле Елизавета вовсе не была храброй протестанткой в годы правления Марии).

Хотя это было время величайших религиозных потрясений и многие погибли мученической смертью,

в целом переход в протестантизм в стране проходил относительно спокойно – без гражданской войны и многочисленных казней. За сорок пять лет правления Елизаветы было казнено чуть больше 200 католиков. Достаточно сравнить с 8 000 протестантов, которых убили гугеноты в Париже во время Варфоломеевской ночи в 1572 году, и неизвестно, сколько тысяч человек погибло тогда по всей Франции. Это массовое кровопролитие имело в Англии катастрофический эффект – Кристофер Марло обрисовал его в своей драме «Парижская резня» и включил сцены массовых убийств в две другие пьесы – и два последующих поколения англичан-протестантов стали воинствующе патриотичными, но при этом постоянно опасались за свою жизнь.

Елизавете было тридцать лет, пять из которых она была королевой, когда родился Уильям Шекспир; ей предстояло править страной еще тридцать девять беспокойных лет. В глазах католиков она была преступницей и незаконнорожденной. Ее подвергли гонениям Римские папы, сначала отлучив от Церкви, а потом приказав убить. Более того, большую часть ее правления другая претендентка на трон, католичка Мария²⁹, ее кузина, королева Шотландская, не уставала напоминать о своих правах на престол. Жизнь Елизаветы была под постоянной угрозой, поэтому предпринимались всевозможные меры безопасности. Ей не позволялось выходить одной из дворца, и внутри него она была под неусыпной охраной. Ей не разрешали принимать подарки – прежде всего нательное белье, опасались, что оно может быть заражено чумными бактериями. Даже кресло, в котором

она сидела, как опасались ее охранники, могли посыпать инфекционной пылью. Когда пронесся слух, что во дворец проник итальянский отравитель, она уволила всех итальянских слуг. В конце концов, она перестала доверять кому бы то ни было и спала, положив рядом с кроватью старый меч.

Но Елизавета продолжала здравствовать, и покуда она оставалась на троне, была окружена противниками, рассуждавшими о ее преемнике, — эта тема занимала умы нации на протяжении всех лет ее правления, а следовательно, и большую часть жизни Шекспира. Как заметил Фрэнк Кермоуд, четверть пьес Шекспира строится вокруг темы престолонаследия, хотя разговоры такого рода карались законом. Парламентарий-пуританин Питер Вентворт провел десять лет в Тауэре только за то, что позволил себе затронуть эту проблему в своем эссе.

Елизавета не была неистовой протестанткой. Ей нравились многие католические каноны (в англиканских приходах отменили вечерни), она требовала от своих подданных чуть больше, чем формальное объявление о своей принадлежности к англиканской Церкви в годы своего правления. Интересы Короны не сводились к строжайшему контролю за неукоснительным соблюдением церковных канонов ее вассалами — достаточно было быть уверенным в их преданности сюзерену. Рассказывали, что если ловили католиков-священников, тайно служивших требу и проповедовавших католицизм, их судили не за ересь, а за предательство. Во время путешествий по стране Елизавета с удовольствием гостила в семьях католиков, если их преданность Короне считалась безупречной. Так что быть католиком в елизаветинской Англии

не считалось особым вызовом. А вот к явным католикам, то есть к тем, кто открыто проповедовал и исповедовал католицизм, относились совсем по-другому. Но об этом – дальше.

Католики, которые отказывались посещать англиканские церкви, должны были платить штраф. Те, кто не ходил в англиканский храм, назывались отказниками, а таких было много в 1580 году – около пятидесяти тысяч. До 1581 года за отказ надо было платить совсем маленький штраф – двенадцать пенсов, да и облагали штрафом довольно редко, а потом его резко подняли, и для многих это были очень большие деньги – двадцать фунтов стерлингов в месяц. Интересно, что двести граждан были достаточно богаты и тверды в своей вере, и поэтому платили деньги, которые стали доходной статьёй для Короны; в результате собрался капитал в 45 000 фунтов стерлингов, что было заметным подспорьем в годы войны с Испанской Армадой³⁰.

Большая часть королевских подданных были «папистами-церковниками», или «хладнокровными протестантами», готовыми защищать протестантизм по первому требованию, но с радостью, даже испытывая счастливый порыв, снова перешли бы в католическую веру, если бы на то была воля королевы.

В протестантизме тоже были свои разногласия и споры. Пуритане (это слово в год рождения Уильяма Шекспира приобрело презрительный оттенок) и «раскольники» различных религиозных направлений тоже подвергались преследованиям – не столько за их веро-

вание и особенности церковных обрядов, сколько за привычку не подчиняться властям и смелые, подчас вызывающие высказывания. Когда известный пуританин по имени Джон Стаббс высказался (как нам теперь кажется, абсолютно уместно) по поводу странного брака королевы и француза-католика герцога Алансона*, ему отрубили правую руку. Держа в другой руке свою окровавленную руку и бросив толпе шляпу, Стаббс воскликнул: «Боже, спаси королеву!», потерял сознание, и его отнесли в тюрьму, где он провел полтора года.

На самом деле он отделался очень легко, потому что его могли наказать гораздо суровее. Многие осужденные слышали леденящие душу слова: «Тебя отправят туда, откуда ты появился... Тебе вспорют живот, сердце и почки выбросят, причинные места вырежут и швырнут в огонь, прямо у тебя на глазах». Во время правления Елизаветы запретили расчленять преступника и подвергать его мучительным пыткам, не давая ему умереть. Но были исключения. В 1586 году Елизавета приказала совершить показательную казнь в назидание другим. Преступником был состоятельный молодой католик Энтони Бабингтон, участник заговора против королевы, целью которого было ее убийство. Бабингтона сняли с эшафота, пока он был в сознании, и заставили смотреть, как ему вспарывают живот и вытаскивают внутренности. Этот чудовищный акт поверг в ужас даже кровожадную толпу.

* То был странный союз, королева годилась ему в матери – ей было почти сорок, а ему 18, к тому же герцог был коротышкой и уродцем. (Его сторонники предлагали ему отрастить бороду, чтобы стать привлекательнее.) Лишь смерть герцога в 1584 году положила конец этой истории (*Прим. автора*).

Монархи чрезвычайно охотно прибегали к физическим расправам и наказаниям, Елизавета тоже часто так поступала, отлучала от двора, а то и заточала в тюрьму тех, кто попадал к ней в немилость (к примеру, вступал в брак без ее благословения). Часто на длительный срок. Теоретически она наслаждалась своей неограниченной властью и правом держать под стражей любого подданного, который посмел не проявлять почтение к представителям другого социального слоя, тем паче, что существовало большое число отличий одного слоя от другого. На самой верхушке общества был, естественно, монарх. Затем – знать, духовенство, аристократия, именно в такой последовательности. За ними – граждане, среди них на особом месте были богатые купцы и им подобные состоятельные люди, словом, буржуазия. Затем – йомены, то есть мелкие фермеры; замыкали эту вертикаль ремесленники и простые работники.

Финансовые законы того времени жестко определяли и одежду подданного, что часто доходило до абсурда. Если гражданин имел доход 20 фунтов стерлингов в год, ему позволялось носить любую атласную одежду, кроме мантии и накидки, а из бархата он мог шить себе только камзол определенной длины, но ни в коем случае не верхнюю одежду. Нельзя было его шить из алой или синей ткани, цветные камзолы позволялось носить рыцарям ордена Подвязки³¹ и их наставникам. Рыцарям и их старшим сыновьям при этом запрещено было носить шелковые чулки, этот же запрет касался некоторых (но не всех) посланников и королевских слуг. Ограничения распространялись также и на ткань, из которой шили

одежду, – оговаривалось, сколько метров можно потратить на конкретный предмет, а также дозволено ли шить его в складку или нет. И так до бесконечности.

Законы также частично распространялись и на товары отечественного производства, а на импортные товары – практически всегда. Во многом по этой же причине на какое-то время был введен Закон о головных уборах, целью которого было помочь отечественным шапочникам выжить в годы экономической депрессии; согласно этому закону, подданные должны были носить кепи и фуражки вместо шляп. По непонятным причинам пуритане не признавали этот закон, и их частенько облагали штрафом. Большинство же финансовых законов не соблюдалось столь же неукоснительно. В архивах мы не находим судебных протоколов, касающихся подобных нарушений. Тем не менее, на бумаге они сохранились до 1604 года.

Еда также регламентировалась законами, в которых указывалось, сколько блюд имеет право подданный съесть в зависимости от его положения. Кардиналу дозволялось съесть девять блюд во время первой трапезы, а те, кто зарабатывал в год меньше 40 фунтов стерлингов (то есть большинство), имели право съесть только два блюда плюс суп. К счастью, после того, как Генрих VIII разорвал дипломатические отношения с Римом, тому, кто ел мясо по пятницам, не грозила виселица, но если замечали, что кто-то ест мясо во время Великого поста, его сажали на три месяца в тюрьму. Церковному клиру дозволялось продавать индульгенции на освобождение от запретов Великого поста, на чем они зарабатывали деньги. Странно, что их покупали очень многие, потому

как большое количество сортов постного мяса – телятина, цыплята и другая дичь – считались рыбой.

Ограничениям и запретам были подчинены почти все стороны жизни. Местные власти могли оштрафовать фермера за то, что он выпустил своих уток на дорогу, за то, что незаконно присвоил себе городской гравий, пустил к себе в дом гостя, не получив разрешения у судебного пристава. Самый первый раз мы наткнулись на фамилию Шекспира в связи с проступком, который Джон совершил в 1552 году, за двенадцать лет до рождения Уильяма. Его отец был оштрафован на один шиллинг за то, что собрал у себя во дворе на Хенли-стрит в Стратфорде кучу навоза. Это было не просто нарушение общественного порядка, но и угроза для соседей: в городе участились вспышки чумы. Штраф в один шиллинг был серьезным наказанием, столько, скорее всего, Шекспир зарабатывал за два дня.

О молодом Джоне Шекспире известно не очень многое. Он родился в 1530 году, вырос на ферме возле Снитерфильда, но юношей перебрался в Стратфорд (немногочисленные потомки называли поэтому его сына Снитерфильдским бардом), стал перчаточником и портным кожаных изделий, работал только со светлой и мягкой кожей. Тогда это было чрезвычайно почетным ремеслом.

Стратфорд считался крупным городом. В нем жило около двух тысяч человек – в Англии в то время было всего три города, население которых превышало десять тысяч. Он находился в восьмидесяти пяти милях к северо-западу от Лондона – четыре дня надо было добираться туда пешком и два дня верхом – на одной

из главных дорог, по которым везли шерсть из Уэльса в Лондон. (Почти все добирались пешком или верхом, другого способа не было. Экипажи как средство общественного транспорта появились в год рождения Шекспира, но их стали широко использовать лишь век спустя.)

Часто говорят, особенно те, кто стремится убедить нас, что Уильям Шекспир был неграмотным, что у него не было никаких данных и никакого образования, чтобы стать драматургом и быть автором пьес, которые ему приписывают. Можно с уверенностью сказать, что неграмотность в Англии тогда была практически повальной. Согласно статистике, 70% мужчин и 90% женщин не умели расписываться. Но чем выше был социальный уровень, тем выше – показатель грамотности. Среди ремесленников – а в их число входил и Джон Шекспир – уже 60% могли читать, это весьма внушительная цифра.

Вывод о том, что отец Шекспира был неграмотным, исследователи сделали на том основании, что он вместо своей фамилии ставил значки на документах, дошедших до нас. Но многие елизаветинцы, особенно те, кто считал себя чересчур загруженным делами, ставили вместо подписи значок, даже те, кто умел читать; точно так и современные бизнесмены помечают на полях служебные записки. Сэмюель Шенбаум пишет, что современник Шекспира, житель Стратфорда Адриан Квини подписывал все бумаги крестом и мог бы считаться соответственно неграмотным, если бы до нас случайно не дошло письмо, написанное изящным слогом им собственноручно, адресованное Уильяму Шекспиру в 1598 году. Не следует забывать, что Джон Шекспир поднимался по социальным ступенькам, занимая все

более высокие должности, и будь он неграмотным, ему вряд ли бы это удалось. В любом случае, его умение или неумение писать несколько не могло отразиться на способностях его детей.

Каким бы ни был Джон – грамотным или нет – он пользовался авторитетом и уважением в обществе. В 1556 году он был избран на первую из своих многочисленных должностей в муниципалитете – дегустатором (скорее, контролером) пива. В его обязанности входило следить за тем, чтобы все в городе, включая владельцев таверн и магазинов и уличных торговцев, соблюдали правила продажи пива, в том числе и ценовые. Два года спустя он стал констеблем, что требовало, как и нынче, физической силы и храбрости, а на следующий год стал сборщиком штрафов, не предусмотренных законом. Потом он стал соответственно горожанином, казначеем муниципалитета и олдерменом (членом городского управления). Последняя должность предполагала, что к человеку, занимающему ее, обращались со словом «мастер», а не просто «добрый человек». В конце концов, в 1568 году он получил самый высокий выборный пост в городе – пост старшего бейлифа, то есть мэра, хотя тогда эту должность так не называли. Так что Уильям Шекспир родился в семье весьма почетного горожанина.

Одной из обязанностей Джона-бейлифа было оплачивать из городского бюджета представления бродячих актеров. В Стратфорд стали регулярно приезжать актеры, и вполне оправданно допустить, что впечатлительный юный Уильям побывал на многих представлениях, что, вероятно, воодушевило его, а может, он обзавелся знакомствами среди актеров, что позднее облегчило ему

путь в лондонский театр. По крайней мере, он увидел актеров, с которыми потом очень сблизился.

Вот и все, что было известно о Джоне Шекспире на протяжении 400 лет. Но в 1980 году кое-какие находки в государственном архиве открыли нам другую, весьма сомнительную сторону его характера.

– Похоже, он якшался с темными личностями, – рассказывает Дэвид Томсон. – В 1570-е годы он четыре раза привлекался к судебной ответственности (или ему грозило судебное расследование – в записях не всегда четко это прослеживается) за торговлю шерстью и ростовщичество – и то, и другое считалось противозаконным. Ростовщичество считалось особенно «гнусным, тяжким грехом», говоря высоким штилем, коим пользовались законники, а штрафы за это выписывали очень суровые. Джон совершал эти преступления в особо крупных размерах. В 1570 году его обвинили в том, что он ссудил Уолтеру Мессему 220 фунтов стерлингов (включая проценты). Это была очень большая сумма, в пересчете на современный курс около ста тысяч фунтов стерлингов. Мессем не представлял собой «хорошего риска», после его смерти его имущество было оценено лишь в 114 фунтов стерлингов, то есть в гораздо меньшую сумму, чем Шекспир ссудил ему.

Такие операции были связаны с чрезвычайной опасностью. Тот, кому было предъявлено обвинение, терял всю ссуду и проценты, должен был заплатить штраф и мог угодить за решетку. Этот закон применялся – хотя и не совсем справедливо, надо заметить, – к любому кредиту. Если кто-то покупал у вас шерсть, заверяя, что он расплатится позже, и вы соответственно просили до-

бавить небольшой процент, это тоже считалось ростовщичеством. Скорее всего, Джона Шекспира обвиняли в подобных сделках, потому как он торговал крупными партиями. В 1571 году, к примеру, его обвинили в покупке 300 тодов – то есть 8400 фунтов шерсти. Это очень большая партия шерсти, а значит, сделка была связана с большим риском.

Мы не знаем точно степень его вины. Информаторы, как подчеркнул Дэвид Томас, иногда намеренно возбуждали судебные иски, хитроумно рассчитывая, что ответчик, даже если он и невиновен, предпочтет пойти на мировую до суда, чем предстать перед затяжным судом, который выльется для него к тому же в большие деньги. И один из обвинителей Джона Шекспира засвидетельствовал в своих бумагах, что он участвовал в таком неправедном процессе.

В любом случае, в 1576 году в деловой жизни Джона Шекспира имели место подобные неприятные события; Уильяму было тогда 12 лет. Джон в одиночестве перестал участвовать в общественной жизни города и посещать собрания. Он был внесен в список девяти жителей Стратфорда, которые перестали ходить в церковь, «боясь, что их арестуют и отдадут под суд за долги». Его друзья в муниципалитете уменьшали сумму налогов, которые ему следовало платить, или вообще не брали их с него. Они выбрали его членом городского совета в течение десяти лет в надежде, что он поправит свои дела. Но он так и не смог их поправить.

Мать Уильяма, Мэри Арден, оставила нам куда более честную историю о себе, если не сказать – гораздо

более яркую и поучительную. Она принадлежала к боковой ветви очень знатного рода. Отец ее был фермером, семья жила в достатке, но, скорее всего, не слишком богато. У нее было восемь человек детей: четыре дочери, из которых лишь одна дожила до старости, четыре сына, которые дожили до своего совершеннолетия, но только Уильям женился. О них (за исключением Уильяма) мало что известно. Джоан родилась в 1558 году, вышла замуж за местного торговца шляпами по имени Харт и дожила до семидесяти семи лет. Гильберт родился в 1566 году, стал отличным галантерейщиком. Ричард родился в 1574 году и умер, когда ему было лет сорок, больше нам о нем ничего не известно. Самый младший, Эдмунд, стал в Лондоне актером; в каком театре он играл и пользовался ли он популярностью, нам тоже не известно, он умер в 27 лет. Его могила – в соборе Саутварка, он единственный из восьми детей Джона Шекспира, похороненный не на погосте церкви Святой Троицы в Стратфорде. Семерых детей Джона назвали в честь близких родственников и друзей семьи. Исключение составил Уильям – кто именно подсказал его родителям это имя, остается маленькой тайной, как почти все, что касается его жизни.

Считается (и об этом часто пишут исследователи), что Шекспир получил отменное образование в местной грамматической школе, Новой Королевской школе, которая находилась на Черч-стрит, в Гилд-холле. Вполне возможно, что так и было, хотя сей факт не имеет письменных подтверждений в школьных архивах того периода, поскольку они давно утрачены. Известно только, что в школу принимали всех желающих местных

мальчиков, каким бы парнишка не был бестолковым и слабеньким, лишь бы умел читать и писать, а Уильям Шекспир умел. Королевская школа была очень высокого уровня, и ее щедро поддерживали власти. Директор получал зарплату 20 фунтов стерлингов в год, почти в два раза больше, чем директора в других городах, даже больше, чем получал директор школы в Итоне, об этом не раз упоминается в архивных документах. Три педагога были выпускниками Оксфорда, что тоже хорошая характеристика.

Мальчики учились, как правило, лет семь – восемь, поступали в школу в семь лет. Учебный день был длинным и страшно утомительным. Ученики сидели на жестких деревянных скамейках с 6 утра до 5–6 вечера, у них были только две короткие перемены, а занятия – шесть раз в неделю. (Седьмой день был свободным, скорее всего, для того, чтобы дети ходили в церковь). Большую часть года они даже не видели дневного света. Легко понять строчку из пьесы «Как вам это понравится» о мальчишке, который «плелся в школу, как улитка».

Дисциплина была строгой. Когда студента готовили к преподаванию в школе, его, как правило, учили «науке порки», но в сравнении со многими частными и местными школами грамматическая школа в Стратфорде считалась домом отдыха. Мальчики в Вестминстерской школе в Лондоне спали в амбаре для хранения зерна, без окон, в нетопленном помещении, мылись ледяной водой, ели впроголодь, и их частенько секли. (Между прочим, такие условия сохранились во многих английских школах и в двадцатом веке.) Занятия начинались на рассвете, в конце уроков часто были дополнительные

и индивидуальные занятия, так что мальчики сидели за партой до поздней ночи.

У Шекспира было много уроков латыни, не в пример известной фразе Бена Джонсона о том, что он знал «немного латыни и еще меньше древнегреческого»; мальчики в грамматической школе целые дни зубрили латинские тексты – читали, запоминали наизусть, писали, часто бубнили их про себя. Одну из главных фраз в то время – «Спасибо тебе за твое письмо» – надо было повторить на латинском языке 150 раз разными способами. С помощью этих упражнений Шекспир узнал все правила риторики – метафору и анафору, гиперболу и синекдоху и другие премудрости образной речи. Как пишут Стэнли Уэллс и Гэри Тейлор в своем предисловии к Оксфордскому полному собранию сочинений Шекспира, любой ученик грамматической школы того времени получал куда более глубокую подготовку в латинской риторике и литературе, «чем большинство наших современников, имеющих диплом филолога, специалиста по античности». Но больше они ничего не узнавали. Все свои знания по математике, истории и географии Шекспир получил не в грамматической школе.

Вероятно, он окончил школу приблизительно в 15 лет. Что он делал потом, никто не знает, хотя этот вакуум наполнился многочисленными легендами. Самая распространенная из них – о том, что он занимался браконьерством, охотился на оленей в поместье сэра Томаса Люси в Чарлькоте, неподалеку от Стратфорда, пока его не поймали. Но ему удалось сбежать из города. Эту историю и даже ее подробности повторяют и по сей день. Рой Стронг в своем труде «Портреты Тюдоров и якобин-

цев» пишет, что Уильям покинул Стратфорд в 1585 году, «чтобы спастись от судебных преследований за браконьерство в Чарлькоте», но что на следующий год его нашли в Лондоне. На самом деле мы не знаем, когда он ушел из Стратфорда, или когда он перебрался в Лондон, или что он вообще украл хоть что-нибудь. В любом случае, маловероятно, что он охотился в Чарлькоте на оленей, потому как лишь в следующем веке там появился парк с оленями.

Единственное, что мы знаем наверняка о ранней юности Шекспира, – это то, что в ноябре 1582 года священник в церкви Вустера сделал запись в приходской книге о том, что Уильям Шекспир подал прошение на разрешение вступить в брак. Невестой, согласно книге записей, была не Анна Хетевэй, а Анна Уотли из соседнего Темпл Графтон – это тоже загадка, которая позволила некоторым биографам предположить, что он ухаживал одновременно за двумя девушками и сделал им предложение, но отказался от Анны Уотли в пользу беременной Анны Хетевэй. Энтони Берджесс в пылу воображения решил, что юный Шекспир «отправился в Темпл Графтон покупать овечьи шкуры и влюбился в хорошенькую дочку продавца, нежную, как цветок боярышника, и робкую, как олененок».

Скорее всего, Анны Уотли никогда и не было. За четыреста лет поисков шекспироведы не нашли никаких следов ее существования. Священник из Вустера просто не был внимательным писцом. В книгах записей той же рукой выведено Baker – Бейкер вместо Barber – Барбар, Edgcock – Эджкок перепутано с Elcock – Эллок, вместо Bradeley – Брэдли записано Darby – Дарби. Так что

превратить Хетевэй в Уотли ему не составило особого труда. Более того – а специалисты по Шекспиру воистину неумимы – в записях в другой книге в тот же день зафиксирован некий Уильям Уотли, получается, что эта фамилия просто застряла почему-то в его башке. Но никто, тем не менее, пока что не смог объяснить, как в приходской книге появился Темпл Графтон, ведь невеста была родом из Шоттери!

Само свидетельство о браке потеряно, а другой документ – брачный контракт – сохранился. На нем фамилия и имя Анны Хетевэй написаны верно, а фамилия Шекспира превращена в Shegspere – Шегспира. Это первое из вызывающих удивление искажений. В брачном контракте значится, что он внес 40 фунтов стерлингов, что позволяло совершить обряд венчания после одного оглашения, хотя обычно оглашают трижды, видимо, они торопились обвенчаться. 40 фунтов стерлингов платили в виде залога, чтобы подтвердить церковному начальству, что молодожены не подведут его и не заставят пойти на другие расходы, к примеру, на отмену венчания. Это была очень внушительная сумма – по нынешнему курсу 20 000 фунтов стерлингов, особенно если отец кого-то из новобрачных в таких долгах, что боится выйти из дома, чтобы его не арестовали и не бросили в тюрьму. Совершенно ясно, что все торопились обвенчать пару.

И, тем не менее, эта спешка вызывает некоторое недоумение – ведь ничего из ряда вон выходящего не было в том, что невеста шла под венец беременной. В день свадьбы около сорока процентов девиц были в таком положении – об этом говорит нам статистика, так что чем вызвана эта спешка – остается только га-

дать. Необычным было и то, что Шекспир собрался жениться в восемнадцать лет. Парни старались жениться после двадцати пяти лет, ближе к тридцати, женщины – чуть раньше. Но эти показатели очень разнятся. Сестра Кристофера Марло вышла замуж в двенадцать лет (а в тринадцать умерла в родах). До 1604 года возраст, в котором разрешалось вступать в брак, для девушки был двенадцать лет, а для юноши – четырнадцать.

Мы очень мало знаем о жене Шекспира, совсем ничего – о ее характере и уме, религиозности, личных качествах. Мы даже не знаем, звали ее Анной или нет. В завещании ее отца она упоминается как «Аннес» – по-английски Agnes, “g” тогда не произносилось и считалось, что Аннес и Анна – одно и то же имя. Мы знаем также, что у нее было шесть братьев и сестер и что она родом из зажиточной семьи. И хотя дом, в котором она выросла, часто называют коттеджем, даже избушкой Анны Хетевэй, это было красивое, солидное здание, состоявшее из двенадцати комнат. Она умерла в 1623 году, на ее могильной плите начертано, что ей было 67 лет. Исходя из этого, мы можем заключить, что она была гораздо старше мужа. Могильная плита – единственное свидетельство ее возраста, больше нигде мы не находим упоминаний о нем.

У них с Уильямом Шекспиром было трое детей – в мае 1583 года родилась Сюзанна, в начале 1585 года – близнецы Джудит и Гемнет, а все остальное неизвестно. Мы ничего не знаем об их отношениях: жили они в согласии или в вечных распрях. Даже не знаем, отправилась ли она с мужем в Лондон или нет, видела ли спектакли по его пьесам или нет, вообще проявляла

интерес к его творчеству или нет. У нас нет свидетельств, что они относились друг к другу с теплом и любовью, впрочем, мы не знаем, питал ли Шекспир к кому бы то ни было подобные чувства. Соблазнительно думать, что они были привязаны друг к другу, по крайней мере, в первые годы их брака – ведь у них были общие дети! – но вполне можно допустить, что они любили друг друга и сохранили это чувство все годы их брака (хотя часто были в разлуке). Два момента, в которых мы уверены, – их брак длился до его смерти, и он посылал в Стратфорд деньги, как только начал их зарабатывать, что, конечно, не может быть веским доказательством его любви к жене, но и не служит опровержением.

Итак, Уильям Шекспир был беден, в свои неполные 21 год стал главой растущей семьи – не очень-то завидное положение для юноши с амбициями. Но каким-то образом преодолев все эти неблагоприятные обстоятельства, он добился большого успеха в профессии, которая требует способности победить конкурента, пройдя через немалые препятствия, причем добился он успеха в далеком городе почти мгновенно. Как ему это удалось – навсегда останется загадкой.

Часто склоняются к такому объяснению. В 1587 году, когда Шекспиру было 23 года, в одной из ведущих актерских трупп – «Слуги королевы» – произошел несчастный случай, который открыл Шекспиру дорогу на сцену. Во время выступлений по провинции труппа остановилась в Тейме, городке на берегу реки в графстве Оксфордшир. Между ведущим актером Уильямом Кнеллом и другим актером, Джоном Тауном, завязалась драка. В потасовке Таун ударил Кнелла по шее так сильно, что

удар оказался смертельным (хотя потом было доказано, что удар был нанесен в целях самообороны, и с Тауна сняли обвинение в убийстве). Гибель Кнелла оставила труппу без премьера, и когда они приехали в Стратфорд, пришлось срочно искать ему замену. Так был приглашен юный Шекспир, который бредил театром. К сожалению, не сохранилось документальных подтверждений, что Шекспир когда-либо служил в труппе «Слуги королевы», равно как мы не знаем, посещала эта труппа Стратфорд до или после трагического инцидента в Тейме.

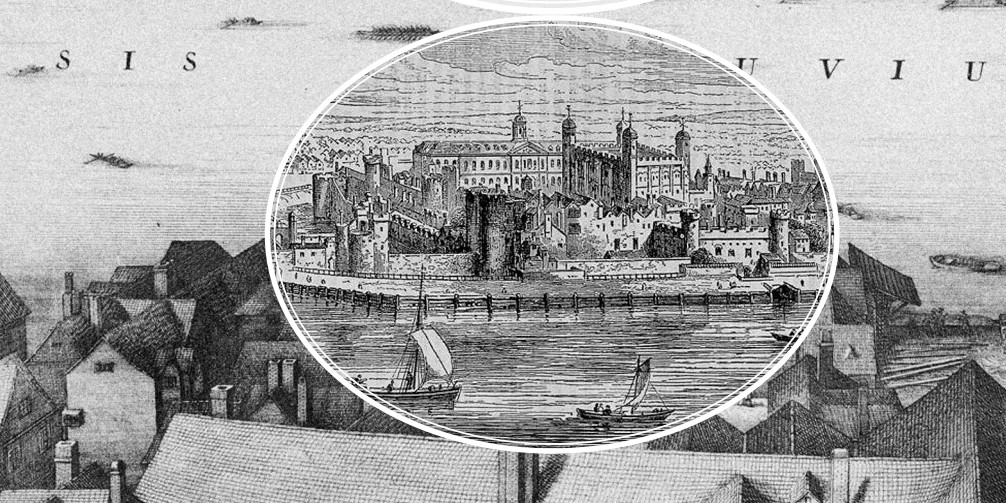
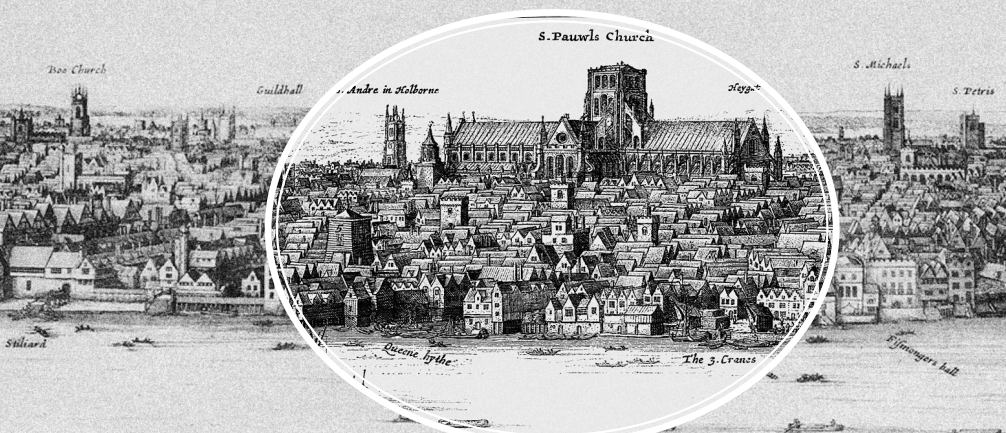
Во всем этом есть еще одна интригующая деталь. Меньше чем год спустя, молодая вдова Кнелла Ребекка – ей было в ту пору 15 или 16 лет – снова вышла замуж. Ее новым спутником стал Джон Хемингс, который стал позднее ближайшим соратником и другом Уильяма Шекспира и который потом с Генри Конделлом собрал и издал Первое фолио Шекспира после его смерти.

Итак, в архивах сохранилось лишь несколько любопытных замечаний. Трудно смириться с мыслью, что в нашем распоряжении всего четыре коротких записи о Шекспире той поры, до его переселения в Лондон и до того, как он стал знаменитым драматургом, – только запись о крещении, венчании и рождении детей. В бумагах его отца от 1588 года есть упоминание о нем – в связи с имущественной тяжбой. Но ни слова нет, где же был Уильям в то время и чем занимался.

Молодость Шекспира для нас – чуть больше, чем случайные зарисовки. Так что когда мы пишем, что он вступил в период потерянных для нас лет, это действительно так.

Елизавета I

Собор Святого Павла
Тауэр

Панорама Лондона со знаменитым мостом

Аббатство Вестминстер

Потерянные годы, 1585–1592

История знает лишь несколько мест, которые были более опасными и притягательными одновременно, чем Лондон в XVI веке. Но если в других городах некоторые стороны жизни считались очень опасными, то в Лондоне они были привычными: сюда постоянно приезжали моряки и путешественники и завозили все новые и новые инфекции.

Чума, которой постоянно болели то тут, то там горожане, каждые десять лет налетала на Лондон смертоносным шквалом. А те, кто мог, бежали во время вспышки эпидемии из крупных городов. Этим во многом объясняется большое количество королевских резиденций за пределами Лондона – в Ричмонде, Гринвиче, Хэмптонкорте и так далее. Как только число заболевших становилось больше сорока, а это случалось довольно

часто, публичные собрания, кроме церковных приходов, запрещались в радиусе семи миль от Лондона.

Почти ежегодно в течение 250 лет смертность превышала рождаемость. Население росло за счет постоянного притока честолюбивых провинциалов и протестантов с континента, с 5000 человек в 1500 году оно увеличилось к концу века в четыре раза. (Показатели, естественно, приблизительные.) В расцвет правления Елизаветы I Лондон был одним из самых крупных городов Европы, уступая размерами только Парижу и Неаполю. В Англии ни один город не мог сравниться с ним. В одном районе Лондона, к примеру, в Саутварке, жило больше людей, чем в Норвиче, втором по величине городе в Англии. Но чтобы выжить в нем, надо было бороться за жизнь. Нигде в метрополии продолжительность жизни не превышала 35 лет, а в бедных районах – 25. Лондон, в котором очутился Шекспир, был совсем молодым городом.

Большая часть горожан занимала очень уютные владения, их было 448, они располагались внутри городской стены вокруг Тауэра и собора Святого Павла. До наших дней уцелели лишь фрагменты стены и старинные названия – в основном названия ворот: Бишопсгейт, Криплгейт, Ньюгейт, Олдгейт и так далее, но территория, которую стена окружала, и по сей день называется Сити и административно выделена в самостоятельную единицу, а та часть, что окружает Сити, – гораздо больше, но гораздо примитивнее.

Во времена Шекспира Сити был поделен приблизительно на сотню приходов, многие из которых были просто крошечные, в чем можно убедиться и сегодня,

глядя на возвышающиеся вблизи друг от друга шпили (хотя сейчас в Лондоне гораздо меньше церквей, чем было при Шекспире). Число их уменьшилось еще и потому, что некоторые из них объединялись и составляли благозвучные названия – например, церковь Святого Андрея с церковью Всех Святых или церковь Святых Стефана Уолбрука и Бенета Ширхогга с церковью Святого Лаврентия Путнийского. Это является ярчайшей иллюстрацией того, какое значение придавали во времена Шекспира религии – на плотно застроенной территории существовали дюжины маленьких приходских церквей, а по соседству возвышался собор Святого Павла, не говоря уж о Вестминстерском аббатстве и построенном на другом берегу Темзы роскошном строении в честь Пресвятой Девы Марии, ныне Саутваркском соборе.

По современным стандартам большой Лондон, включавший Саутварк и Вестминстер, был маленьким. Его протяженность с севера на юг всего лишь две мили, а с востока на запад – три, его можно было пересечь пешком за час, не больше. Но для такого впечатлительного провинциала, как Уильям Шекспир, шум, грохот и бесконечная толкотня, мысль, что ты никогда больше не увидишь промелькнувшее лицо, превращали город в нечто безграничное. К примеру, в лондонском театре помещалось больше людей, чем во всем его родном городе.

Во времена Шекспира стены были крепкими, правда, их почти не было видно, так много домов их облепили. Поля и луга вдоль стен очень быстро застраивались. В замечательном «Путеводителе по Лондону», опубликованном в 1598 году, его автор, семиде-

сятилетний Джон Стоу^{32*}, в растерянности подсчитал, сколько улочек, раньше выходивших в поля и луга, где «люди прогуливались на свежем чистом воздухе и на душе у них становилось веселее», сейчас забиты жалкими лачугами и зловонными мастерскими. (Он трогательно сетует, что в городе стало очень много транспорта и молодежи негде гулять. Эту жалобу можно отнести ко всем временам.)

Лондон не расширился только потому, что для строительства там была неподходящая почва. Глина к северу не позволяла укреплять стены или делать дренаж, поэтому северный пригород долго оставался деревенским. Но город, тем не менее, неукротимо разрастался. Власти постоянно издавали распоряжения, запрещающие строить новые дома ближе, чем на три мили от Сити, а в случае неповиновения им грозил снос, но тот факт, что эти распоряжения появлялись вновь и вновь, означал, что их никто не соблюдал.

Единственное, чему способствовали законы, так это тому, что люди опасались строить дорогие здания возле стен, ведь их могли снести в любую минуту. И Лондон оказался в кольце лачуг.

Большинство районов, которые мы сейчас воспринимает как части Лондона – Челси, Хэмпстед,

* Стоу был портным, жил в бедности, всю жизнь писал свою великую хронику. Ему было 73 года, когда ее опубликовали. Гонорар составил 3 фунта стерлингов и 40 экземпляров книги. Когда Иакова I попросили помочь старику, он ограничился двумя записками, в которых разрешил ему просить милостыню. Стоу последовал совету короля и стал просить подавание на улицах Сити, но без особого успеха (*Прим. автора*).

Хаммерсмит и т.д. – тогда были отдельными поселениями, порой разбросанными далеко друг от друга деревнями. Вестминстер, резиденция королей, – город, главными в котором были Вестминстерское аббатство и дворец Уайтхолл, – занимал 23 акра и состоял из покоев, кабинетов, складов, арен для петушиных боев, теннисных кортов, арен для спортивных состязаний и прочее, был окружен сотнями акров лугов и лесов, где можно было охотиться. Теперь они стали частями большого центрального парка Лондона: Гайд-парк, Кенсингтон-гарденз, Грин-парк, Сент-Джеймский парк, Риджентс-парк.

В Вестминстере было 1500 комнат, в нем жила почти тысяча придворных, слуг, служащих, приживалок, это был самый большой и самый деловой дворец в Европе, центр английской монархии и правительства, хотя Елизавета, как и ее отец, правивший до нее, бывали здесь только зимой. Шекспир, поскольку был актером и драматургом, знал Вестминстер, по крайней мере, его часть, отменно. Но дворец, стоявший на месте того, что был построен в 1619 году, после смерти Шекспира, не уцелел, сохранился лишь банкетный зал.

Жизнь в Сити была интенсивной, но удобной, нам такое даже трудно себе представить. За исключением нескольких главных оживленных улиц, остальные улицы были уже, чем сейчас, а дома с выступающими вперед этажами стояли почти вплотную. Так что соседи были друг у друга на виду, правда, все зловонные отходы и испражнения сливались в канавы, и воздух был пропитан миазмами. Мусор был вечной головной болью. (Выгребная яма, как пишет

Джон Стоу, получила это название из-за того, что туда сбрасывали дохлых собак, какой бы неправдоподобной эта история ни казалась *.) Богачи и бедняки жили бок о бок, не то что сейчас. Драматург Роберт Грин³³ умер в нищете в лачуге на Доугейт, возле Лондонского моста в нескольких метрах от сэра Френсиса Дрейка, одного из самых богатых людей на земле.

Согласно почти всем легендам, ворота в Сити в сумерки запирались, и никого в город не впускали и из него не выпускали до рассвета, хотя зимой в Лондоне темнело очень рано. Думается, что закон этот горожане соблюдали по собственному усмотрению, иначе все дни недели у ворот собирались бы толпы попавших в ловушку, возмущенных театралов. Передвижение внутри территории, обнесенной городской стеной, было не под столь жестким запретом. Комендантский час наступал с темнотой, в это же время закрывались таверны, и горожанам не разрешалось появляться на улице, но тот факт, что полицейские и стражи порядка почти всегда выглядели в спектаклях смешными болванами (вспомним Кизила в комедии «Много шума из ничего»), говорит нам, что никто их и не боялся.

Главной географической достопримечательностью города была Темза. Набережные часто не могли сдерживать ее течения, и река то и дело выходила из берегов. В некоторых местах ее ширина доходила до тысячи футов – она была гораздо шире, чем сейчас, и была основной артерией, по которой путешествова-

* Выгребная яма – houndsditch от hound (гончая собака) и ditch (ров, яма).

ли люди и доставлялись товары, хотя единственный мост, построенный через нее, Лондонский, раздражал всех тем, что мешал движению по реке. Вокруг узкого протока под мостом скапливалось много воды, «пробиться под мостом» было приключением опасным и волнительным. В те времена была такая поговорка: «Лондонский мост построили, чтобы умные по нему проходили, а дураки под ним гибли». Несмотря на то, что Темза была средоточием опасностей, она кипела жизнью. В ней водились камбала, креветки, лещ, усач, форель, плотва, елец, угорь; а бывало, сюда попадали и рыба-меч, и дельфины, и другие экзотические существа, ошеломляя и пугая рыбаков. А однажды случилось и вовсе невиданное: под арками Лондонского моста застрял кит!

Мост был уже в почтенном возрасте, когда Шекспир впервые увидел его. Его построили почти за четыре века до того, в 1209 году, и он оставался единственным мостом через реку еще два века после смерти Шекспира. Он стоял чуть восточнее нынешнего, тянулся на девятьсот футов в длину, словом, был отдельным городом с сотней лавочек, приютившихся во множестве домов, самых разных размеров и архитектурных решений. Мост был самым шумным местом во всей метрополии, но и самым чистым (во всяком случае, с самым чистым воздухом), а потому стал аванпостом богатых купцов, чем-то вроде Бонд-стрит шестнадцатого века. Место здесь было такое дорогое, что строили шестиэтажные дома в шестьдесят пять футов высотой над уровнем реки, на мощных подпорах и скрипящих контрфорсах. На мосту, на его южной стороне, стояло, пошатываясь,

уникальное в своем роде здание, которое так и называлось – «Ни на что не похожий дворец». Его построили в конце 1570-х годов.

По давней традиции на стороне Саутварк стояли колья, на которых торчали головы тяжких преступников, особенно предателей, их клевали зловещие птицы. (Обезглавленные тела висели над воротами, ведущими в город, или же их отвозили в другие города королевства.) Голов этих скопилось такое множество, что пришлось нанять Хранителя голов. Когда Шекспир приближался к Лондону, не исключено, что его приветствовали головы его дальних родственников, Джона Сомервиля и Эдварда Ардена, которых казнили в 1583 году за участие в провалившемся заговоре, целью которого было убийство королевы.

Другим самым крупным городским строением был собор Святого Павла, который был даже больше, чем современный собор, хотя и гораздо ниже его. Шпиль высотой в пятьсот футов, пронзавший небо, сгорел от удара молнии еще до рождения Шекспира, а новый так никогда и не построили. Собор времен елизаветинцев сгорел в Великом пожаре 1666 года, приблизительно через поколение после Шекспира, а на его месте построили по проекту Кристофера Рена³⁴ величественный белый храм, уцелевший и до наших дней.

Собор Святого Павла стоял на огромной, открытой площади, занимающей около двенадцати акров, на ней, как это ни странно, располагались рынок и кладбище. Большую часть времени она была заставлена лавками с типографскими и канцелярскими товарами, что, безусловно, загнипнотизировало молодого человека, ко-

торого так влекло к себе печатное слово. Книги уже печатали типографским способом, правда, они считались предметом роскоши на протяжении предыдущего столетия, а при Шекспире стали общедоступны, если покупатель готов был раскошелиться. Наконец-то обычный англичанин мог при желании обрести знания и опыт. За время правления королевы Елизаветы было напечатано более семи тысяч наименований книг в Лондоне – этот обширный, часто сырой материал ждал своего часа, чтобы его усвоили, или переработали, или же им воспользовались драматурги, экспериментировавшие в поисках новых способов развлечения публики. Вот в такой мир попал в расцвете юных лет и таланта Уильям Шекспир. Он, должно быть, решил, что попал на Небеса обетованные.

Внутри собора было несравненно более шумно и многолюдно, чем в нынешние времена. Плотники, переплетчики, перевозчики и другие ремесленники предлагали свои услуги, наполняя своими голосами огромное пространство даже во время службы. Пьяницы и бродяги здесь отдыхали, кто-то облегался в углу. Мальчишки гоняли мяч в нефях, до тех пор, пока их не гнали прочь. Были и такие, кто разводил небольшой костерок, чтобы согреться. Джон Ивлин³⁵ писал спустя несколько лет о своих впечатлениях, когда пришел в собор Святого Павла: «Я попал в огромный храм, где не мог разглядеть священника из-за дыма и копоти, не мог слышать его, потому что все громко кричали».

Многие пользовались им совсем для других целей – шли через него, чтобы сократить путь, особенно в дождливую погоду. Желание спрятаться в по-

мещении объяснялось погоней за новыми веяниями моды и стремлением к комфорту. В Англию из Франции пришел высокий крахмальный воротник и стал новым модным трендом в одежде, но, как известно, зачах там в дождливом климате. Модный, но неудобный покрой крахмальных воротников затем перешел в новый экстравагантный фасон – высокий воротник, брыжи, который вскоре получил название «piccadills»* (reckadills, pickadailles, picardillos, еще было около двадцати вариантов слова), отсюда и название улицы Пикадилли. Мода эта становилась «все хуже и хуже каждый день», как мрачно писал один современник. Более того, краска была непрочной, быстро выцветала и теряла свою сочность, что было еще одной причиной стараться не промокнуть под дождем.

Отчасти по этой причине сэр Томас Грешем³⁶ основал Королевскую биржу, самое легендарное коммерческое заведение того времени. (Грешем часто ассоциируется с законом Грешема, гласящим, что дурные деньги получают от честно заработанных, – правда, неизвестно, он это сформулировал или кто-то другой.) Моделью послужила фондовая биржа в Антверпене, в ней было 150 мелких лавочек, составивших один из первых в мире моллов³⁷, но главная ее цель и заслуга

* Слово «пикадилли» впервые было зафиксировано драматургом Томасом Деккером в 1607 году в пьесе «К северу от Хо». Здание рядом с современной Трафальгарской площадью стали называть Дом Пикадилли, наверно потому, что его владелец торговал брыжами (piccadills). Улица, которая идет на запад к Гайд-парку, взяла свое название от этого дома, а не от кольца перьев вокруг шеи (*Прим. автора*).

состояла в том, что впервые купцы Сити – а их было около четырех тысяч – могли заниматься торговлей в закрытом помещении, не страшась дождя. Мы можем удивляться, почему англичане так долго искали способ прятаться от дождя, но факт остается фактом.

Среди других отличий прошлого времени от нынешнего – разница во времени трапезы и меню. Основная трапеза приходилась на дневное время и включала в себя блюда, которые мы сейчас и не едим вовсе – к примеру, жаркое из журавля, дрофы, лебедя, аиста. Те, кто отличался хорошим аппетитом, ели примерно столько, сколько и мы. Современница Шекспира (и друг его семьи) Элинон Феттиплейс оставила потомству кулинарную книгу, которую она вела в 1604 году, – это одна из первых ласточек, дошедших до нас, – в которой содержатся рецепты приготовления деликатесов и блюд ее собственного творчества: к примеру, барашка с кларетом и апельсиновым соком Севильи, пирога из шпината, пирога с сыром, сладкого заварного крема, меренги (безе)*. Другие описания современников – а пьесы Шекспира и его собратьев по перу в немалой мере тоже служат нам источником –

* В книге Феттиплейс полно забавных историй, это целая энциклопедия рецептов блюд, советов, как чистить и убирать дом, других домашних советов, собранных ею у родственников и друзей. Среди этих друзей был Джон Холл³⁸, зять Шекспира. Так что вполне возможно, что она была знакома с драматургом, по крайней мере, наверняка слышала о нем. Но даже если бы она представляла себе всю значимость этой личности для потомков и то, как мы были бы ей благодарны, оставь она хотя бы какие-то намеки о его личности и вкусах, она вряд ли сделала бы это (*Прим. автора*).

демонстрируют склонность к разнообразной кухне, следовать которой многим из нас было бы слишком трудно.

Для бедных людей пища была гораздо более простой, что и неудивительно. И более однообразной – в основном, это был хлеб с сыром, а иногда – немного мяса. Овощи ели те, кто ничего другого не мог себе позволить. Картофель был диковинным продуктом, к нему многие относились с недоверием, потому что он походил на ядовитый паслен. Картофель вошел в моду лишь в восемнадцатом веке. Чай и кофе вообще никому не были известны.

Представители всех классов любили сладости. Многие блюда украшались сладкой глазурью, даже в вине частенько было очень много сахара, к рыбе, яйцам и мясу подавали сахар. Сахар пользовался таким успехом, что зубы у англичан очень рано чернели, а те, у кого они оставались белыми, чернили их специально, чтобы показать, что они не отказывают себе в сладком. Богатые женщины, включая королеву, использовали косметическую смесь из буры, серы и свинца – достаточно ядовитую смесь, а случалось, очень ядовитую, – чтобы выбелить себе на лице кожу, потому как бледность была признаком особой красоты. (Поэтому Смуглая Леди сонетов Шекспира была шокирующим исключением.)

Англичане очень любили пиво, пили его даже за завтраком, в том числе пуритане, опасаящиеся всех прочих мирских утех. (Корабль, на борту которого плыл лидер пуритан Джон Уинтроп³⁹ в Новую Англию, вез десять тысяч галлонов⁴⁰ пива, не так уж

и много!) Выпивать по галлону в день было традиционным рационом монахов, но можно допустить, что многие позволяли себе куда больше. Иностранцы всегда ценили английский эль. Как отметил один путешественник с континента, напиток был «мутным, как конская моча». Состоятельные господа пили вино, причем пинтами⁴¹.

Табак появился в Англии спустя год после рождения Шекспира, поначалу он считался предметом роскоши, но вскоре стал так популярен, что к концу века в Сити было не меньше семи тысяч табачных лавочек. Его курили не только удовольствия ради, но его считали панацеей от разного рода хворей – от венерических болезней, мигрени, даже при одышке, полагали, что он защитит и от чумы, посему заставляли курить табак малых детей. В то время в Итоне детей били, если учитель обнаруживал, что кто-то из учеников не выкурил свою норму табака.

Преступность в королевстве цвела махровым цветом, а потому преступники поделались на «цеха». Кто-то становился «ловцом кроликов», или попросту мошенником (домашних кроликов выращивали, чтобы приготовить из них блюда, поэтому они были на удивление послушными), другие становились foists (карманниками), pips (щипачами), nippers, hookers (ворами, которые крюками воровали вещи через окно), abtams (притворявшимися лунатиками, чтобы отвлечь внимание жертвы) и прочими разного рода шулерами и вымогателями – whipjacks, cross biters, cozeners, courtesy men. Все постоянно ссорились и дрались. Даже поэты ходили с оружием. Актер Габриель Спенсер убил на

дуэли Джеймса Фрика, а двумя годами позже его убил Бен Джонсон. Кристофера Марло втянули по меньшей мере в две смертельные схватки, в одной из них он помог товарищу убить молодого хозяина таверны, а в другой, в пьяной драке в Дептфорде, его самого убили.

Мы не знаем, когда Шекспир очутился в Лондоне в первый раз. Знаем только, что он полностью исчез с горизонта и о нем ничего не известно с 1585 по 1592 годы, когда он уехал из Стратфорда (оставив там жену и семью) и стал драматургом и актером. В истории литературы нет более явного белого пятна и более заманчивой темы.

Первым стремился выяснить правду Джон Обри⁴², который писал в 1681 году, много лет спустя после кончины Шекспира, что он был учителем в сельской школе, но никаких письменных доказательств этому мы не имеем. Среди других версий – путешествие в Италию, служба в армии Фландрии, морское путешествие – по самой романтической версии, он плыл с Дрейком на «Золотой лани». На самом деле все легенды родились только потому, что шекспироведы хотели заполнить эти годы *хоть чем-нибудь*, чтобы объяснить, откуда взялись отразившиеся в его творчестве те или иные знания, опыт и интересы.

Часто пишут, к примеру, о том, что в пьесах Шекспира очень много метафор, связанных с океаном и что в каждой пьесе есть упоминание о море. Но довод, что это говорит в пользу его увлеченности морской стихией, станет менее убедительным, если вспомнить, что слово «моряк» – “sailor” встречается у него всего лишь четыре раза, а “seaman” – только

дважды. Более того, как писала уже давно Каролайн Сперджен, морские аллюзии Шекспира почти всегда рисуют море как враждебную, неприступную стихию, средоточие штормов, угрозы кораблекрушений и невероятной глубины – именно такую перспективу рисуют те, кто не привык находиться в плавании. В любом случае, подсчитывать количество неких определенных слов в тексте – опасно. Шекспир пишет об Италии гораздо чаще, чем о Шотландии (35 раз, а о Шотландии – 28), а о Франции гораздо чаще, чем об Англии (369 упоминаний о Франции, а об Англии – 243), но вряд ли мы станем утверждать, что он был французом или итальянцем.

Одно из возможных объяснений того, где и как провел эти годы Шекспир (тема, столь волнующая ученых), состоит в том, что он не сразу обосновался в Лондоне, а сначала отправился в северную Англию, в Ланкашир, – ведь он был католиком и не посещал англиканское богослужение. Впервые эту версию выдвинули еще в 1937 году, но лишь в последнее время она приобрела весомость. Надо сказать, что теперь она превратилась в сложную и хитроумную историю, построенную по большей части на предположениях (и думаю, ее сторонники легко откажутся от нее). Суть ее заключается в том, что Шекспир долго жил на севере, где был учителем, а может, и актером (в конечном счете, следует помнить, что где-то же он должен был готовиться к актерской профессии), а ответственны за это католики.

Безусловно, в тот период общаться с католиками не составляло труда. В юные годы Шекспира около

четырёхсот англичан, ставших во Франции иезуитами-миссионерами, разошлись по всей стране и тайно совершали богослужения для католиков, часто собираясь в поместьях людей, принадлежавших к римско-католической церкви. То была миссионерская деятельность, сопряженная с опасностью. Около четверти миссионеров поймали и казнили, а остальные перестали проповедовать и вернулись во Францию. Те, кого не поймали и кто нашел в себе смелость вернуться в Англию и начать проповедовать снова, были очень активные и бесстрашные люди. Роберт Парсонс⁴³ и Эдмунд Кэмпнион⁴⁴ обратили в свою веру или вернули в католицизм двадцать тысяч человек во время только одного паломничества!

В 1580 году, когда Шекспиру было только шестнадцать лет, Кэмпнион проходил через графство Уорвикшир – он шел на более безопасный для католиков север Англии. Он остановился у дальнего родственника Шекспира, сэра Уильяма Кэтсби, чей сын Роберт позднее стал вожаком Порохового заговора⁴⁵. Один из учителей в школе, где учился Шекспир (считается, что Уильям *учился* тогда там), Джон Коттом, был родом из влиятельной католической семьи из графства Ланкашир, его брат был известным проповедником, сподвижником Кэмпниона. В 1582 году этого Коттома поймали, подвергли пыткам и казнили вместе с Кэмпнионом. А его старший брат, учитель, покинул Стратфорд – неизвестно, спешно или нет, – и вернулся в Ланкашир, где стал открыто проповедовать католицизм.

Есть предположение, что Коттом взял с собой Уилла. Еще один довод в пользу этой версии: на сле-

дующий год некий «Уильям Шейкшафт» появляется в списках домового книги Александра Хогтона, известного католика, жившего всего в десяти милях от Коттомов. Более того, господин Хогтон в своем завещании рекомендует этого Шейкшафта своему единоверцу и другу, землевладельцу Томасу Хескету как трудолюбивого работника. В том же абзаце Хогтон пишет, что у него есть музыкальные инструменты и «одежда для игры», то есть театральные костюмы. «Подобное заявление, – отмечает специалист по Шекспиру Роберт Бирмен, – позволяет предположить, что Шекспир был там или домашним музыкантом, или актером, или и тем и другим».

Согласно одной версии биографии, Шекспир, при финансовой поддержке Хогтона, переселился в Руффорд, в семью Хескета, а там знакомился с гастролирующими по стране труппами актеров, к примеру, с труппой «Актеры лорда Дерби»; с их-то помощью он и перебрался в Лондон и связал свою жизнь навсегда с театром. Интересно, что один из коллег Шекспира в последний период его жизни, кузнец Томас Сэвэдж, который был доверенным лицом дирекции театра «Глобус» по вопросам аренды помещения, был тоже из Руффорда и женат на родственнице Хескета. Интригующее совпадение.

Тем не менее, следует иметь в виду два немаловажных соображения. Первое – Шекспир получал, согласно завещанию Хогтона, на удивление большую ежегодную пенсию – целых два фунта⁴⁶, больше, чем предназначалось кому-либо из членов семьи. Согласитесь, великодушный жест, если учесть, что Уильяму

Шекспиру было всего семнадцать лет и что он прослужил в доме Хогтона до его смерти лишь несколько месяцев. Гораздо логичнее было бы, если бы усопший пожаловал такую пенсию более пожилому человеку, проработавшему у него долгие годы.

Не меньшее удивление вызывают метаморфозы его фамилии. «Шейкшафт», безусловно, не настоящее его имя. Некоторые ученые полагают, что это северная огласовка фамилии Шекспир и что наш Уилл не соби­рался скрывать свою подлинную фамилию, а просто пользовался ею. Может быть, так оно и было, но тогда возникают новые сомнения. Фамилия «Шейкшафт» не была редкой в Ланкашире. В переписи 1582 года значится семь семейств под этой фамилией, проживающих в графстве, причем в трех из них были люди с именем Уильям. Поэтому приходится брать на веру, что именно этот молодой человек был Уиллом из Стратфорда. Как лаконично формулирует Фрэнк Кермоуд в своей статье о католическом влиянии на поэта (в журнале «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью»): «Нет серьезных или сколько-нибудь убедительных доводов поверить в эту версию, есть только страстное желание».

К тому же не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что у Шекспира было достаточно времени, чтобы после путешествия в Ланкашир вернуться в Стратфорд, где его ждала Анна Хетевэй. Первого младенца Шекспира, Сюзанну, крестили в мае 1583 года, а значит, зачать ее Анна могла в августе предыдущего года, когда, как считается, он был в Ланкашире. Вполне возможно, Уильям Шекспир находился со своими единоверцами-католиками в Ланкашире и предавался

любовным утехам с Анной приблизительно в одно и то же время – и в нем созревала актерский талант, – но возникает вполне резонный вопрос: не слишком ли перенасыщенным такими разными событиями и состояниями оказался этот период?

Мы не знаем, насколько религиозным был Шекспир и был ли он в принципе верующим. Доказательства и свидетельства этого весьма разноречивы. Сэмюеля Шенбаума изумляют бесконечные библейские аллюзии в текстах Шекспира; к примеру, сюжет с Каином появляется двадцать пять раз в тридцати восьми пьесах – очень высокий показатель. А Отто Есперсен⁴⁷ и Каролин Сперджен полагали, что Шекспир не испытывал *никакого тяготения* к библейской тематике, и отмечали, что нигде в его работах мы не встречаем слова «Библия», «Святая Троица», «Дух Святой», – к этому выводу пришел недавно британский историк Ричард Дженкинс. «Чем больше читаешь елизаветинцев, тем больше удивляешься скудости в творчестве Шекспира религиозных мотивов». Британский авторитетный ученый Стэнли Уэллс, напротив, полагает, что пьесы Шекспира – «сплошь в зашифрованных библейских аллюзиях».

Короче говоря, почитатель Шекспира найдет подтверждение любому из этих посылов, касающихся его личности, – все зависит от того, что он или она хочет найти у него. (Или, как писал сам Шекспир, в строке, частенько неправильно цитируемой: «В нужде и черт священный текст приводит»⁴⁸.) Профессор Гарварда Гарри Левин писал, что Шекспир отрицал право на

самоубийство в «Гамлете» и других пьесах, в тех, где это противоречило христианской догме шестнадцатого века, но облагораживал и романтизировал этот акт в своих римских и египетских пьесах, поскольку в них писать об этом было допустимо (и даже безопасно). Из тех скудных свидетельств, что дошли до нас, явствует, что Джон Шекспир и Уильям строго исполняли свой долг протестантов касательно заключения брака и крещения, независимо от глубины своей веры – ведь никто не знает их внутреннее состояние, их мысли.

Дэвид Томас из Национального архива считает, что в любом случае маловероятно получить когда-либо однозначный ответ на вопрос о том, провел ли Шекспир эти годы в Ланкашире с католиками или еще где-то:

– Если он не вступал в те годы в брак, у него не рождался младенец, он не покупал недвижимость и не платил налоги – а в то время англичане его социального положения не платили налоги, – не совершил преступления, его не отдавали под суд – его имя никак не зафиксировано в записях. Насколько нам известно, он ничего подобного не совершал.

Единственное упоминание о нем содержится в документе того периода, причем на него ссылаются косвенно, и нет никаких указаний на род его занятий и место жительства.

Столкновения между католиками и протестантами достигли своего апогея в 1586 году, когда Мария Стюарт, королева Шотландская, была втянута в заговор против королевы Английской, целью которого

было сбросить Елизавету с престола. В результате Елизавету убедили дать согласие на казнь Марии, что, хотя и неохотно, она сделала. Убийство монархической особы, пусть даже и угрожавшей престолу королевства, явилось суровым актом, спровоцировавшим ответную реакцию. Весной следующего года Испания направила к берегам Британии могучую флотилию, поручив своим вассалам захватить английский престол и взять в плен Елизавету.

Мощнейшая флотилия, из всех, по словам историка, «что когда-либо бороздила моря», – Испанская Армада, казалась непобедимой. В бою она занимала около семи миль морского пространства, была вооружена мощнейшими орудиями: у нее было 123 000 пушечных ядра, почти 3000 пушек плюс мушкеты разных калибров и легкое оружие, и все это – в распоряжении тридцати тысяч человек. Испанцы были уверены в быстрой и сокрушительной победе – называя ее победой во славу Всевышнего. Как только Англия капитулирует, полагали они, ее флот будет захвачен испанцами, а перспектива создания единой протестантской Европы потерпит крах.

Но не все пошло, как планировалось. Английские корабли были более подвижными, маневренными, не сильно возвышались над уровнем воды. Они проворно сновали по морю, нанося испанскому флоту удары то тут, то там, а орудия испанцев, установленные на высоко возвышающихся палубах, палили мимо цели – ядра пролетали над кораблями англичан. Англичане были гораздо более опытными в морском бою, командовали гораздо лучше (так, во всяком случае,

мы читаем в исторических работах). Надо честно признать, что большинство кораблей испанцев были не боевыми, а военно-транспортными судами – словом, громоздкими, неуклюжими мишенями. Англичане к тому же могли использовать в своих интересах и то, что они отлично знали свои территориальные воды, приливы и отливы, течения, да и могли уходить на отдых и на ремонт в свои порты. Но самое главное – у них были преимущества в техническом оснащении вооружения: англичане стали делать чугунные пушки, другие нации еще не успели внедрить это новшество у себя. Пушки стреляли куда лучше и были гораздо устойчивее и прочнее, чем бронзовые орудия испанцев, которые быстро выходили из строя, а после двух-трех залпов надо было ждать, когда они остынут. Матросы часто забывали об этом, тем более в разгар боя, и часто сами гибли возле них. Словом, у испанцев матросы не были готовы к морскому бою. Их стратегией было подойти к судну врага и забраться на его палубу, а потом схватиться в рукопашном бою.

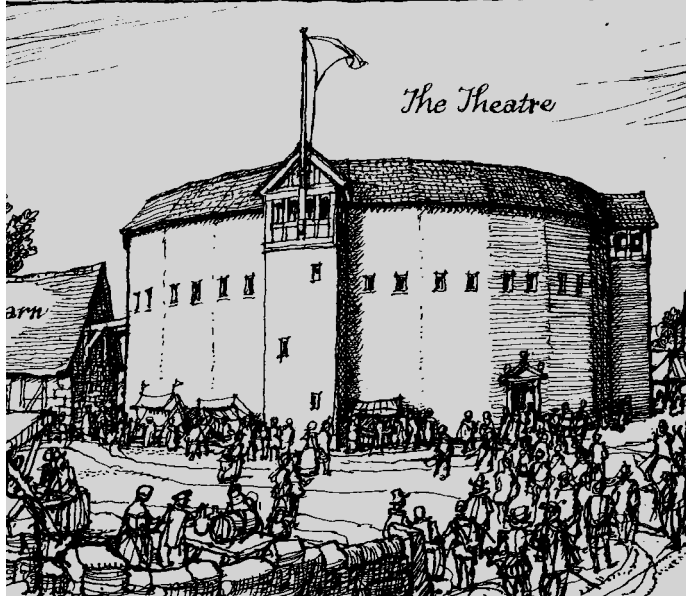
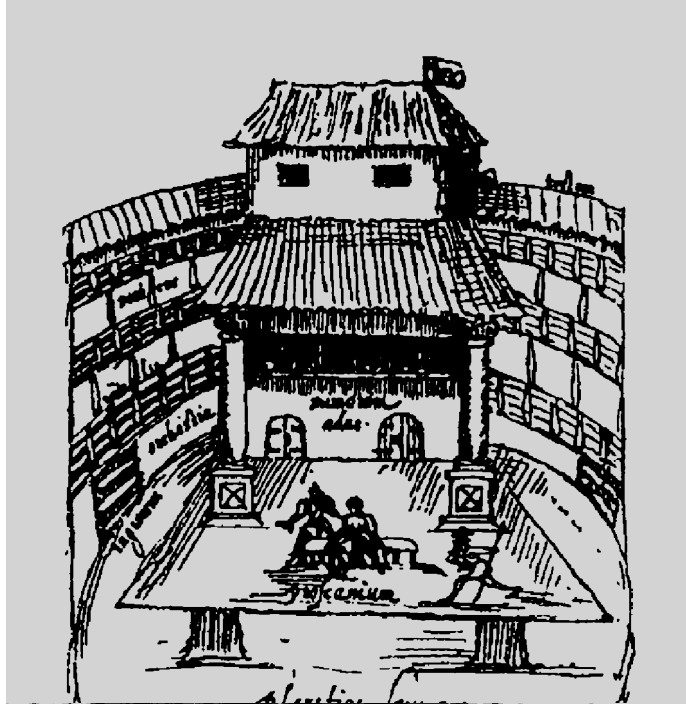
Поражение было сокрушительным и зрелищным. Англичанам понадобилось всего три недели, чтобы разбить вражеский флот в пух и прах. За один день у испанцев было ранено восемь тысяч человек. Охваченные ужасом и, не зная, что делать, испанцы повели свой понесший сокрушительные потери флот вдоль восточного берега Англии, вокруг Шотландии и очутились в Ирландском море, где их ждали не менее жестокие удары судьбы – сильнейшие бури и шторма, от которых потерпели крушение, по меньшей мере, две дюжины кораблей. Согласно хроникам, тысяча тел

испанцев была выброшена на ирландский берег. Тех, кому удалось спастись и добраться до берега живыми, убивали, чтобы отобрать их побрякушки. Когда остатки Армады доплыли до родных берегов, выяснилось, что испанцы потеряли семнадцать тысяч из тридцати тысяч матросов, отправившихся на эту операцию. Англия не потеряла ни одного судна.

Поражение Непобедимой Армады изменило ход истории. Англия переживала небывалый патриотический подъем, о чем Шекспир писал в своих исторических пьесах (почти все они написаны в последующей декаде). Этот подъем патриотизма помог Англии стать могучей мировой империей, которой подчинились все морские территории и земли, начиная с территорий Северной Америки. Помимо всего, протестантизм в Англии победил. Если бы одержала верх Армада, восторжествовала бы испанская инквизиция; кто знает, чем бы это обернулось для елизаветинской Англии – и для юноши из Уорвикшира, собравшегося преобразовать английский театр?!

А теперь любопытный постскрипtum к этой главе. Через сто пятьдесят лет после кончины Джона Шекспира землекопы рыли участок возле развалин дома Шекспиров на Хенли-стрит в Стратфорде и нашли завещание – «Последняя воля моей души», так оно называлось, – в котором содержалось признание Джона в его верности католицизму. Образец подобного волеизъявления о своей принадлежности католической вере в Англию тайком провез в свое время Эдмунд Кэмпион.

С тех пор ученые спорят, подлинный это документ или нет, подлинная ли на нем подпись Джона Шекспира, и что это значит – и значит ли – для определения конфессии Уильяма Шекспира? На первые два вопроса ответ никогда не будет найден, потому как вскоре этот документ был потерян, а ответ на третий в любом случае может быть лишь гипотезой, догадкой.

*Театр «Лебедь»
Театр «Театр»*

*Уильям Шекспир со своими коллегами –
драматургами и актерами*

Театр «Фортуна»

GREENES,
GROATS-VVORTH
of witte, bought with a
million of Repentance.

**Describing the follie of youth, the falshood of make-
thite flatterers, the miserie of the negligent,
and mischiefes of deceiuing
Courtians.**

Written before his death and published at his
dyeing request,

Felicem fuisse in finem.

LONDON
Imprinted for William Wright.
1 5 9 2.

Роберт Грин и его памфлет
«На грош мудрости, приобретенной
миллионом раскаяния»

В Лондоне

рисутствуя в 1596 году на спектакле нового театра «Лебедь»⁴⁹ в Лондоне, турист-голландец по имени Иоганнес де Витт создал один весьма ценный документ, который, похоже, до него никто не создавал. Он нарисовал – довольно примитивно, без учета перспективы – зал театра «Лебедь», то, как он его видел с центрального кресла на верхнем ярусе. На рисунке изображена большая, выступающая вперед, частично покрытая крышей сцена, а в глубине ее – башня, в которой виднеется артистическая уборная – это словосочетание мы впервые встретили у Уильяма Шекспира в его пьесе «Сон в летнюю ночь» – там актеры переодевались и держали реквизит. Над артистической уборной возвышаются галереи для музыкантов и зрителей, и еще это пространство при необходимости использовали и для

сценического действия, например для сцен на балконе. Этот набросок очень напоминает то, как устроен внутри театр «Глобус», который сохранился до наших дней на Бэнксайд.

Рисунок де Витта был утерян, но, к счастью, его приятель сделал аккуратную копию у себя в блокноте, который находится в архиве библиотеки университета Утрехта в Нидерландах. И лежал он там, никем не замеченный, почти триста лет. Но в 1888 году немец по имени Карл Гедерц наткнулся на него, увидел в нем рисунок и, к счастью, – чудеса, да и только! – догадался, что это очень важное свидетельство, потому как он был уникальным, единственным изображением того, как выглядел елизаветинский театр в Лондоне. Не будь его, мы бы так и не узнали, как в то время были устроены театры. Его уникальность подтверждается и тем, что изображение внутреннего устройства очень похоже на интерьер нового здания «Глобуса», ставшего репликой старого.

Спустя два десятилетия после визита в Лондон де Витта, другой голландец Клэй Ян Вишер сделал знаменитую гравюру – панораму Лондона, изобразив на переднем плане театры Бэнксайда, и «Глобус» в том числе. Почти округлый, с соломенной крышей, он очень похож на «деревянное О» Шекспира. Это единственное изображение этого театра. Однако в 1948 году ученый Шапиро доказал достаточно убедительно, что Вишер рисовал, используя более раннюю гравюру 1572 года, когда театры, которые он нарисовал, не были еще построены. Из этого следует, что Вишер даже не был на самом деле в Лондоне, а потому вряд ли может быть для нас надежным свидетелем.

Соответственно, мы можем полагаться лишь на одну иллюстрацию, относящуюся к тому времени и нарисованную с натуры, – на картину богемского художника Венцеслава Холлера⁵⁰, которую он нарисовал в конце 1630-х годов или в начале 1640-х. Она называется «Вид в перспективе»; это очень милая зарисовка, «пожалуй, самая красивая и гармоничная из всех панорам Лондона», – так оценивает ее Питер Акرويد, но довольно странная, поскольку в ней дается вид с точки, которая чуть выше фасада Саутваркского собора (раньше это был храм Спасителя и Пресвятой Девы Марии), словно Холлер смотрит вниз на собор с другого здания, а такого здания на самом деле и не существовало.

Итак, это панорама – чрезвычайно точная, насколько можно судить, – но ни один человек такую панораму не видел. Более того, на ней – второй «Глобус», не первый, сгоревший в 1613 году, за три года до смерти Шекспира. Второй «Глобус» был замечательным театром, к счастью, гравюра Холлера дошла до нас, потому что вскоре здание снесли, но, без сомнения, в нем не ставились «Юлий Цезарь», «Макбет» и дюжина других пьес Шекспира (мы можем быть почти уверены в этом). В любом случае, «Глобус» был крошечной частицей композиции, автор запечатлел его на расстоянии девяносто футов, так что деталей почти нет.

Вот таков изобразительный канон театров шекспировских времен и чуть более поздних, которым мы располагаем: неумелый набросок интерьера театра, к которому Шекспир не имел никакого отношения; не очень достоверная панорама Лондона, выполненная человеком, который, может, никогда там и не был; и один

рисунок театра, для которого драматург никогда ничего не писал, причем он нарисован уже после того, как Шекспир ушел со сцены. Самое большее, что можно сказать в их пользу, так это то, что все эти изображения театров *напоминают* нам театры, в которых служил Шекспир, а может, они и вовсе не похожи.

Письменные источники того периода ненамного более достоверны. Больше всего сведений о посещении театра в шекспировскую эпоху мы можем почерпнуть из писем и дневников туристов, для которых достопримечательности Лондона представляли подлинный интерес, и они делились своими впечатлениями. Правда, порой неясно, чем эти записи могут нам помочь. В 1587 году провинциал, попавший на спектакль театра «Слуги лорда-адмирала»⁵¹, писал отцу, что один актер поднял мушкет и выстрелил из него, но пуля «пролетела мимо и убила ребенка, а беременная женщина выскочила на сцену и ударила другого актера что было сил по голове». Маловероятно, чтобы актеры падали друг в друга из заряженных настоящими пулями мушкетов, которые в шестнадцатом веке были, на самом деле, чуть посерьезнее, чем хлопушка, – да еще в закрытом пространстве, но если это было так, то в кого, интересно, пуля *должна была попасть*? В архивах театра «Слуги лорда-адмирала» не сохранилось приглашения на Рождественский бал при дворе, который должен был состояться в следующем месяце, – актеры труппы по своему положению получали приглашение ко двору автоматически, а значит, они попали в немилость.

Еще меньше мы знали бы о том, как протекала жизнь в елизаветинских театрах – каким правилам она

подчинялась, что актеры должны были делать, если бы не дневники и бумаги Филипа Хенслоу⁵², владельца театров «Роза» и «Фортуна». Хенслоу был человеком весьма деятельным, причем в разных областях, правда, далеко не все были благопристойными. Он был антрепренером, ростовщиком, торговцем лесом, красильщиком, производителем крахмала, но главное – держал притоны. Он был известной личностью среди писателей – одалживал им небольшие суммы денег, а потом держал на коротком поводке, требуя проценты, часто они расплачивались своими пьесами. Но, несмотря на все свои недостатки, он остался в истории благодаря подробным дневниковым записям; те, что относятся к 1592–1603 годам, дошли до нас. Его «Дневник», как обычно называют эти записи, не был на самом деле дневником, настолько разнообразны содержащиеся в нем сведения: в нем есть советы, как лечить глухоту, наводить порчу, даже где и как следует пасти лошадей. Но в нем содержатся бесценные детали о повседневной жизни театра, в том числе упоминание пьес, поставленных в его труппе, имен актеров, занятых в них, длиннейшие списки предметов реквизита и костюмов (среди них – загадочное «платье для невидимки»).

В бумагах Хенслоу сохранился подробный контракт на строительство театра «Фортуна» за 440 фунтов стерлингов от 1600 года. Хотя здание «Фортуны» было не очень похоже на «Глобус» – оно было большим, скорее квадратным, а не круглым – и хотя в контракте нет чертежей и рисунков, в нем есть спецификации, касающиеся высоты и глубины ярусов и галерей, толщины деревянного бруса для полов, состава штукатурки для стен и другие детали, которые сослужили неоценимую

службу при строительстве точной копии театра «Глобус» на Бэнксайд в 1997 году.

Театры как места развлечения публики были новым феноменом в Англии во времена Шекспира. До того представления давались во внутренних дворах, или в залах больших домов, или в помещениях, обычно используемых для других целей. Настоящее здание для театра – для «Красного льва» – впервые было построено в 1567 году в Уайтчэпеле антрепренером Джоном Брейном. Почти ничего нам не известно о «Красном льве», мы не знаем, пользовался ли он успехом у зрителя, похоже, его век был недолгим. Тем не менее, спустя девять лет после завершения строительства театра Брейн снова в нем появился, на этот раз вместе со своим сводным братом, Джеймсом Бербедржем⁵³, плотником по роду занятий, но душой и призванием – актером и импресарио. Их новый театр – они так его и называли, «Театр», – был открыт в 1576 году в нескольких ярдах к северу от городских стен в Шордиче неподалеку от Финсберийских полей. Скоро извечный соперник Бербедржа Хенслоу открыл театр «Куртина» почти рядом, и Лондон стал настоящей театральной Меккой.

Уильям Шекспир не мог бы выбрать более благоприятного момента для своего появления. К тому времени, как он приехал в Лондон, предположительно в конце 1580 годов, повсюду возникали театры и на протяжении всей его карьеры продолжали возникать, как грибы после дождя. Согласно закону о вольностях⁵⁴ их строили за стенами лондонского Сити, там, где не действовали городские порядки и установле-

ния. Они оказались поэтому в одной компании с домами терпимости, тюрьмами, пороховыми складами, неосвященными кладбищами, домами умалишенных (печально известный Бедлам находился неподалеку от «Театра») и вредными производственными цехами мыловарения, крашения, дубления, словом, на самом деле губительными для здоровья человека. Прядильщики и мыловарщики держали около своих цехов кучи костей и животного жира, отчего воздух был пропитан жутким запахом, а дубильщики складывали свой товар в чаны с собачьими экскрементами, чтобы сделать его мягким и гибким. Так что до театра пока доберешься, надышишься мерзким воздухом.

Новые театры по-разному справлялись со своими финансовыми трудностями. В течение первых трех лет существования театр «Куртина» устраивал у себя состязания по фехтованию, а другие лондонские театры, за случайным исключением «Глобуса», сводили концы с концами только благодаря другим развлечениям – чаще всего звериным боям. Разного рода увеселительные зрелища не были только особенностью Англии, но считалось, что там ими особенно увлекаются. Королева Елизавета часто, принимая чужестранных гостей, развлекала их медвежьими боями в Уайтхолле. Классический бой медведя заключался в следующем: его выводили на ринг, часто привязывали к столбу и начинали натравливать на него мастиффов. Но медведи были дорогим развлечением, поэтому вместо них частенько в ход шли буйволы и лошади. А то еще сажали верхом на лошадь мартышку и начинали натравливать на них собак. Вид вопящей обезьяны, вцепившейся в гриву лошади в ужасе за свою

жизнь, и прыгающих внизу собак, которые норовят схватить ее, считался самым роскошным зрелищем, какое могли предложить публике. А тот факт, что зритель, который проливал слезы на представлении «Доктора Фауста», на следующий же вечер приходил в тот же зал, чтобы развлекаться, наблюдая, как гибнут беспомощные животные, говорит нам о нравах шекспировских времен куда больше, чем любое другое письменное свидетельство.

В век расцвета пуританского вероисповедания люди, испытывавшие отвращение к плотским развлечениям, предпочитали перебиваться жить в дикий Новый Свет, чем претерпевать «вольности» Старого Света. Пуритане с отвращением относились и к театру и во всех природных катаклизмах, включая землетрясение 1580 года, винили его. Они считали театр с его скользкими, похотливыми каламбурами и бесконечными переодеваниями притоном проституток и негодяев, скопищем заразных болезней, местом, где человека отвлекали от служения Господу, источником нездоровых сексуальных вожделений. Все женские роли тогда исполняли юноши – так было до эпохи Реставрации, наступившей в 1660 году. Соответственно, пуритане полагали, что театры – приют для содомии, что в шекспировские времена каралось как величайшее преступление*, и прочих греховных связей.

* Стивен Оргел подчеркивает, что хотя содомия и преследовалась законом, на практике к ней относились толерантно, во всяком случае, обходили этот грех молчанием. Гораздо больше подвергали себя опасности преследования законом гетеросексуальные женщины, которые вели свободный образ жизни, потому как если они рожали, то незаконнорожденные дети серьезно усугубляли их положение и степень ответственности (*Прим. автора*).

О театральной жизни слагались разного рода небылицы. В одной рассказывалось, как некая молодая женщина упросила мужа отпустить ее посмотреть пользовавшийся успехом спектакль. Муж нехотя разрешил ей, но строго-настрого наказал следить, чтобы карманники не украли у нее кошелек, и прятать его под нижними юбками. Вернувшись домой, она, рыдая, созналась, что у нее украли кошелек. Муж, понятное дело, удивился. Неужели жена не почувяла, что у нее кто-то шарит под юбкой? Ну да, почувяла, ответила та охотно, «руку соседа, но я решила, что он не кошелек ищет».

К счастью для Шекспира и последующих поколений, королева пресекала на корню любые попытки ограничить развлекательные зрелища, по воскресеньям в том числе. Во-первых, она сама была их поклонницей, но не менее важно то, что ее правительство получало немалые доходы, выдавая разрешения на аренду площадок под игру в кегли, театральные представления, игорные дома (хотя азартные игры были запрещены в Лондоне), на продажу и производство товаров, необходимых для подобного рода дел.

Но, несмотря на то, что ставить спектакли разрешалось, они подлежали строгой цензуре. Мастер увеселительных мероприятий проверял все драматические произведения и давал или не давал на них лицензии (каждая стоила семь шиллингов), а потом лично приходил на представление, чтобы убедиться, что происходящее на сцене не нарушает законы приличия. А тот актер, который ему не понравился, теоретически мог быть отправлен в тюрьму, где его подвергали наказаниям и пыткам. Бен Джонсон с сотоварищами в 1605 году,

вскоре после того, как на трон сел Иаков I⁵⁵, в спектакле «Эй, к Востоку!» позволили себе весьма остроумные, но столь же несдержанные шуточки в адрес неожиданно нагрянувших в королевский двор неотесанных, невымытых шотландцев, за что были арестованы, и им грозило наказание – лишиться носа и ушей. Именно из-за постоянной опасности (и принятого в 1572 году «Акта о бродяжничестве», согласно которому бродячих актеров, не имевших лицензии на театральные представления, подвергали наказанию – пороли кнутом)⁵⁶, такие труппы искали защиты у знатных вельмож. Патрон брал актеров под свою защиту, а они делали его имя широко известным по всему королевству, укрепляя его авторитет и популярность. Какое-то время вельможи собирали под свое крыло актеров, как позднее люди богатые коллекционировали скакунов и яхты.

Представления давались обычно около двух часов пополудни. По улицам проходим раздавались афишки о предстоящем представлении, а на крыше здания, где должен был показываться спектакль, вывешивали плакат, напоминавший горожанам о нем, на всю округу гремели фанфары. Чтобы попасть в театр и стоять возле сцены, надо было заплатить пенс. Те, кто хотел сидеть, должны были заплатить еще один пенс. А кто хотел еще и подушку получить, чтобы помягче сидеть, добавляли третий пенс – в те времена обычная дневная зарплата составляла 1 шиллинг (12 пенсов) или того меньше. Деньги бросали в специальную коробку, которую потом относили в комнату, где она хранилась, то есть в кассу*.

* *по-англ.* коробка – box, касса – box-office.

А тем, кто мог себе позволить дополнительный сервис, продавали, к примеру, яблоко или грушу (которые служили им снарядами, они кидались ими в актеров, если что-то происходившее на сцене им было не по нраву), орехи, имбирную лепешку, эль, да еще вошедший в моду табак. Маленькая курительная трубка стоила три пенса – гораздо дороже, чем входной билет. В театрах не было туалетов, по крайней мере, специально отведенных комнат. Несмотря на довольно просторные помещения, которые занимали театры, атмосфера там царила достаточно доверительная, потому как ни один зритель не сидел и не стоял дальше пятидесяти футов от сцены.

Декораций было мало, а занавеса и вовсе не было (даже в театре «Куртина»*), зрители не могли отличить день от ночи, туман от солнца, поле боя от будуара, просто им говорилось со сцены, что и когда происходит в пьесе. Так что с помощью нескольких фраз и воображения зрителя определялось место действия. Как отмечали Уэллс и Тейлор, «Оберон и Просперо⁵⁷ просто сообщали, что они превратились в невидимок, и зритель верил этому».

Никто так блистательно и экономно не описывал место и время действия сцен в своих пьесах, как Шекспир. Помните первые строки «Гамлета»?

«БЕРНАРДО:

Кто здесь?

ФРАНСИСКО:

Нет, сам ответь мне; стой и объявись.

* «Куртина» – по-англ. “curtains”, что значит «занавес».

БЕРНАРДО:

Король да здравствует!

ФРАНСИСКО:

Бернардо?

БЕРНАРДО:

Он.

ФРАНСИСКО:

Вы в самое пожаловали время.

БЕРНАРДО:

Двенадцать бьет, Франсиско.

ФРАНСИСКО:

Спасибо, что сменили; холод резкий,
И мне не по себе»⁵⁸.

В нескольких кратких строках говорится, что дело происходит ночью, холодно («объявись», то есть «раскрой плащ»), что встретившиеся мужчины – солдаты в дозоре, что они встревожены. Всего лишь с помощью нескольких слов (одинадцать из них в оригинале – односложные) автор приковывает к происходящему внимание аудитории. Костюмы тщательно продумывались, пошить их стоило недешево, но похоже, часто они не соответствовали исторической эпохе. Мы можем сделать такой вывод, посмотрев рисунок некоего Генри Пичема (или что-то вроде того, судя по подписи в углу картинке), запечатлевшего одну из сцен «Тита Андроника». Когда именно и где происходило представление, совершенно неясно, на рисунке мы видим самый драматический момент действия: Тамора умоляет Тита пощадить ее сыновей. Тамора очень тща-

тельно прорисована: ее поза, ее платье; на удивление очень яркие костюмы у всех персонажей (некоторые похожи на те, что носили в античности, а другие просто времен Тюдоров). Для зрителя и актеров, скорее всего, достаточно было намека на историческую эпоху. Реализм утверждал себя в виде запекшейся крови. Органы барана или свиньи, ловкое движение рук – и в сцене убийства над телом трепещет сердце жертвы, а баранья кровь расплескивается, попадая на меч, и хлещет из ран, благо она совершенно того же цвета, что и у человека. Искусственные руки и ноги разбрасываются на поле боя – «столько крови, сколько на самом деле льется», как наставлял один из постановщиков. Представления, пусть даже и мрачные, заканчивались непременно джиггой, зажигательные танцы были наградой за терпение зрителя.

То было время динамичного развития театральной техники. Как писал Стэнли Уэллс, «пьесы стали длиннее, более динамичными, более зрелищными, более сложными по сюжету, более эмоциональными, в постановках были богатые декорации, в чем проявлялся талант их постановщиков». Игра актеров стала менее напыщенной и искусственной. В шекспировское время в театре заявляют о себе естественность и правда жизни, и сам великий драматург во многом способствовал этому. Шекспир и его современники проявили подлинную широту в тематике и сценических решениях. Итальянские драматурги, соблюдая классическую античную традицию, должны были строго соблюдать место действия – оно должно было происходить на го-

родской площади. В пьесах Шекспира действие происходило повсюду, автор был волен в своем выборе: на холмах, в крепости, в замках, на поле боя, на заброшенном острове, в заколдованных лощинах, словом, где угодно, куда готова была пойти за ним одаренная богатым воображением публика.

Пьесы, особенно в письменном виде, были на удивление разной длины. Даже в сокращенном виде и без перерывов «Гамлет» шел почти четыре с половиной часа. «Ричард III», «Кориолан», «Троил и Крессида» были немного короче. Пьеса Джонсона «Варфоломеевская ярмарка» шла бы почти пять часов, ее сократили (и правильно сделали). Шекспир и Джонсон были весьма плодовиты, из двадцати девяти пьес, каждая из которых состояла из трех тысяч строк, а то и больше, бывших в репертуаре с 1590 по 1616 годы, двадцать две принадлежали перу Джонсона и Шекспира.

Особым испытанием для публики и актеров был тот факт, что женские роли исполняли мужчины. Когда мы представляем себе, какие женские образы создал Шекспир – Клеопатру, леди Макбет, Офелию, Джульетту, Дездемону, – то понимаем, что актеры непременно должны были быть лицедеями. Розалинде в пьесе «Как вам это понравится» принадлежит четверть строк текста. Шекспир, безусловно, верил в талант исполнителя этой роли, юного актера. И, тем не менее, хотя мы многое знаем об исполнении актерами мужских ролей в шекспировскую эпоху, мы практически ничего не знаем о том, как играли женские образы. Джудит Кук в своей книге «Женщины Шекспира» пишет, что она не смогла найти ни единой записи о женской роли

в исполнении юноши. Мы даже ничего не знаем о юных актерах, не знаем, сколько им было лет. Для людей консервативных взглядов подобный сценический трансвестизм становился источником серьезного волнения. Они боялись, что зрителей в равной степени взбудоражит как женщина, действующее лицо представления, так и юноша, игравший эту роль.

Презрительное отношение к женщинам, рискуя стать актрисами, – чисто североευропейская традиция. В Испании, Франции и Италии женские роли исполняли женщины, что приводило британских путешественников в ужас, они были искренне удивлены, когда видели, что женщины способны играть себе подобных, причем ведут себя естественно, как в обычной жизни. Шекспир очень часто использовал этот трюк с подменой пола, его героини – Розалинда в «Как вам это понравится», Виола в «Двенадцатой ночи» – то и дело переодевались в юношескую одежду, тем самым создавая чрезвычайно двусмысленную ситуацию: юноша играл женщину, игравшую юношу.

Золотой век театра длился примерно столько, сколько длится жизнь человека, но каким плодотворным и успешным был век Шекспира! С момента открытия «Красного льва» в 1567 году и до закрытия всех театров пуританами семьдесят пять лет спустя, лондонские театры продали билеты пятидесяти миллионам зрителей, то есть в десять раз больше, чем было англичан в шекспировское время.

Чтобы безбедно существовать, лондонский театр должен был собирать ежедневно до двух тысяч зрите-

лей – около одного процента всего населения города, давать приблизительно двести представлений в год и не снижать показателей в условиях жесткой конкуренции. А чтобы зрители покупали билеты, надо было постоянно менять репертуар. Большинство трупп давали по меньшей мере пять разных спектаклей в течение недели, а то и шесть, а в свободное время разучивали новые пьесы и репетировали.

Новую пьесу могли в премьерном месяце ставить всего лишь три раза, потом оставить ее в репертуаре на несколько месяцев или вовсе перестать играть. Считанное число спектаклей по одной и той же пьесе играли десять раз в году. А потому очень быстро возникала потребность в новом материале. Но что действительно достойно восхищения, так это то, какого отменного качества достигла в то время драматургия. Тем не менее, можно по пальцам пересчитать авторов, которые существовали на заработки от своей профессии. Хорошая пьеса могла стоить десять фунтов стерлингов, но так как пьесы чаще всего были детищем нескольких авторов, порой полудюжины, на нос получалось совсем мало денег (а проценты с продажи, или со спектакля, или дополнительные гонорары тогда не предусматривались). Томас Деккер сострепал – сам или в соавторстве – до тридцати двух пьес за три года, но никогда ему не удавалось заработать больше двенадцати шиллингов в неделю, и он провел большую часть жизни в долговой яме. Даже Бен Джонсон, который был обласкан Фемидой, пользовался головокружительным успехом и почетом, умер в нищете⁵⁹.

Как это ни покажется странным, пьеса принадлежала театру, а не автору-драматургу. Законченную

пьесу отдавали на досмотр Мастеру зрелищ, он выдавал на ее постановку лицензию, и пьеса становилась собственностью труппы. Иногда критики удивляются, что в архивах Шекспира после его смерти не было найдено ни одной рукописи его пьес или суфлерских экземпляров. На самом деле было бы удивительно, если бы их обнаружили.

Для драматургов и актеров театральный мир был одновременно азартным и деловым, а для таких, как Уильям Шекспир, который был драматургом, актером, совладельцем, и не исключено, что де факто и постановщиком (в его дни не было такого статуса), мир этот превращался практически в безумие. В репертуар труппы, случалось, включали одновременно до тридцати пьес, так что ведущий актер обязан был запомнить до пятнадцати тысяч строк за сезон – это приблизительно равно тому, чтобы выучить каждое слово в этой книге, – а еще запомнить, какие он танцует танцы, когда сражается на мечах и какие костюмы когда меняет. Даже самые преуспевающие труппы не могли себе позволить держать больше дюжины актеров, а потому им приходилось часто исполнять по несколько ролей в одном спектакле. Например, в драме «Юлий Цезарь» – сорок действующих лиц, а еще слуги, плебеи, сенаторы, солдаты и свита. Хотя многие из них говорят всего лишь несколько реплик, а то и вовсе молчат, надлежало в каждой сцене помнить детали реквизита, свои реплики, где следует стоять на сцене, когда входить и выходить, когда именно надо появляться на сцене. Это задача не из легких, к тому же костюмы были на бесконечных застежках и пуговицах – к примеру, на

обыкновенном камзоле их было больше двух дюжин, да еще ярды шнуровки.

В подобной парилке превыше всего ценилась надежность партнера. В бумагах Хенслоу находим, что актеры подвергались суровым контрактным обязательствам, включавшим разного размера штрафы за прогулы репетиций, пьянство, опоздания, неготовность к «смене костюма» в нужный момент, за то – поразительно! – что актер в сценическом костюме отправлялся гулять по городу. Костюмы были очень дорогими, поэтому и штраф был колоссальным – сорок фунтов стерлингов (правда, такую сумму ни с кого ни разу не потребовали). Но даже гораздо меньшие провинности порой стоили актеру двухдневного заработка.

Шекспир, судя по всему, играл на протяжении всей своей театральной биографии (в отличие от Бена Джонсона, ушедшего со сцены, как только смог себе это позволить), по документам он значится в актерском составе в 1592, 1598, 1603 и 1608 годах – то есть на протяжении всех фаз своей карьеры. Совмещать функции актера и драматурга было чрезвычайно трудно, но, без сомнения, это давало ему возможность (при условии, что он сам этого хотел) следить за процессом пристальнее, чем если бы он отдавал свое произведение во власть другим, что делало большинство драматургов. Согласно традиции, Шекспир исполнял заметные, но не главные роли в своих пьесах. К примеру, в «Гамлете» он охотнее всего играл Призрака. На самом деле мы не знаем, какие именно роли он играл, но то, что они были необременительными, – весьма понятно: ведь ему приходилось быть, помимо того, что он сочинял эти пьесы

и играл в них, еще и постановщиком. Но похоже, что ему нравилось исполнять роли в своих спектаклях, он брал себе даже роли ведущих действующих лиц, если это не противоречило самому материалу пьесы. Он значится в списке актеров как исполнитель главных ролей в пьесах Бена Джонсона «Всяк в своем настроении» в 1598 году и «Падение Сеяна» в 1603 году.

Соблазнительно, даже закономерно считать, что Шекспир, попав в Лондон, перебрался в Шордич, расположенный к северу от стен Сити. Там находились «Театр» и «Куртина», там жили драматурги и актеры, кутили, пировали, частенько дрались и умирали порой не своей смертью. Кристофер Марло, которому вскружил голову успех его пьесы «Тамерлан Великий», подрался с хозяином таверны Уильямом Брэдли. Приятель Марло, Томас Уотсон, тоже драматург, вступился за него и толкнул в грудь Брэдли. Удар оказался фатальным. Оба писателя попали в тюрьму – Марло вскоре отпустили, а Уотсон провел там пять месяцев. Отпустили их на свободу только потому, что было доказано, что Брэдли был инициатором драки, а подсудимые действовали в целях самозащиты. Мы вправе полагать, что убийство Брэдли было предметом обсуждений во всей округе, но был ли тогда там Шекспир и слышал ли он эти пересуды, – мы не знаем. Но в том, что потом он услышал об этом приключении, сомнений быть не может, – он очень скоро внезапно появился в лондонском театре.

Тем не менее, мы точно не знаем, когда именно это событие произошло. Даже не знаем наверняка, когда именно потомки Шекспира услышали о нем как о драматурге и актере. Дотошный и педантичный во

всех деталях Хенслоу сделал запись в своем дневнике, касающуюся постановки «Харви VI» в театре «Роза», состоявшейся в первую неделю марта 1592 года. Есть все основания считать, что это была постановка драмы Шекспира «Генрих VI», ее первой части, которую приняли с необычайным энтузиазмом. Она собрала во время премьерного спектакля три фунта шестнадцать шиллингов и восемь пенсов – весьма внушительную сумму – и выдержала тринадцать представлений в последующие четыре месяца, то есть больше, чем какая бы то ни было другая пьеса того времени. Но успех пьесы, особенно ее премьерного спектакля, влечет за собой вопрос: «Публика в массе своей действительно предпочла идти на премьеру пьесы малоизвестного драматурга, или же это была теперь уже утерянная пьеса на ту же тему, принадлежащая перу какого-то маститого автора?» Проблема еще и в том, что не сохранилось записей, свидетельствующих о том, что Шекспир – драматург и актер – вступал в деловые отношения с труппой Хенслоу.

Первое внятное упоминание о Шекспире как о драматурге содержится, как это ни странно, в виде злобной ремарки в тоненьком своеобразном памфлете; а ведь к тому времени он был уже автором нескольких пьес – вероятно, пяти, а может, и большего числа, – хотя остается до сих пор неясно, каких именно.

Полное, достаточно пространное название памфлета: «На грош мудрости, приобретенной миллионом раскаяния. Описывает глупость юности, фальшь случайной лести, страдания равнодушных и проказы обманщиц-куртизанок. Написано до его кончины

и опубликовано во исполнение его последней воли»⁶⁰, автор – Роберт Грин, который и в самом деле был верен обещанию, данному им в заглавии своего памфлета, – умер, как только тот был готов к печати.

Грин был автором бесчисленных памфлетов, самым ярким представителем группы «Университетские умы»⁶¹. Но в обычной жизни он был гулякой и грубияном. Он удачно женился, но, растранив деньги супруги, бросил ее с ребенком и завел себе любовницу – женщину сомнительной репутации, прижил с ней второго ребенка, которого наградил громким именем Фортунат; он жил со своей семьей в съемной квартире в Доугейте, рядом с Лондонским мостом. Здесь, выпив как-то вечером слишком много рейнского вина и съев слишком много селедки (так говорится в записях современников), Грин заболел и начал медленно умирать, в нищете и одиночестве, правда, он продолжал потягивать вино – столько, сколько мог выдержать его угасающий организм. Но, перемогаясь в течение последнего месяца жизни, он написал два сочинения, в которых находим след его собственной биографии и полные яда мысли о других писателях. 3 сентября 1592 года он испустил дух. Ему был тридцать один год, а может быть, тридцать два – подходящий возраст для лондонца, чтобы отойти в мир иной.

Сохранились только две копии памфлета «На грош мудрости...», вряд ли его кто-нибудь стал бы перечитывать, если бы не одно приковывающее к себе внимание предложение, затерявшееся в бесконечных путаных пассажах: «Да, не верьте им: потому как невесть откуда выскочившая ворона важно щеголяет в на-

ших перьях, *сердце тигра в оболочке актера* (Tigers heart wrapt in a players hide). Она воображает, что может вымотать из себя белый стих не хуже вашего, а будучи всего только *Иваном на все руки* (Johannes fac totum), считает себя единственным потрясателем сцены (Shake-scene) всей страны».

Если намек на «единственного потрясателя сцены» не попадал прямо в цель, то отсылка к «сердцу тигра в оболочке актера» наверняка была понята всеми – ибо это парафраз строки из «Генриха VI», третьей части. Ясно из контекста памфлета, что Шекспир обрел уже достаточную популярность, чтобы разбудить зависть в умирающем литераторе, но, тем не менее, считался пока новичком, а не новой звездой.

Никто из потомков не знает точно, как поступил Шекспир в ответ на нападки отошедшего в мир иной Грина. Между ними, не исключено, существовала вражда на личной почве, но более вероятно, что дело в профессиональной конкуренции. Грин, очевидно, считал, что раз Шекспир – актер, его забота произносить со сцены строки, а не писать их. Творчество – удел выпускников университета, пусть и отпетых гуляк. (Грин был снобом, то есть выпускником университета, правда, попавшим туда из низших слоев общества – его отец был шорником). Во всяком случае, Шекспир или кто-то от его имени должен был ответить в знак протеста, потому как вскоре редактор и личный секретарь Грина Генри Четтл⁶² прислал апологию, преисполненную унижения и просьб о прощении, превознося честность и прекрасный нрав Шекспира, «его веселый, изящный слог» и прочее, прочее.

Четтл был гораздо менее расточителен в своих извинениях в адрес Кристофера Марло, хотя тот подвергся гораздо более злобной атаке со стороны Грина (к тому же, как и многих других, Грин не называет его открыто), а все потому, что автор в своем небольшом сочинении обвиняет его в атеизме – в то время это было очень серьезное обвинение. Почему же Четтл проявил себя гораздо уважительнее (или трусливее) по отношению к Шекспиру, чем к легко узнаваемому и опасному Марло, – интересная загадка, но разгадать ее не представляется возможным. Как бы то ни было, никто никогда так не оскорблял Шекспира.

В то время, когда начали появляться записи о Шекспире в театральных хрониках, их перестали вести из-за очень сильной вспышки чумы. Спустя четыре дня после смерти Роберта Грина было приказано закрыть все лондонские театры, они были закрыты на протяжении двух лет, за исключением коротких периодов. Наступили беспримерно тяжкие дни. В Лондоне по меньшей мере десять тысяч человек умерли за один год. Театральным труппам запретили выступать в столице, и они были обречены на тяжелое существование – перемещаться с места на место.

Что делал Шекспир в те годы – неизвестно. Постоянно ускользающий от взгляда историков, на эти два, а то и больше, года он просто исчез. Как всегда, существует много версий по поводу того, где он провел два года эпидемии чумы – 1592-й и 1593-й. По одной из них считается, что он путешествовал по Италии, что отразилось в его творчестве: вернувшись, он написал

итальянские пьесы – «Укрощение строптивой», «Два веронца», «Венецианский купец», «Ромео и Джульетта» – хотя по меньшей мере одна из них была написана раньше и ни одна не требовала путешествия в Италию. Единственно, что доподлинно известно, так это то, что в апреле 1593 года, в канун его двадцатидевятилетия и спустя чуть больше полугода после того, как закрыли театры, Уильям Шекспир написал поэму «Венера и Адонис»⁶³ с посвящением, которое было столь цветистым и учтивым, что даже спустя четыреста лет оно не может не вызывать сочувственного отклика. В посвящении говорится:

«Ваша милость,

Я сознаю, что поступаю весьма дерзновенно, посвящая мои слабые строки Вашей милости, и что свет осудит меня за избрание столь сильной опоры, когда моя ноша столь легковесна; но если Ваша милость удостоит меня своим благоволением, я сочту это высочайшей наградой и клянусь посвятить все свое свободное время и неустанно работать до тех пор, пока не создам в честь Вашей милости какое-нибудь более серьезное творение. Но если этот первенец моей фантазии окажется уродом, я буду сокрушаться о том, что у него такой благородный отец, и никогда более не буду возделывать столь неплодородную почву, опасаясь снова собрать плохой урожай. Я представляю свое детище на рассмотрение Вашей милости и желаю Вашей милости исполнения всех Ваших желаний на благо мира, возлагающего на Вас свои надежды...»

Персона, к которой адресовано это обращение, – не пожилой знатный вельможа, а бледный, стройный,

женоподобный юноша девятнадцати лет – Генри Ризли⁶⁴, Третий граф Саутгемптон, барон Титчфилд. Его отец умер, когда мальчику было всего семь лет, и его отдали на воспитание лорду Берли⁶⁵, лорду-казначею королевы – практически ее премьер-министру. Берли следил за тем, чтобы он получил хорошее образование, а когда ему исполнилось семнадцать лет, потребовал, чтобы он женился на его внучке леди Елизавете де Вер, дочери Эдуарда де Вера⁶⁶, семнадцатого графа Оксфорда. Долгое время те, кто полагал, что Шекспир не был Шекспиром, приписывали де Веру авторство пьес великого драматурга. Саутгемптон отказался от этого брака, за что заплатил колоссальный штраф в пять тысяч фунтов стерлингов (сейчас эта сумма равна приблизительно двум с половиной миллионам). Он действительно не хотел жениться на внучке Берли.

Саутгемптон, похоже, любил в равной мере компанию как женщин, так и мужчин. При дворе у него была возлюбленная, некая Елизавета Вернон, но во время службы в Ирландии при графе Эссексе он занимал покои с молодым офицером, которого «любил заключать в свои объятия и распутничать с ним», как писал один любитель жареного. Он, должно быть, был особенным солдатом, поскольку его отличительной чертой была бросающаяся в глаза женственность. Мы точно знаем, как он выглядел – или как хотели, чтобы он запомнился потомкам, – потому как Николас Хиллард, известный портретист, нарисовал миниатюру с его портретом, на котором он запечатлен с заколотыми и переброшенными через левое плечо золотисто-каштановыми локонами. А в то время мужчины не отращивали

длинные волосы, во всяком случае, не причесывали их таким манящим образом.

Весной 2002 года открылись и вовсе неожиданные обстоятельства, когда в Хэтчлендс-парке в Сюррее обнаружили другой портрет Саутгемптона, на котором он был изображен одетым в женское платье (или демонстративно женоподобное), в позе, поразительно напоминающей прекрасного юношу, которого «природа наградила женским ликом / И сердцем женским – только без тщеты...»⁶⁷, с такой любовью описанного Уильямом Шекспиром в 20-м сонете. Дата, когда был написан портрет, как полагают специалисты, – 1590–1593 годы, в то время Шекспир как раз и добивался расположения Саутгемптона.

Мы не знаем, понравилось или нет Саутгемптону произведение Шекспира, посвященное ему, но публика полюбила его. Опубликованная поэма пользовалась величайшим успехом у читателя – куда большим, чем его пьесы, и ее перепечатывали минимум десять раз при его жизни (хотя до нас дошло лишь одно издание, которое хранится в Оксфорде в библиотеке Бодли). Поэма «Венера и Адонис» написана в повествовательной форме, она обладает довольно богатой для своего времени, живой поэтической формой, ее длина – 1194 строки, но она гораздо строже по своему содержанию, чем ее предшественница – «Метаморфозы» Овидия, в которых восемнадцать сцен изнасилования и изрядное число эпизодов грабежей, не говоря о всем прочем. Шекспир отказался от сцен насилия, а сосредоточился на других темах – любви, страсти, смерти, мимолетной, хрупкой красоте – на том, что

отвечало вкусу елизаветинцев и обеспечивало поэме успех у читателя.

Бьет в грудь она себя, и сердце стонет...

Она раз двадцать всхлипнет: «Горе, горе!»⁶⁸

Такие строки задевали сердечные струны елизаветинцев и гарантировали произведению победу. Издатель, Ричард Фильд, был товарищем Шекспира в Стратфорде, и поэма так хорошо продавалась, что другой, более успешный издатель, Джон Харрисон, выкупил у Фильда права на Шекспира. На следующий год Харрисон издал новую поэму Шекспира – «Обещанная Лукреция», источником которой послужила поэма Овидия «Фасты». Эта работа Шекспира была значительно больше – 1855 строк, написана семистрочной строфой, воспевала целомудрие, и, как и само целомудрие, не пользовалась популярностью у читателя.

И вновь она начиналась посвящением фатоватому графу:

«Его милости ГЕНРИ РИЗЛИ,
графу САУТГЕМПТОНУ,
барону ТИТЧФИЛДУ

Любовь, которую я питаю к Вашей светлости, беспредельна, и это скромное произведение без начала выражает лишь ничтожную часть ее. Только доказательство Вашего лестного расположения ко мне, а не достоинства моих неумелых стихов дают мне уверенность в том, что мое посвящение будет принято Вами. То, что я создал, принадлежит Вам, то, что мне предстоит создать, тоже Ваше, как часть того целого, которое без-

раздельно отдано Вам. Если бы мои достоинства были значительнее, то и выражения моей преданности были бы значимее. Но каково бы ни было мое творение, все мои силы посвящены Вашей светлости, кому я желаю долгой жизни, еще более продленной совершенным счастьем.

Вашей светлости покорный слуга
Уильям Шекспир»⁶⁹.

Поскольку эти два посвящения – единственные, с которыми Шекспир открыто обращается к реальным лицам от собственного имени, шекспироведы, естественно, нацелились на них, чтобы понять, что они могут из них извлечь. В чем многие уверены – так это в том, что во втором посвящении больше доверительности – а может, и любви, – чем в первом. А.Л. Роуз, к примеру, не знает другого образца «подобной интимности в посвящениях елизаветинцев», и это заключение, пропитанное аналогичной убежденностью, перекликается с другими ему подобными.

На самом деле мы ничего не знаем об этих отношениях, не знаем, было ли между Шекспиром и Саутгемптоном что-нибудь. Но, как пишут Уэллис и Тейлор в полном собрании сочинений, изданном ими, «любовь, с которой Шекспир говорит о нем в посвящении к “Лукреции” предполагает, что их связывали очень сильные чувства». Выдвигалось предположение, что Саутгемптон был тем прекрасным юношей, о котором Шекспир пишет в сонетах, созданных, скорее всего, приблизительно в то время, хотя они были опубликованы пятнадцать лет спустя. Но Мартин Виггинс из

Бирмингемского университета считает, что посвящение аристократу «было распространено, а его целью было стремление обрести патрона». И Шекспир был одним из нескольких поэтов – среди них Томас Нэш, Гервейз Мархем, Джон Клапхем и Барнейб Барнс, – которые искали покровительства Саутгемптона в тот же самый период (по сравнению с подобострастными посвящениями его соперников просьбы Шекспира закономерно выглядят сдержанными, честными и преисполненными чувства собственного достоинства).

Саутгемптон, в любом случае, не в состоянии был оказывать слишком щедрую помощь. Хотя его доход составлял 3000 фунтов стерлингов в год (около 1 500 000 фунтов стерлингов по современному курсу), когда он достиг совершеннолетия, ему по наследству перешли большие долги, и он оказался втянут в невыгодные сделки. Более того, согласно условиям завещания, по которому он вступал в наследство, он обязан был отдавать треть дохода матери. Прошло несколько лет, и он, по словам того же Виггинса, «стал безнадежным банкротом». Все это опровергает версию о том, что Саутгемптон подарил Шекспиру – был в состоянии это сделать – 1000 фунтов стерлингов, о чем повествовал первый биограф Шекспира Николас Роу в начале 1700 года, а потом, как ни странно, эта версия находила поддержку других ученых, к примеру, у Сидни Ли в «Национальном биографическом словаре».

Итак, к 1594 году Шекспир твердо шел к успеху. Он был автором двух великолепных поэм и заручился поддержкой крупного вельможи. Но вместо того, чтобы

преумножать свои достижения на этом многообещающем поприще, он покинул поэтическое поле и окончательно вернулся в театр; сей поступок мог показаться эксцентричным, если не надуманным, поскольку ремесло драматурга было не в сильной чести, а результаты его труда, какими бы удачными они ни были, редко замечали критики.

И тем не менее Шекспир окунулся в этот мир с открытым сердцем. Он никогда с тех пор не посвятил ни одной строки ни Саутгемптону, ни какому-либо другому вельможе, не искал ничьей поддержки. И написал лишь одно произведение – «Феникс и голубка» – для публикации, его издали в 1601 году, во всяком случае, мы знаем только об одной поэме. Больше ничего не было издано под его именем при его жизни и с его ведома, в том числе и пьесы, которые отныне стали единственным объектом его творчества.

Театральная сцена, на которую Шекспир вернулся, весьма изменилась за прошедшие два года. Во-первых его главный соперник, Кристофер Марло, ушел в мир иной за год до этого. Марло был всего на два месяца старше Шекспира. Хотя он был выходцем из бедных слоев населения – его отец был сапожником из Кентербери, он в юности перебрался в Кембридж (поступил туда учиться) и добился высокого положения в обществе.

Господь знает, каких вершин он достиг бы, если бы в 1593 году не попал в серьезный переплет. Весной того года внезапно по всему Лондону стали распространять пронизанные вызывающей враждебностью к чужестранцам плакаты со строками, которые были

написаны в подражание популярным в то время пьесам, в частности «Тамерлану» Кристофера Марло. Правительство было настолько озабочено внутренней безопасностью в стране, что в год тратило двенадцать тысяч фунтов стерлингов – фантастическую сумму – на слежку за своими гражданами. То был период, когда люди всеми силами старались не привлекать к себе внимания власть предержащих. Среди тех, кого вызывали на допрос, оказался Томас Кид, друг Марло, его сосед по дому и соавтор пьесы «Испанская трагедия», пользовавшейся огромным успехом у зрителя. Под пытками (или из страха перед ними), находясь в тюрьме, Кид обвинил Марло в том, что он «неверующий, нетерпимый и бессердечный», но самое главное – что он богохульник и атеист. То были очень серьезные обвинения.

Марло предстал перед Тайным советом, его допрашивали, потом отпустили под подписку о невыезде далее 12 миль от королевской резиденции: чтобы он был постоянно «под рукой», на тот случай, если его обвинители сочтут своевременным снова вызвать его на допросы. В противном случае ему грозит наказание – как минимум ему отрежут уши, и то, если все обернется для него хорошо. Так что для Марло наступили очень трудные дни. Как писал его биограф Дэвид Риггс, «суды при Тюдорах не выносили оправдательных приговоров».

Находясь в столь драматичной ситуации, Марло устроил с тремя сомнительными парнями пирושку в доме вдовы Элеоноры Буль в Дептфорде в Ист-Лондоне. Там, согласно акту, составленному коронером,

вспыхнула ссора из-за счета, и Марло – который вообще-то был драчуном – схватил кинжал и пытался ударить им Инграма Фрайзера. Фрайзер, защищаясь, выхватил кинжал и ударил Марло в голову, попав ему в лоб над правым глазом; в принципе, считается, что трудно нанести в то место смертельный удар, однако он убил Марло. Это официальная версия. Некоторые историки полагают, что его убили по приказу королевы или ее тайных агентов. Как бы то ни было, Марло был убит, когда ему исполнилось двадцать девять лет.

В этом возрасте Шекспир успел написать сравнительно легкие вещицы – «Бесплодные усилия любви», «Два веронца» и «Комедию ошибок» – вот, в сущности, и весь список того времени. Марло, напротив, создал выдающиеся произведения: «Мальтийский еврей», «Трагическая история доктора Фауста», «Великий Тамирлан». «Если бы Шекспир тоже умер в тот год, – писал Стэнли Уэллс, – мы бы считали, что Марло более великий драматург, чем Шекспир».

Без сомнения. Но что бы было, если бы оба остались живы? Они оба выдержали бы этот поединок? Представляется справедливым заметить, что творческий потенциал Шекспира был гораздо богаче. У Марло не было таланта комедиографа и никакого таланта в создании женских образов – а Шекспир в этом блистал. К тому же невозможно представить себе, что столь вспыльчивый и склонный к агрессии юноша, коим был Кристофер Марло, мог бы дожить до уравновешенного, мудрого, продуктивного возраста пожилого человека. Шекспиру природой были даны способности творить долго.

Кид умер на следующий год, ему было тридцать шесть лет, он так и не пришел в себя после пыток в тюрьме. Грин тоже уже умер, а Уотсон вскоре отправился вслед за ним. Так что у Шекспира не было серьезных соперников до 1598 года, когда на сцене появился Бен Джонсон.

Для театральных трупп годы эпидемии чумы тоже стали последними. Бесконечные поиски провинциальных площадок для многих оказались непосильными, и труппы Хертфорда, Сассекса, Дерби и Пембрука почти одновременно приказали долго жить. В 1594 году осталось лишь две известные труппы – «Слуги адмирала» под опекой Эдуарда Аллена и новая труппа «Слуги лорда-камергера» (названная так в честь главы королевского дома) под покровительством Ричарда Бербеджа, в которые поступили талантливые актеры закрывшихся театров. Среди них были Джон Хемингс, впоследствии ставший близким другом Шекспира и (спустя почти тридцать лет) соиздателем Первого фолио, и известный комик Уилл Кемп – именно для него (как резонно предполагается) Шекспир напишет много прославивших его ролей, к примеру, пристава Кизила в комедии «Много шума из ничего».

Шекспир до конца своих дней не расстанется с этим театром. Как замечали Уэллс и Тейлор, «он единственный выдающийся драматург, у которого были столь постоянные, прочные творческие отношения с одним театром». Этот союз оказался счастливым и успешным, все его члены вели похвальный – во всяком случае, по сравнению с другими, – трезвый, прилежный, добропорядочный образ жизни.

Шекспир казался белой вороной среди других членов труппы – не отличался качествами примерного семьянина. Бербедрж был любящим супругом и отцом семерых детишек, его семья жила в Шордиче. Хемингс и Конделл тоже были примерными семьянинами, соседями в богатом приходе Св. Марии Олдерменбери, где они были столпами своей церкви, и многодетными отцами – на двоих у них было двадцать три ребенка.

Короче говоря, они вели себя пристойно. Не приносили с собой в пабы кинжалы и не устраивали драк. Вели себя как бизнесмены. А шесть раз в неделю собирались вместе и доставляли людям ни с чем не сравнимые часы высокого наслаждения.

THE True Tragedie of Ri- chard the third:

Wherein is shovne the death of Edward the fourth, with the smothering of the two young Princes in the Tower :

With a lamentable ende of Shores wife, an example for all wicked women.

And lastly, the continuation and ioyning of the two noble Houses, *Lancaster and Yorke.*

As it was played by the **Queenes Maiesties** Players.

LONDON

Printed by Thomas Creede, and are to be sold by
William Barley, at his shop in Newgate Market, neare
Churche Church doore. 1594.

T H E Two Gentlemen of Verona.

Actus primus, Scena prima.

Valentine - Proteus, and Speed.

Valentine.

Val. Come to persuade, my loving Proteus;
I come-keeping, youd have eare humbly wits,
Wee'l not offend: how chance thy smother days
For the sweet glances of thy bonous Looe,
I rather would entreat thy company,
To sit the wondrous of the world abroad,
Then (living dully sluggish) sit at home.
We care not thy youth with haplesse shew.
But once thou loost love thou shalt knowe thereon,
Even as I would, when too late began.

Pro. With those he goes? Sweet Valentine adew,
Think on thy Proteus, when thou (th'p'ly) wert
Some rare note-worthy object in thy travels:
With me partaker in thy haplesse,
When thou dost meet good boys and in thy danger,
(If eare change dost emotione)

Comment thy germane to my holy prayers,
For I will be thy head-ma, Valentine.

Val. And on a leas-bancker pay for my success?
Pro. Upon some booke I love, I'll pay thee there.

Val. That's on some folio I scored deep love,
How young Leander crost the Hellespont.

Pro. That's a deepe sense of a deepe loe,
But he was more than eate: choose in loe.

Val. 'Tis sweet for you are more: swoop in loe,
And yet you meet (even) the Hellespont.

Pro. Over the Bootes? may give me not the Bootes.
Val. No, I will not; for 't is boous thee not.

Pro. What? (Comes)

Val. To be in loe: where loe is bought with
Coy looks, with tender fighes, and fading moments

With toerney watchfull, weary zealous nighty watch,
I happily won perhaps a happy life gaine;

I'ld talk, why then a pinner labour more;
How eate; but a folly bought with wit,

Or eate a wit, by folly ransomed.

Pro. So, by your circumstance you call me fooler.
Val. So, by your circumstance I fear you'll prove so.

Pro. 'Tis Love you call it, I am not Love.
Val. Love is your matter, but he matters you;

And to that is yielded by a fooler,
Methinks I should not be so ransomed for wife.

Pro. Yet Witsers say; as in the sweetest Bed,
The eating Cuckier dwells; for eating Love
Inhabits in the fourth wall of all.

Val. And Witsers say; as the most forward Bed

is eaten by the Cuckier next blow,
Even so by Love, the purg and tender wit
Is turn'd to folly, basking in the Bed,
Lending his wits, even in the game,
And all the fire effects of future hopes
But wherewith wait I time to counaile thee
That on a warty no fond desire?

Once more adieu my Father as the Road
Expect my coming, there to see my selfe.

Pro. And thither will I bring thee Valentine,
Val. Sweet Proteus, no: I have left to take our leave.

Pro. I would have me here from thee by Letters
Oft by success in love; and what newes eile
Recheis here in a folio of thy story's
And I'll write well: adieu thee with mine.

Val. All happily because to thee in *Adieu*.
Pro. As much to you as home: and so farewell. **Exit.**

Pro. He after Honour looms, I after Love;
He leaves his friends, to dignifie them more;

I love my selfe, my friends, and all for love;
This *Julia* thou hast not forgot to me:

Made me reach my Studies, to study some day
We are wash good counaile, get the world as rough;

Made 't with musing, waking, here tick with thought.
Sp. Sir Proteus: 'tis you: I saw you my Matter?

Pro. But now he part'd hence to embrace you for *Adieu*.
Sp. 'Tis not you then, he thy *Adieu*?

And I have paid the Sheepe in loving him.
Pro. Indeede a Sheepe doth very often flay;

And if the Sheepe be a while away,
Sp. You conclude that my Matters a Sheepe head then,
and a Sheepe?

Pro. I doe.

Sp. Why then my honours are his honours, whether I
wake or sleepe.

Pro. A filly answer, and fitting well a Sheepe.
Sp. This proves me but a Sheepe.

Pro. True: and thy Matter a Sheepehead.
Sp. True: and thy Matter a circumstance.

Pro. I'll buye a hat: but I'll prove it by another.
Sp. The Sheepehead makes the Sheepe, and not the
Sheepe the Sheepehead; but I'll eke my Matter, and my
Matter makes me then, therefore I am no Sheepe.

Pro. The Sheepe for fodder follow the Sheepehead,
the Sheepehead for fodder follows not the Sheepe: I thou
follows not thee: therefore thou art a Sheepe.

Sp. Each another proofe will make me say but.
Pro. But do't thou hence: go: I'll show my Letter
to Julia?

Пьесы Уильяма Шекспира:
«Ричард III», «Два веронца»

Сцена из «Тита Андроника».

Рисунок зрителя Генри Пичема в 1595 году

THE
MOST EX-
cellent and lamentable

Tragedie, of Romeo
and Juliet.

*Newly corrected, augmented, and
amended:*

As it hath bene sundry times publicly acted, by the
right Honourable the Lord Chamberlaine
his Seruants.

LONDON
Printed by Thomas Crecde, for Cuthbert Burby, and are to
be sold at his shop neare the Exchange.
1 5 9 9.

The most excellent
Historie of the *Merchants*
of *Venice*.

VVith the extreame cruclike of *Shylocke* the Iewe
towards the sayd Merchant, in cutting a iust pound
of his flesh: and the obtaining of *Portia*
by the choysie of three
chests.

*As it hath bene diners times acted by the Lord
Chamberlaine his Seruants,*

Written by William Shakespeare.

*Collected
Perfect.
1619*
First Edition.

AT LONDON,
Printed by I. R. for Thomas Heyes,
and are to be sold in Paules Church-yard, at the
signe of the Greene Dragon.
1 6 0 0.

A
Midsummer nights
dreame.

As it hath bene sundry times pub-
lickely acted, by the Right Honour-
able, the Lord Chamberlaine his
seruants.

Written by William Shakespeare.

Printed at London, for *Thomas Fisher*, and are to
be sold at his shoppe, at the Signe of the White Hart,
in Fleetstreet. 1 6 0 0.

Much adoe about
Nothing

*As it hath bene sundrie times publicly
acted by the right honourable, the Lord
Chamberlaine his seruants.*

Written by William Shakespeare.

LONDON
Printed by V. S. for Andrew Wife, and
William Apley.
1 6 0 0.

Пьесы Уильяма Шекспира:

«Ромео и Джульетта», «Венецианский купец»,
«Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего»

T H E
**Tragicall Historie of
 HAMLET**
Prince of Denmarke

By William Shake-speare.

As it hath bene diuerſe times acted by his Highneſſe ſer-
 uants in the Cittie of London : as alſo in the two V-
 niuerſities of Cambridge and Oxford, and elſe-where

London printed for N.L. and Iohn Trondell.
 1603.

OTHELLO,
 T H E
Moor of Venice.
 A
T R A G E D Y,

As it hath been diuers times acted at the *Globe*,
 and at the *Black-Friers* :

And now at the

T H E A T E R R O Y A L,
 B Y
 HIS MAJESTIES SERVANTS.

Written by *William Shakeſpear.*

L O N D O N,
 Printed for *W. Weak*, and are to be ſold by *Richard Bent-
 ley* and *M. Magnes* in *Ruſſel Street* near *Couent-
 Garden*, 1681.

M. VWilliam Shake-speare,
 HIS
 True Chronicle History of the life
 and death of King *Lear*, and his
 three Daughters.

With the unfortunate life of *EDGAR*,
 ſonne and heire to the Earle of *Gloceſter*, and
 his ſullen and aſſumed humour of *TOM*
 of *Bedlam*.

As it was plaide before the Kings Maieſty at *White-Hall*, up-
 on *S. Stephens* night, in *Chriſtmas Holidaies*.

By his Maieſties Seruants, playing vſually at the
Globe on the *Banck ſide*.

Printed for *Nathaniel Butter*.
 1608.

**THE TRAGEDIE OF
 MACBETH.**

Actus Primus. Scena Prima.

Thunder and Lightning. Enter three Witches.

Witches. All hail we three meet again!
 In Thunder, Lightning, or in Raine?
 1. When the hurly-burly's done,
 When the battle's lost and wonne,
 2. That will we see the first of June,
 3. When the shallice
 4. Upon the Heath.
 5. Time come with Mackin.
 6. Come, O, O, Mackin.
 7. Fadoh calls none fairer in foot, and fouler in face,
 Hower through the fogge and thicke ayre. *Exeunt.*

Scena Secunda.

Alarum within. Enter King Malcolm, Desdemond, Lennox, with attendants, meeting a bleeding Captain.

Cap. What bloody man is that? he can report,
 As ſeemeth by his plights of the Banquo
 The worst of hills.
Mal. This is the Sonne.
 Who like a good and hardie Soldier fought
 Against my Captiuitie: he haire brasse faced,
 Say to the King, the knowledge of the Broyle,
 As thou shalt find him.
Cap. Dumb-hell! he ſhould
 Avenge ſeuall Souldiers that doe cling together,
 And shout their names, The natiuitie of Mackin,
 (Which is to be ſaid) hee is the
 The melancholy Witches of Mackin.
 Doe ſwear you ſhall from the Witches ſites
 Of bones and Caldey grow ſuch ſuch a
 And Forceme on his ſhoulders Q, jany ſingling,
 Shew'd ſuch a ſhadow. Where? You ſhall ſee wonders
 For ſeaue *Macbeth* (with her ſeruants that Name)
 Did ſwear you ſhall with hill ſhadowe the Spirit,
 Which ſhould ſhadowe you ſhall ſhadowe
 (I ſee) ſhall ſhadowe you ſhall ſhadowe
 I'll ſee ſhall ſhall ſhall
 Which ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Till hee ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 And ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall

Eng. O valiant Couer, worthy Glenelg!
Cap. As when the ſunne ſhine his reflection,
 Sheweth ſuch ſhadowe, and doth ſuch ſhadowe:
 So ſhould the ſunne, when ſhall ſhall ſhall ſhall
 Diſcontent ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 No ſonne ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Compell'd ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Be the ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 With ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Begun ſhall ſhall ſhall
King. Dittie's ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
Cap. Yes, Spawne, Engle!
 Or the ſhall ſhall ſhall
 If I ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 As Common ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 So they ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Except they meet to battle in ſhall ſhall ſhall
 On ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 I ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 My Colours cry for helpe.
Eng. So ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 They ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall

Enter Ross and Angus.
Who comes here?
Mal. The worthy Thane of Ross.
Lennox. What a hallowe ſhall ſhall ſhall ſhall
 So ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
Ross. Oth ſhall ſhall ſhall
Eng. From Fife, great King,
 Where ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 And ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Newes ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Afford by the ſhall ſhall ſhall ſhall
 The Thane of Couer had begun a ſhall ſhall ſhall
 Till that the ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Confound'd him with ſhall ſhall ſhall ſhall
 Raign'd ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Cutting his ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 The White Hill to vs.
Eng. Come happy ſhall
Ross. This ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Come ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Nor ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Till hee ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall
 Ten thouſand ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall ſhall

«Гамлет», «Отелло»,
 «Король Лир», «Макбет»

Мемориал Шекспира в Вестминстерском аббатстве

ПЬЕСЫ

рактически все сходятся во мнении, что карьера Уильяма Шекспира-драматурга началась около 1590 года, но куда меньше единодушия в том, с каких именно пьес она началась. В зависимости от того, чей авторитет вы признаете, вы выберете в качестве старта любую из, по крайней мере, восьми пьес: это «Комедия ошибок», «Два веронца», «Укрощение строптивой», «Тит Андроник»⁷⁰, «Король Иоанн» или же три части пьес о Генрихе VI.

Американский ученый Сильван Барнет считает первой пьесой Шекспира «Комедию ошибок», второй – «Бесплодные усилия любви», а позднее Стэнли Уэллс и Гэри Тейлор в Оксфордском Полном собрании сочинений датируют первыми десять других пьес – это больше четверти его драматургического наследия, –

а потом уже перечисляют те две. Уэллс и Тейлор при этом в начало списка помещают «Двух веронцев», не опираясь на какие-либо документы, о чем они с легкостью пишут, а просто на основании того, что пьеса заметно сырая (или как они более изящно выразились – «ее отличает неуверенность в технике письма, что свидетельствует о неопытности автора»). Арденновское издание, между тем, первой пьесой помещает «Укрощение строптивой», а Риверсайдское издание – первую часть «Генриха VI». Едва ли можно найти два списка, выстроенных в одинаковом хронологическом порядке.

В отношении многих пьес мы вправе с уверенностью говорить лишь о *terminus ad quem* – о дате, за пределами которой они не могли быть написаны. Иногда доказательством этих временных границ служат ассоциации с внешними событиями, как в комедии «Сон в летнюю ночь», в которой очевидны ассоциации с непогодой и неурожаями (в Англии неурожай были в 1594 и в 1595 годах), или же в «Ромео и Джульетте», когда няня говорит о землетрясении, случившемся за одиннадцать лет до того (в Англии было короткое, но сильное землетрясение в 1580 году), но подобные намеки – редки и часто сомнительны. Многие другие выводы делаются исследователями на основании стилистических особенностей произведения. Так, в «Комедии ошибок» и «Тите Андронике» заметен «аромат юности», по словам Сэмюэля Шенбаума, а Барнет безапелляционно заявляет, что пьеса «Ромео и Джульетта» написана раньше, чем «Отелло», просто потому что «чувствуется, что “Отелло” написан позже».

Аргументы могли бы быть еще «убедительнее», если бы не было в качестве образца для исследователей небольшой, пухлой книжки Фрэнсиса Мереса «Palladis Tamia: сокровищница ума». Опубликованный в 1598 году, этот 700-страничный компендиум трюизмов и философских невнятных пассажей, неоригинальных мыслей не представляет особого интереса для истории, за исключением одного чрезвычайно полезного абзаца, на который обратили внимание ученые спустя приблизительно двести лет после смерти Шекспира: «Подобно тому, как Плавт и Сенека считались у римлян лучшими по части комедии и трагедии, так Шекспир у англичан является наипревосходнейшим в обоих видах пьес. Это его комедии – “Два веронца”, “Комедия ошибок”, “Бесплодные усилия любви”, “Вознагражденные усилия любви”⁷¹, “Сон в летнюю ночь”, “Венецианский купец”; его трагедии – “Ричард II”, “Ричард III”, “Генрих VI”, “Король Иоанн”, “Тит Андроник”, “Ромео и Джульетта”».

«Сокровищница ума» оказалась замечательной находкой. В тексте впервые упоминались четыре пьесы, которые принадлежали перу Шекспира, – «Венецианский купец», «Король Иоанн», «Два веронца» и «Сон в летнюю ночь», а затем в отдельном абзаце говорилось, что он написал к тому времени еще и несколько сонетов, хотя их не публиковали вместе еще одиннадцать лет.

Гораздо больше непонятого в упоминании пьесы «Вознагражденные усилия любви», о которой больше ничего не известно. Долгое время считалось, что это другое название какой-то из известных нам его пьес,

скорее всего «Укрощения строптивой», потому как ее нет в списке Мереса. Некоторые пьесы Шекспира носили разные названия, например, «Двенадцатую ночь» иногда называли «Мальволио», а «Много шума из ничего» – «Бенедикт и Беатриче», так что существование второго названия вполне возможно.

В 1953 году загадка стала еще более сложной, когда продавец букинистических книг в Лондоне, во время перевозки книг с одного склада на другой, обнаружил фрагмент инвентарной книги 1603 года, в котором значились отдельно «Вознагражденные усилия любви» и «Укрощение строптивой», из чего стало ясно, что это разные произведения и что «Вознагражденные усилия любви» – самостоятельная пьеса. А если, как явствовало из инвентарного списка, ее издавали и тираж составлял 1500 экземпляров, не исключено, что в один прекрасный день она откуда-нибудь вынырнет. (Такая перспектива совершенно нереальна для другой потерянной пьесы Шекспира – «Карденио», так как она, похоже, была только в рукописи.) Все это весьма загадочно. Если «Вознагражденные усилия любви» – самостоятельная пьеса и ее издавали, то естественно возникает вопрос – почему же Хемингс и Конделл не включили ее в Первое фолио? Но никто нам теперь не ответит.

В каком бы порядке пьесы ни следовали, благодаря Мересу мы знаем, что к 1598 году, хотя к тому времени Шекспир писал пьесы гораздо меньше десяти лет, он проявил себя таким мастером в драматургии – автором комедий, исторических драм и трагедий – колоссальный результат! – что завоевал долговечную

славу. К успеху он шел кратчайшим путем – не брезговал чужими сюжетами, диалогами, именами и названиями – всем, что могло ему пригодиться. Перефразируя Джорджа Бернарда Шоу, Шекспир был отменным рассказчиком историй, которые до него уже рассказали другие.

Но в принципе это можно поставить в вину практически всем писателям того времени. Для элизаветинцев сюжеты и действующие лица были «в общем хозяйстве». Марло заимствовал своего «Доктора Фауста» из немецкой «Истории доктора Иоганна Фауста» (точнее, из ее английского перевода), а «Дидону, царицу Карфагена» – у Вергилия («Энеида»). До шекспировского «Гамлета» была другая пьеса о Гамлете. Эта пьеса, к сожалению, потеряна, и кто ее автор – неизвестно (правда, кое-кто полагает, что ее автор – не заявивший о себе сполна гений Томаса Кида), поэтому нам остается только гадать, насколько Шекспир повторил своего предшественника. Его «Короля Лира» также вдохновил более ранний «Король Лир». Его «Самая прекрасная и печальная трагедия о Ромео и Джульетте» (как полностью она называлась в оригинале) – свободное переложение поэмы «Трагическая история Ромео и Джульетты», принадлежавшей молодому талантливому поэту Артуру Бруку, написавшему ее в 1562 году, а потом – увы! – утонувшему. Брук, в свою очередь, взял ее у итальянца Маттео Банделло. Комедия «Как вам это понравится» – переложение работы Томаса Лоджа «Розалинда», а «Зимняя сказка» похожа на переработку «Пандосто», забытого романа непримиримого критика Шекспира Роберта Грина.

Всего несколько произведений Шекспира – прежде всего «Сон в летнюю ночь», «Бесплодные усилия любви» и «Буря» – написаны им самим без каких бы то ни было первоисточников.

Шекспир брал заурядное произведение и с блеском переписывал его, часто делая великим. До того, как он переписал «Отелло», это была обычная мелодрама. В раннем варианте «Короля Лира» король не был безумцем, и все заканчивалось счастливо. «Двенадцатая ночь» и «Много шума из ничего» были двумя не связанными между собой итальянскими сказками. Гений Шекспира заключался в том, что он брал привлекательный мотив и создавал шедевр. Для «Комедии ошибок» он заимствовал простой, но эффектный сюжет Плавта – два брата-близнеца, никогда не встречавшиеся раньше, одновременно оказываются в одном и том же городке; при этом усиливает комический эффект пьесы то, что у братьев и слуги – близнецы, которые тоже не в курсе разворачивающейся интриги.

Современных чувствительных критиков раздражает, что у Шекспира была привычка включать отрывки, почти дословные, из других источников в свои произведения. В «Юлии Цезаре» и «Антонии и Клеопатре» много слегка измененных пассажей из известного перевода Плутарха, выполненного сэром Томасом Нортон⁷². А в «Буре» мы находим подобные строки из Овидия. Крылатая фраза Марло – «Тот не любил, кто сразу не влюбился» из драмы «Геро и Леандр» повторяется дословно в шекспировской «Как вам это понравится»⁷³, а двустишие из «Тамерлана» Марло – повторяется в «Генрихе VI», во второй части:

Одры,

Татарские некормленные клячи,

*Что в день и тридцать миль не пробегут...*⁷⁴

В неудачных случаях он повторяет источник «почти механически», как писал Стэнли Уэллс, цитируя отрывок из «Генриха V», в котором молодой король (и, что важнее, – зрители) слушает лекцию по новой истории Франции, позаимствованную автором – почти дословно – из труда Рафаэля Холиншеда «Хроники. Кориолан» (пьеса включена в Первое фолио). В этом отрывке есть две строки, которые не поддаются пониманию, если не открыть работу уже упомянутого сэра Томаса Норта «Жизнеописания благородных греков и римлян» и не найти те же самые строки, но при этом не прочесть и предыдущую, которую Шекспир забыл выписать. И вновь мы можем найти много аналогичных примеров. Марло взял у Спенсера несколько строк из его «Королевы фей» и, практически не изменив их, вставил в «Тамерлана». А в «Королеве фей», в свою очередь, есть отрывки (дословные, но в переводе) из итальянского поэта Лудовико Ариосто.

В погоне за постоянной популярностью у зрителя правила постановки спектакля тоже старались смягчать. В классическом репертуаре были комедия и трагедия с соблюдением жанровых особенностей, а елизаветинцы отказались соблюдать эти правила и вставляли комедийные эпизоды в мрачнейшие трагедии – к примеру, сценка в «Макбете», когда привратник откликается на ночной стук. Автор с помощью комедийного приема добивался снижения напряжения. В классической драме в одной сцене позволялось только трем действующим

лицам произносить свои реплики, и никому не разрешалось говорить со зрителем и с самим собой, а потому не было монологов и реплик в сторону. А это – приметы драматургии Шекспира, без которых он не стал бы Шекспиром. Кроме того, до Шекспира пьесы подчинялись так называемым «трем единствам» – трем принципам драматического искусства, которые изложил Аристотель в своей «Поэтике», согласно которым действие должно происходить в одном и том же месте, в одно и то же время, иметь один сюжет. Когда Шекспира устраивал этот принцип триединства, он его охотно соблюдал (как в «Комедии ошибок»), но он никогда не написал бы «Гамлета», или «Макбета», или любое из его великих творений, если бы он неукоснительно следовал этому правилу.

Другие театральные условности еще не были четко сформулированы, а некоторые только стали появляться. Разделение пьесы на акты и сцены – что неукоснительно соблюдалось в античной и классической драматургии – в Англии пока что не соблюдалось. Бен Джонсон вставлял новую сцену и менял ее порядковый номер, как только на сцене появлялся новый персонаж, даже если роль его была случайной и проходной, а другие драматурги не делили свои пьесы на сцены. Для зрителей это вообще не имело никакого значения, и действие продолжалось без перерыва. Антракты между действиями стали устраивать только после того, как представления стали проходить в закрытом помещении, они нужны были, чтобы поменять освещение, а это было уже в последний период работы Шекспира в театре.

Почти единственным «железным правилом» в лондонском театре, которое свято соблюдали, была необходимость соблюдать порядок выхода на сцену (как мы теперь называем его для удобства), согласно которому актер не мог, закончив играть в одной сцене, тут же появляться в другой. Так, в «Ричарде II» Джон Гант⁷⁵ уходит внезапно за кулисы только для того, чтобы тут же появиться в следующей – весьма бурной – сцене. Почему именно это правило так неукоснительно соблюдалось, тогда как другие нет, – никогда никто, насколько я знаю, не объяснял.

Но даже при том, что постановочные принципы были весьма свободными, Шекспир вел себя непредсказуемо и вольно. Он мог, как например в «Юлии Цезаре», убить главного героя посередине пьесы (хотя потом Цезарь появляется в спектакле уже в качестве призрака). Он мог написать пьесу, герой которой (как в «Гамлете») произносит 1495 строк (почти столько же говорят все действующие лица в «Комедии ошибок»), исчезает на долгое время, отчего зритель начинает недоумевать, – всякий раз почти на полчаса. Он постоянно бросает вызов реальности, напоминает зрителю, что он не в настоящем мире, а в театральном. Так, в «Генрихе V» он спрашивает: «И вместит ли помост петуший – Франции поля?»⁷⁶, а в третьей части «Генриха VI» призывает зрителя:

Игрой воображенья

*Прошу восполнить наше представленье*⁷⁷.

Его пьесы чрезвычайно разнообразны – и по количеству сцен: от 7 до 47, и по числу действующих лиц

со своими репликами: от 14 до более чем 50. Обычная пьеса в те дни состояла из 2700 строк, представление длилось около двух с половиной часов. Пьесы Шекспира порой состояли из 1800 строк («Комедия ошибок») или из 4000 («Гамлет», спектакль длился почти пять часов, хотя похоже, что зритель не смотрел его с начала до конца). В среднем его пьесы на 70% состояли из белого стиха, на 5% – из рифмованного, а на 25% – из прозы, но при необходимости он с легкостью менял эту пропорцию, если ему это надо было. Если не считать исторических драм, только в двух пьесах – «Виндзорские насмешницы» и «Король Лир» – действие происходит в Англии; и ни в одной – в Лондоне; он никогда не строил свой сюжет на событиях своего времени.

Шекспир не был очень уж плодовитым писателем. Томас Хейвуд⁷⁸ написал сам или в соавторстве более двухсот пьес, в пять раз больше, чем Шекспир, за то же количество лет.

И тем не менее, в работах Шекспира, даже в самых его великих, чувствуется спешка. В начале пьесы Гамлет – студент, а в конце – ему тридцать лет, хотя ничего не происходило такого, что говорило бы, что прошло столько времени. Герцог в «Двух веронцах» говорит, что он в Вероне, а на самом деле ясно, что он в Милане. Действие пьесы «Мера за меру» происходит в Вене, а при этом почти у всех действующих лиц итальянские имена.

Шекспир считается гением английского языка и авторитетом в нем, но при этом не скажешь, что он не допускал ошибок. Во всем, что он делал, была некоторая неряшливость, он позволял себе много лишнего. Иногда

даже не поймешь, что он имел в виду. Джонатан Бейт в книге «Гений Шекспира» отмечает, что блистательный комплимент королеве, состоящий из шести слов в пьесе «Сон в летнюю ночь», – «в царящую на Западе весталку» – можно понимать настолько по-разному, что его интерпретация заняла двадцать страниц комментария в полном, комментированном собрании сочинений* Шекспира. Почти в каждой пьесе есть, по крайней мере, одна-две строки, которые не удается растолковать, вроде этих строк из «Бесплодных усилий любви»:

*Софизм! Черны темница, ад и мгла,
А красота сиянием одета.*⁷⁹

Что именно он имел в виду под «черной темницей» остается только гадать. Так же непонятна отсылка в «Венецианском купце» к «моему благополучному Эндрю, застрявшему в песках», которая может относиться как к кораблю, так и к человеку. Самый выразительный пример – безусловно, строка в «Короле Лире», которая была в одной из редакций трагедии (опубликованной ин-квартио в 1608 году), – “swithhold footed thrice the old”: «Три раза Витольд им грозился святой, / И топал на ведьм и кикимор пятой».⁸⁰ И хотя эта фраза потом сохранялась и в других редакциях на протяжении четырехсот лет, никто из комментаторов не смог предложить убедительного толкования.

«Шекспир страдал многословием, прибегал к ненужным, непонятным фразам, неуклюжим выражени-

* Полное собрание сочинений с примечаниями различных комментаторов (*Прим. автора*).

ям, занудному, скучному версификаторству, грубым словам, – писал Стэнли Уэллс. – Мы видим, как даже в своих величайших произведениях он ради задуманного сюжета жертвует чистотой языка и позволяет своему перу многословные диалоги, в ущерб содержанию». Или, как отмечал гораздо раньше Чарльз Лэм, Шекспир «нанизывает строку на строку, предложения и метафоры мешают друг другу; идея не успевает обрести форму, как ее обгоняет другая, которая тоже претендует на то, чтобы ей поскорее дали словесное выражение».

Шекспир пользовался особой известностью среди современников за скорость, с которой он писал свои произведения, и за чистоту копий, во всяком случае, в этом нас стараются убедить его коллеги Джон Хемингс и Генри Конделл. «Его воображение и перо всегда были дружны, – писали они в своем предисловии к Первому фолио, – он с такой легкостью излагал свои мысли, что мы ни за что не найдем в его рукописях какую-то помарку или кляксу». На что Бен Джонсон бросил в раздражении фразу, ставшую крылатой: «Лучше бы он сделал тысячу исправлений!»

На самом деле он их и делал. В одном месте мы это видим – в рукописи пьесы о жизни Томаса Мора. Над ней долго и упорно работали, причем в шесть рук (одним из соавторов был Генри Четгл, тот самый, что принес свои извинения Шекспиру за соучастие в публикации памфлета Грина «На грош мудрости...»). Она никогда не шла на сцене, поскольку ее героем был убежденный, страстный католик, сражавшийся с династией Тюдоров, нам в принципе кажется странным, что кто-то осмелился сделать его героем своего произведения.

Некоторые авторитеты полагают, что три странички, сохранившиеся до наших дней, написал Шекспир. Если так, они весьма интересны для нас: на них нет ни единого знака препинания, и на удивление – просто дух захватывает! – не соблюдается никаких орфографических правил. Слово «шериф», как отмечает Стэнли Уэллс, написано в пяти строках пятью разными способами – «sheriff», «shreef», «shreeve», «Shreiuе», «Shreue», – что является рекордом, несмотря на то, что елизаветинские нормы орфографии были весьма вольными. В тексте много вычеркнутых строк, добавлены отступы между строк, что говорит о том, что Шекспир действительно вносил правку – если это был он. Доказательством того, что это был он, служит схожесть в написании «а» в его подписи и в черновике пьесы о Море, частое употребление «у» (в слове «тигр» – “tiger” – он пишет “у” вместо “i” – “tyger”, это устаревшая, диалектальная манера письма), к тому же вместо “silence” (тишина, молчание) он пишет устаревшую форму “scilence” – в «Томасе Море» и во второй части «Генриха VI» (в опубликованном варианте ин-кварти). Последний пример указывает, что наборщик, работая с рукописью Шекспира, полностью повторил особенности его правописания, впрочем, это не категорическое утверждение, даже не предположительное. Никаких иных доказательств мы не находим – разве что мы можем положиться на интуицию – в отрывке слышен голос Шекспира.

Безусловно, стоит напомнить, что *идея* о том, что Шекспир мог приложить руку к этой пьесе, возникла лишь в 1871 году. А также стоит напомнить, что сэр

Эдвард Маунд Томпсон, утверждавший, что эти отрывки принадлежат Шекспиру, был всего лишь администратором Британского музея, в отставке, он никогда не был профессиональным палеографом⁸¹, не учился этой весьма неточной науке. Никаких иных свидетельств причастности Шекспира к этому событию в его время не находилось.

Много писалось об обширных знаниях Шекспира – что он знал столько, сколько знали в его время юрист, врач, государственный деятель или какой-то другой профессионал вместе взятые. Даже было выдвинуто предположение – похоже, весьма серьезное? – что строки в «Гамлете»:

*Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,
Но верь любви моей.*

Перевод Б. Пастернака

– свидетельствуют о том, что он вычислил движение на орбите тяжелых тел раньше астрономов. С некоторым преувеличением и избирательной интерпретацией можно говорить, что Шекспир сочетал в себе уйму талантов. На самом деле более трезвый анализ показывает нам, что ничто человеческое ему не было чуждо.

Он владел французским, свободно итальянским (или кто-то помогал ему, поскольку в его текстах много итальянских фраз), к тому же «Отелло» и «Венецианский купец» повторяют сюжеты итальянских произведений, еще не переведенных на английский. В его словаре очень много медицинских терминов, что говорит о его

совсем не обывательском интересе к медицине, а еще к юриспруденции, военным дисциплинам и ботанике (он упоминает 180 растений и употребляет 200 терминов, весьма внушительные показатели), но в других областях его познания не были такими же глубокими. Он очень плохо разбирался в географии, особенно в географии Италии, а ведь там происходит действие очень многих его пьес. Так, в «Укрощении строптивой» в Бергамо у него фигурирует парусник, тогда как это город в Италии, у которого нет выхода к морю. А в «Буре» и в «Двух веронцах» Просперо и Валентин отправляются в плавание соответственно из Милана и Вероны, хотя оба города находятся в двухдневном пути от моря. Может, он знал о том, что Венеция – город каналов, но ни в одной пьесе, в которой происходит там действие, не упоминает о них. Каковы бы ни были его другие достоинства, человеком всего мира он не был.

В его произведениях очень много хронологических ошибок. Так, древние египтяне играют у него в бильярд, а в Риме Цезаря фигурируют механические часы за 1400 лет до их изобретения. Намеренно или от невежества, он обращался с фактами совершенно своевольно, чтобы достичь своей цели. В первой части «Генриха VI», к примеру, он убивает лорда Толбота на двадцать два года раньше, чтобы он умер до Жанны д'Арк. В «Кориолане» Ларций обращается к Катону, хотя Катон родился лишь триста лет спустя.

Гений Шекспира имел дело не с фактами, а с амбициями, интригой, любовью, страданием – этому не учили в школе. Его интеллект был способен собирать разрозненные факты, фрагменты знаний воедино, но

при этом мы не находим ни малейшего намека в его текстах на напряженный мыслительный процесс – в отличие, скажем, от пьес Бена Джонсона, в которых груз знаний автора буквально нависает над каждым словом. Мы не найдем у Шекспира следов знакомства с Тацитом, Плинием, Светонием и другими античными авторами, столь сильно повлиявшими на творчество Бена Джонсона, а для Фрэнсиса Бэкона ставшими крестными отцами. И это отлично – правда, отлично, в противном случае он был бы не Шекспиром, а всего лишь человеком, демонстрирующим свою начитанность. Как написал Джон Драйден в 1668 году, «те, кто обвиняют его в том, что он постоянно стремился что-то узнать, делают ему отменный комплимент: он был гармонично образованным человеком».

О словарном запасе Шекспира было очень много написано. Действительно, просто невозможно сказать, сколько слов знал Шекспир, в любом случае попытка посчитать обречена на провал. Марвин Спивак в своем великолепном, обширном словаре – самом полном, если не сказать, изнурительно большом словаре слов Шекспира – собрал 29 066 различных слов в лексиконе Шекспира, но он весьма щедро включил в него и флективные и краткие формы. Если вместо всех вариантов слова – к примеру, *take, takes, taketh, taking, tak'n* и т.д. – вы представите его одним словом («лексемой», если употребить научный термин), что является общепринятой практикой, лексикон Шекспира сожмется до 20 000 слов – не такая уж впечатляюще огромная цифра. Сегодня обычный человек употребляет около 50 000 слов. И это не потому, что в наше время люди го-

ворят больше или более выразительно, а просто потому, что в нашем распоряжении теперь тысячи общеупотребительных слов – телевизор, сэндвич, ремень кресла в самолете, шардоне, кинематограф, – которых Шекспир не знал, поскольку эти предметы не существовали или были ему неизвестны.

Очевидно, не принципиально, сколько слов было у него в запасе, главное – что он делал с ними – и никто больше на такое не способен. Часто говорят, что Шекспир выделяется среди других писателей способностью освещать свои произведения жаром души и прочее-прочее, да, он делает это неподражаемо, Господь тому свидетель! Но что в действительности отличает его творчество от других – каждую строку, каждый отрывок поэм, пьес и даже посвящений, написанных им на протяжении всей жизни, – так это реальное, осязаемое понимание им всепроникающей мощи языка. «Сон в летнюю ночь» остается и сегодня, спустя 400 лет, пленительной работой. Вряд ли кто станет утверждать, что она осветила саму суть поведения человека. Зато она способна зажечь читателя языковыми находками!

Шестнадцатый век был самым благословенным временем для тех, кто искал наслаждения в языке – неологизмы ворвались в английский, как весенний ветер! Почти 12 000 слов, феноменальное количество, вошли в язык между 1500 и 1600 годами, почти половина из них сохранилась до сих пор, а старые слова стали употреблять в совсем новых случаях, о чем раньше и не помышляли. Существительные стали глаголами и наречиями, наречия – прилагательными. Стали употреблять совершенно неожиданные повороты речи – как,

к примеру, “breathing one’s last” – «при последнем издыхании», “backing a horse” – «осадить лошадь»; оба выражения придуманы Шекспиром – причем это вошло в повседневную речь. Двойное усиление негатива или превосходной степени больше никого не удивляло, как не удивляла новая степень эмфатики, что раньше было недопустимо, – к примеру, “the most unkindest cut of all” – «самое тяжелейшее оскорбление».

Правописание тоже стало весьма вольным. Можно было писать «св. Павел» и «св. Пол», и никто не замечал или не обращал на это внимания. Грейсчерч-стрит иногда превращалась в Грешиз-стрит или Грасс-стрит; Стратфорд-на-Эйвоне становился порой Стратфордом-на-Хейвене. Кристофер Марло подписывался как Кристофер Марли, так значится в дошедшем до нас автографе, а в Кембридже его записали под фамилией Кристофер Марлен. Еще он подписывался как Морли и Мерлин. Точно так же импресарио Филипп Хенслоу писал то Хенслов, то Хенсли, а его обозначали тоже по-разному: Хиншли, Хинчлоу, Хенсклоу, Хинчлоус, Хинклоу, Хинчло и еще с полудюжиной способов. Фамилию Шекспира записывали в более 80 разных вариантов – от Shappere – (Шаппер) до Shaxberd (Шаксберд). (Стоит заметить, что тот вариант правописания его фамилии, к которому мы привыкли, не совпадает с написанием его фамилии в Оксфордском словаре английского языка – там “Shaksper” – «Шакспер».) Пожалуй, самой яркой иллюстрацией вольного обращения с письменным языком является словарь «Трудные слова в алфавитном порядке» 1604 года, на титуле которого в заглавии слово “word” – «слово», написано дважды по-разному.

Произношение тоже очень отличалось от современного. Мы знаем, что у Шекспира рифмуются слова *knees, grease, grass, grace* и что он рифмовал *reason* и *raisin, Rome* и *room*. Первые сто строк «Венеры и Адониса» предлагают такие неожиданные рифмы, как *satiety* и *variety, fast* и *haste, bone* и *gone, entreats* и *frets, swears* и *tears, heat* и *get*. Где-то у него *plague* рифмуется с *wage, Grapes* с *mishaps, Calais* с *chalice*. (Французский город Кале часто писали как *Callis* или *Callice*.)

Горячо спорили, надо или нет произносить все буквы слова – например, “К” в *knight* и *knee*. Шекспир посмеивается над этим в комедии «Бесплодные усилия любви», его школьный учитель Олоферн критикует всех этих «фокусников-орфографов... которые говорят вместо *calf* (теленка) – *cauf, half* (половина) – *hauf, neighbour* (сосед) – *nebour* и *neigh* (нет) – *ne*».

Многое из языка Шекспира утеряно для нашего понимания и требует дополнительных пояснений. В 2005 году в качестве эксперимента в театре «Глобус» поставили спектакль «Троил и Крессида» на раннем современном английском, то есть сохранив фонетику шекспировских времен. Критик Джон Лар в своей статье в «Нью-Йоркере» признался, что он понимал лишь 30% из того, что звучало со сцены. Но даже при современном произношении смысл фразы часто ускользает. Мало кто из наших современников поймет, что в «Генрихе V», когда французская принцесса Катрин неверно произносит английское слово *neck* (шея) как *nick*, она позволяет себе сказать непристойность (а для зрителя шекспировских времен это было просто очень смешно) – хотя язык Шекспира в целом целомудренный и чистый. Если

Бен Джонсон сыпал в своих пьесах фразочками вроде «дерьмо тебе в зубы», или «дерьмо тебе на голову», или «я щас пуцу в тебя», шекспировский зритель должен был радоваться всяким случайным шуточкам вроде «порази тебя сифилис», «сучий склизняк» и прочее. (Но после 1606 года за непристойные слова и ругательства брали штраф, и они в скором времени исчезли.)

Во многом язык Шекспира был вполне современным. Он никогда не употреблял архаическое *seeth* (видит), а предпочитал современное *sees*, писал *spoke* (говорил) вместо *spake*, *cleft* (трещина), а не *clave*, *goes* (идет), а не *goeth*. Взошедший на престол король Иаков I, напротив, ратовал за архаический, старый английский. В то же время Шекспир постоянно предпочитал *thou* (ты), а не *you*, хотя к концу шестнадцатого века это считалось устаревшей формой. Бен Джонсон вообще ее не использовал. Шекспир также очень любил вводить в свой язык диалектизмы, многие из которых сохранились в английском исключительно благодаря его влиянию (примером тому: *cranny* – трещина, *forefathers* – предки, *aggravate* – ухудшать), а поначалу оскорбляли слух тонких ценителей языка.

Он придумал – а если быть более точным, первым записал – 2035 слов; интересно, что он начал изобретать слова с первых шагов своего творчества. В «Тите Андронике» и в «Бесплодных усилиях любви», его самых ранних произведениях, есть 140 новых слов.

Далеко не все оценили это новаторство. Когда Роберт Грин писал о нем как о вороне, украшенной чужими перьями, он высмеивал неологизм Шекспира “*beautified*” (украшенной).

Несломленный, бесстрашный Шекспир увеличивал скорость, с которой он вводил новые слова. В пьесах, которые он сочинил в расцвете своего творчества (сочинения как пьес, так и слов) – в «Макбете», «Гамлете» и «Лире», – неологизмы встречаются с поразительной частотой: каждые две с половиной строки. Один только «Гамлет» подарил зрителю около 600 слов, которые он услышал впервые.

Среди слов, введенных в обиход Шекспиром, такие: *abstemious* (скромный, бережливый), *antipathy* (антипатия), *critical* (критический), *frugal* (бережливый), *dwindle* (убывать, сокращаться), *extract* (вытаскивать), *horrid* (ужасный), *vast* (огромный), *hereditary* (потомственный), *excellent* (отличный), *eventful* (случайный), *barefaced* (бесстыжий), *assassination* (убийство), *lonely* (одинокий), *leapfrog* (перепрыгивать), *indistinguishable* (неразличимый), *well-read* (эрудированный), *zany* (дурак) и бесчисленное множество других (включая *countless* – бесчисленное). Где бы мы были без них? Он был удивительно плодотворным сочинителем, по словам Дэвида Кристалла, когда ему надо было прибавить к уже существующему слову отрицательную приставку *-un* (не), он делал это, не задумываясь, хотя до него никто не осмеливался: *unmask*, *unhand*, *unlock*, *untie*, *unveil*, не меньше 309 слов, составленных аналогичным образом. Сравните с существовавшими синонимами и поймете, какие же они невыразительные и какой импульс дал Шекспир английскому языку.

Он дал рождение такому мощному потоку новых слов с такими неожиданными значениями, что Отто Есперсон однажды ошеломленно сказал: «Автор, верно,

и сам не давал себе отчета в том, что он делает». Конечно, многие из его неологизмов не сохранились в языке. К примеру: *undeaf*, *untent*, *unhappy* (в форме глагола – делать несчастливым), *exsufficate*, *betray*, *insultment* попали в число тех, которые очень редко встречаются в английском. Но на удивление много слов прочно вошли в наш язык, и около 800 слов – в повседневном употреблении, а это очень большой показатель. По словам Кристалла, «большинство современных авторов, думаю, гордились бы, если бы им удалось ввести хотя бы одну новую лексему, которая сохранилась бы и в будущем».

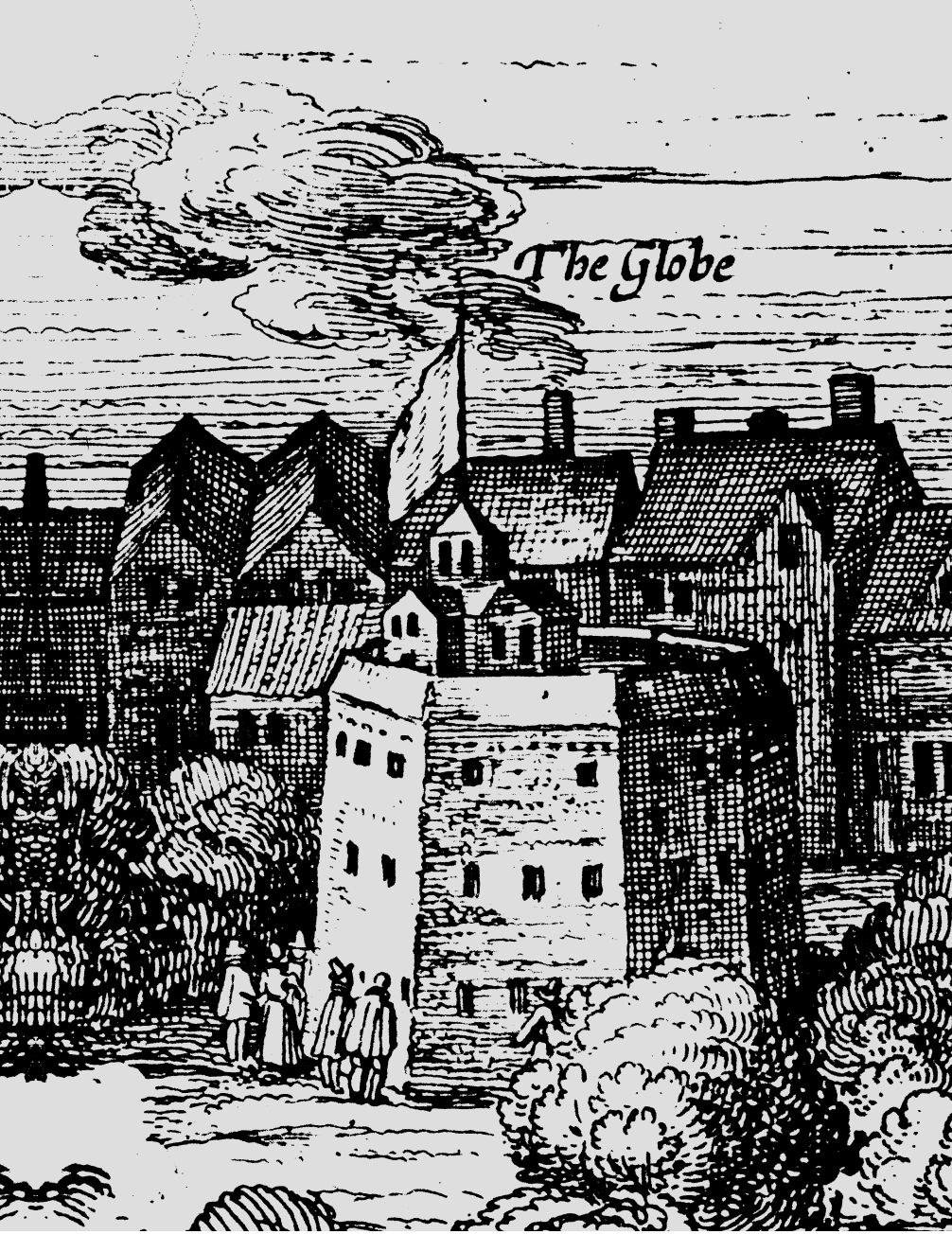
А его подлинный дар был в сочинении фраз. «Язык Шекспира, – говорит Стэнли Уэллс, – обладает качеством, которое трудно поддается определению, его фразы запоминаются читателю и становятся крылатыми». Среди них – *one fell swoop* (одним коварным ударом), *vanish into thin air* (растаять, как дым), *bag and baggage* (в полной боевой выкладке), *the milk of human kindness* (сострадание), *more sinned against than sinning* (он не столько грешен, сколько жертва греха), *remembrance of things past* (дней минувших череда), *beggar all description* (не поддается никаким словам), *cold comfort* (слабое утешение), *to thine own self be true* (будь верен сам себе), *more in sorrow than in anger* (скорей печаль, чем гнев), *the wish is father of the thought* (желание – отец той мысли), *salad days* (юность), *flesh and blood* (плоть и кровь), *foul play* (нечестная игра), *tower of strength* (крепость), *be cruel to be kind* (из жалости я должен быть жесток), *blinking idiot* (бессмысленная рожа), *with bated breath* (едва дыша), *romp and*

circumstance⁸². Он был столь плодотворен, что смог (в «Гамлете») в одном предложении дать два афоризма: «...хоть я здесь родился / и свыкся с нравами, / обычай этот / похвальнее нарушить, чем блюсти».

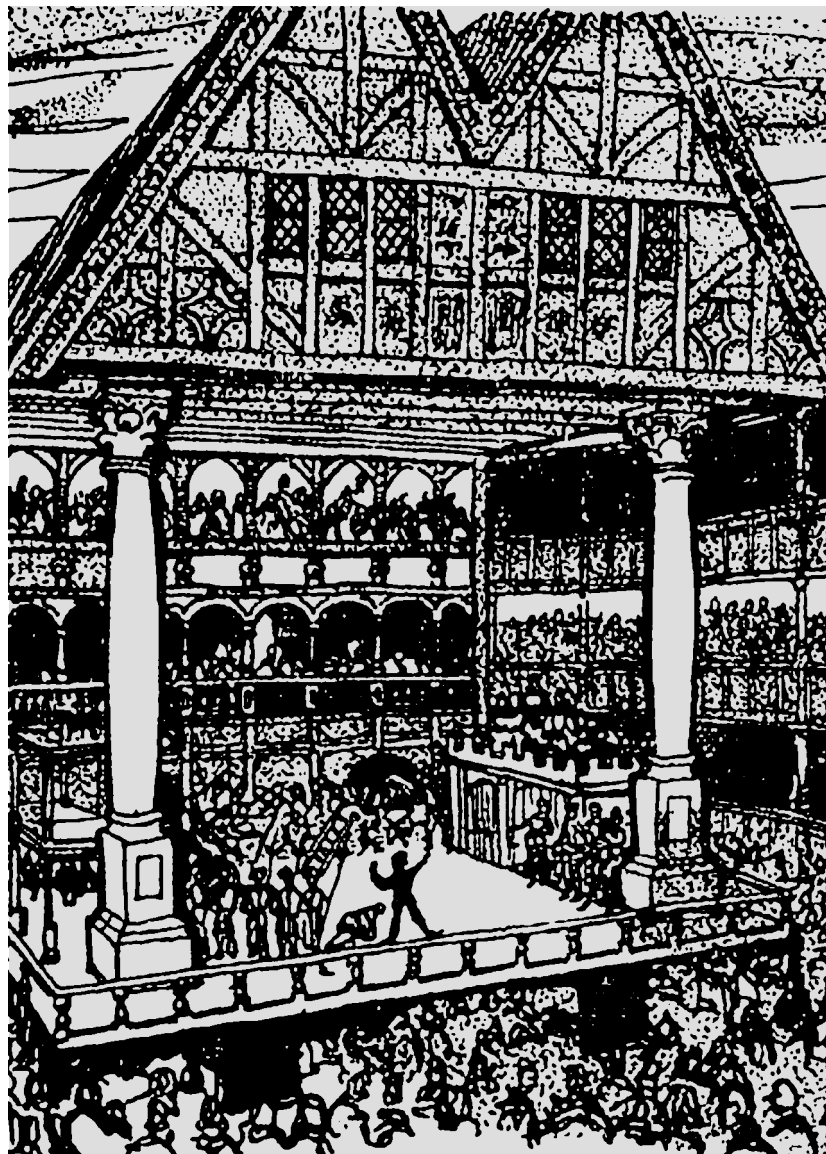
Если мы возьмем Оксфордский словарь цитат в качестве путеводителя, то убедимся, что Шекспир сочинил почти десятую часть всех приводимых там наиболее часто употребляемых цитат в письменном и устном английском – с момента его возникновения. Весомая пропорция.

Еще более любопытно, что английский продолжал бороться за свое «место под солнцем». Латинский все еще был официальным языком всех документов, а также многих литературных и научных произведений. «Утопия» Томаса Мора, «Novum Organum» («Новый Органон») Фрэнсиса Бэкона, «Principia Mathematica» («Математические начала натуральной философии») Ньютона были написаны на латыни. В библиотеке Бодли, крупнейшей библиотеке Великобритании, находящейся в Оксфорде, хранилось почти шесть тысяч книг. Из них лишь 36 были написаны на английском. Латынь была не просто официальным, а общепринятым языком, когда некий Томас Смит написал первый учебник английского языка, учебник был на латыни!

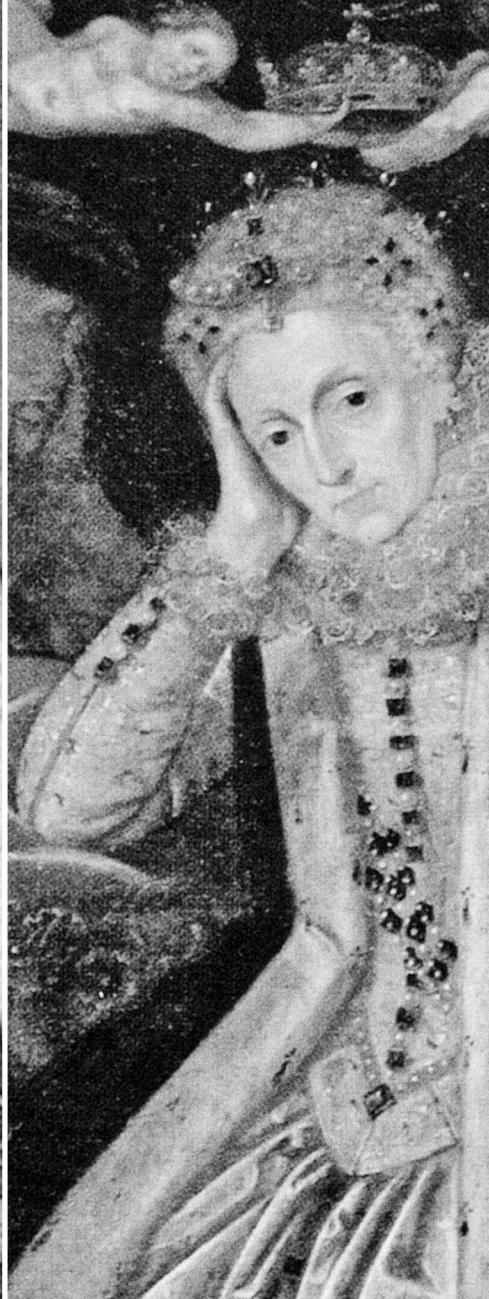
Благодаря в немалой степени творчеству Шекспира и его коллег, английский в конце концов добился своего признания в стране, бывшей его родиной. «Существует легенда, что факт рождения Уильяма Шекспира, – отмечает Стэнли Уэллс, – был зафиксирован на латыни, а смерти – на английском: “Уильям Шекспир, добрый гражданин”».

Темп «Глобус»

*Сцена и зрительный зал театра «Глобус»
после реконструкции*

*Роберт Деверо, граф Эссекс,
зачинщик заговора против Ее Величества*

Королева Елизавета I

е во всех проявлениях годы елизаветинского правления были золотым веком. Историк Джойс Юингс называет доверие к тому, что елизаветинцы испытывали восторг к своему времени, «частью фольклора англоговорящих людей», и добавляет, что «мало нашлось бы людей в Англии в 1590-е годы, страдавших от нищеты, безработицы и экономической депрессии, которые сказали бы вам, что они живут в прекрасном мире, или что благодаря мастерству и изобретательности их современников они построили прекрасное, справедливое общество».

Чума отобрала у многих семейств главу дома, оставив их без опоры, а из-за войн и прочих иностранных кампаний в стране возник целый социальный слой инвалидов, калек, которые не получали от государства

никаких денег. То был век, во время которого о слабых и немощных не пеклись. Как раз в то время сэръ Томас Грешем стремился разбогатеть в Лондоне, он постоянно выживал простой люд из их домов в графстве Дурхем, обрекая их на голод, превращал их пахотные земли в пастбища, тем самым возвращая понемногу вложенные деньги. Так он стал самым богатым простолюдином Англии.

Природа тоже совершала тяжкие преступления. Плохие урожаи повлекли за собой нехватку продуктов, цены постоянно росли. В Лондоне начались голодные бунты, против простого народа выступала армия. «Вероятно, впервые в Англии Тюдоров в разных районах от голода умерло очень много людей», – пишет Юингс. Недоедание стало хроническим явлением. В 1597 году средняя заработная плата была меньше третьей части того, что зарабатывали на век раньше. Большая часть продуктов, которой питались бедняки, – бобы, горох, крупы – стали стоить в два раза дороже, чем они стоили за четыре года до этого. Буханка хлеба по-прежнему стоила один пенс, но если раньше за пенс можно было купить буханку весом в три с половиной фута, то к 1597 буханка усохла до восьми унций, в нее подмешивали чечевицу, желудевую муку и прочее. Для работяг, по свидетельству Стивена Инвуда, тот год был самым тяжким за долгие годы, самым тяжким в истории.

Остается удивляться, что кто-то из работающих мог позволить себе пойти в театр, однако почти все хроники того времени свидетельствуют, что театр был чрезвычайно популярен у работяг на протяжении всей депрессии. А вот как они могли себе это позволить –

остаётся загадкой, потому что в шестнадцатом веке в Лондоне люди работали с 6 утра до 6 вечера зимой, а летом – до восьми вечера. Спектакли игрались в середине рабочего дня, значит, люди сбегали с работы. Как-то им это удавалось.

У Шекспира были свои мрачные причины для страдания в те годы. В августе 1596 года в Стратфорде неожиданно умер его одиннадцатилетний сын Гемнет⁸³ от неизвестной болезни. Мы не знаем, как Шекспир перенес эту потерю, но мы берем на себя смелость утверждать, что он пишет об этом в «Короле Иоанне» приблизительно в тот же год:

*Оно [Горе] сейчас мне сына заменило,
Лежит в его постели и со мною
Повсюду ходит, говорит, как он,
И, нежные черты его приняв,
Одежд его заполнив пустоту,
Напоминает милый сердцу облик⁸⁴.*

Но в таком случае возникает проблема, как давно отмечал театральный историк сэра Эдмунд Чемберс: «Как же он смог тогда в те же самые три-четыре года такой ужасной утраты написать свои лучшие произведения – создать Фальстафа, принца Хэла (Генриха, принца Уэльского), короля Генриха V, Беатриче и Бенедикта, Розалинду и Орландо? А затем – Виолу, сэра Тоби Белча и леди Белч?»⁸⁵ Пожалуй, это неразрешимое противоречие.

Как бы глубоко ни потрясло горе Шекспира, для него тот период оказался годами растущей славы и профессионального успеха. К 1598 году его имя стало появ-

ляться на титульных листах изданий его пьес ин-кварто – безусловный знак их коммерческой ценности. В тот же самый год Фрэнсис Мерес написал о нем хвалебные строки в своей книге «Сокровищница ума». В 1599 году была опубликована поэтическая книга «Страстный пилигрим» с его фамилией на титульном листе, хотя он согласился включить (или его уговорили) только два сонета и три поэтических отрывка из «Бесплодных усилий любви». Чуть позже (точная дата неизвестна) студентами Кембриджа была поставлена пьеса «Возвращение с Парнаса: Часть I», в которой были слова: «О, дивный мистер Шекспир! Я повешу его портрет в моем кабинете при дворе», что означало, что Шекспир в то время был кумиром и его портрет вешали на стену.

Первое упоминание о Шекспире в Лондоне, не связанное с театральной летописью и относящееся к этому периоду, чрезвычайно загадочно. В 1596 году он и еще трое – Фрэнсис Лэнгли, Дороти Соер и Анна Ли – были заключены под стражу, потому как некий Уильям Уэйт написал на них жалобу, что «они напугали его до смерти». Лэнгли был владельцем театра «Лебедь», то есть одного с Шекспиром круга, но, насколько нам известно, вместе они не работали. А кто были упомянутые женщины – неизвестно, несмотря на бесконечные усилия шекспироведов, они так и не были идентифицированы, даже догадок на их счет ни у кого нет. Что за скандал вспыхнул тогда и какую роль в нем сыграл Шекспир – также неизвестно.

Уильям Уэйт был сомнительным типом – в другом судебном разбирательстве содержится его характеристика: «ненадежный, дрянной человек», – но на что

конкретно он жаловался в своем исковом заявлении, никто никогда не узнает. Единственное, что объединяло всех участников конфликта, – местожительство, они жили по соседству, поэтому не исключено, что прав был Шенбаум, когда предположил, что Шекспир оказался в роли ни в чем не виноватого свидетеля чужого скандала. В любом случае это яркая иллюстрация того, как мало мы знаем о биографии Шекспира и как мало деталей нам удастся прояснить; мы лишь добавляем в нее темные места.

Отдельный вопрос – почему в этот период Шекспир перебрался на Бэнксайд, не очень спокойный район, хотя продолжал служить в «Театре», который находился по другую сторону стен в Сити? Добираться всякий раз было делом нелегким (учитывая, что с наступлением сумерек ворота в Сити закрывали), а Шекспир в то время был постоянно занят. Он писал и переписывал пьесы, учил роли, помогал на репетициях режиссерам, принимал активное участие в финансовых и административных вопросах, к тому же тратил уйму времени на личную жизнь: на судебные тяжбы, покупки недвижимости и – хочется верить – на поездки домой.

Спустя девять месяцев со дня смерти Гемнета, в мае 1597 года, Шекспир купил большой, но довольно ветхий дом в Стратфорде, на углу Чэпел-стрит и Чэпеллейн. «Нью-Плейс» был вторым по размерам домом в городе. Он был построен из дерева и камня, в нем было десять каминов, пять красивых фронтонов, а рядом с ним – довольно большой участок земли, на котором находились два амбара и вишневый сад. Доподлинного

прижизненного изображения дома нет, и каким он был в точности мы не знаем, поскольку располагаем наброском, сделанным спустя полтора века неким Джорджем Вертью, но судя по рисунку это было внушительное строение. Дом был в неидеальном состоянии, Шекспир купил его за весьма скромные деньги – 60 фунтов стерлингов, хотя Шенбаум считает, что подобные цифры часто занижали, чтобы уменьшить налоги, так что остаточная сумма, которая не фигурировала в документах, доплачивалась покупателем наличными.

Чуть больше чем за десять лет Уильям Шекспир стал состоятельным человеком и закрепил свое положение в обществе фамильным гербом⁸⁶ (поначалу он ходатайствовал от имени своего отца и заплатил за него немалые деньги); благодаря этому гербу отец, сын и все их потомки могли считать себя дворянами – хотя после смерти Гемнета у семьи не было наследника. Желание получить герб нам, спустя столько лет, может показаться мелким поступком выскочки, может, так оно и было, но среди людей театра это стремление было типичным. Джон Хемингс, Ричард Бербедрж, Огастин Филлипс и Томас Поуп подавали прошение на получение герба и получили его, то был особый знак отличия, который помогал им в дальнейшем. Стоит помнить, что карьера этих людей во многом зависела от степени респектабельности, которой они обладали, а в то время она значила очень много.

Джон Шекспир очень долго не мог получить дворянский титул и пользоваться его привилегиями. Он умер в 1601 году, в возрасте около семидесяти лет, потерпев за четверть века до того финансовое фиас-

ко, – а этот период равнялся почти третьей части его жизненного срока.

Насколько состоятельным был Уильям Шекспир в те годы, мы не можем судить. Большая часть дохода ему шла от того, что он был пайщиком театральной труппы. От самих пьес он получал сравнительно немного – в шекспировское время за законченную пьесу платили шесть фунтов стерлингов, за шедевр, не исключено, гонорар повышался до десяти фунтов. Бен Джонсон за все годы творчества заработал меньше двухсот фунтов стерлингов, а Шекспир ненамного больше.

Некоторые знатоки полагают, что в годы расцвета он зарабатывал не меньше двухсот, а может и семисот фунтов стерлингов в год. Шенбаум считает, что нижний показатель его заработков более правдоподобен, да и не всегда Шекспир зарабатывал такие деньги. В годы эпидемии чумы, когда все театры закрывались, заработки становились мизерными.

И тем не менее в свои тридцать лет Шекспир без сомнения был состоятельным гражданином – хотя если сравнивать его гонорары в двести или семьсот фунтов стерлингов с 3300 фунтов стерлингов, которые мог позволить себе потратить на банкет придворный Джеймс Хей, или со 190 000 фунтов стерлингов, которые потратил граф Саффолк на свой замок «Одли Энд» в Эссексе, или с 600 000 фунтов стерлингов, которые заполучил сэр Фрэнсис Дрейк в результате одной удавшейся морской авантюры в 1580 году, – это сущие пустяки! Шекспир был состоятельным человеком, но отнюдь не финансовым титаном. Но каким бы преуспевающим он ни становился, он не переставал

быть скардным. В тот же год, когда он купил «Нью-Плейс», в Лондоне его объявили виновным в неуплате налога в 5 шиллингов, а на следующий год ситуация повторилась.

Хотя мы не знаем, сколько времени он проводил в те годы в Стратфорде, очевидно одно – он появлялся в городе в качестве инвестора, а порой и истца в судебных тяжбах. Но соседи держали его за человека солидного и состоятельного. В октябре 1598 года Ричард Квини, гражданин Стратфорда (его сын потом женился на одной из дочерей Шекспира), обратился к Шекспиру с письменной просьбой ссудить ему тридцать фунтов стерлингов – в пересчете на современный курс это 15 000 фунтов стерлингов, немалая сумма. Правда, Квини то ли передумал, то ли нашел выход из положения, потому как письмо это он не отправил адресату, и его нашли в бумагах Квини после его смерти.

Немного удивляет, что в то время как Шекспир не скрывал своего финансового благополучия (правда, делал это весьма изящно), труппа «Слуги лорда-камергера» переживала трудный период. В январе 1597 года Джеймс Бербедж, ее путеводная звезда и наставник, умер – ему было 67 лет, и это случилось как раз в тот момент, когда у театра истекал срок действия лицензии. Бербедж незадолго до этого вложил большие деньги – почти 1000 фунтов стерлингов – в покупку и перестройку старого монастыря Блэкфрайерс, находящегося в Сити, задавшись целью переоборудовать его в стационарный театр. К сожалению, лондонцы, жившие по соседству, послали петицию градоначальнику с просьбой остановить планы Бербеджа.

Сын Джеймса, Кэтберт, начал переговоры относительно оформления лицензии – обычно эта процедура проходила безболезненно, но владелец оказался несговорчивым. Похоже, у него были другие планы относительно земли и строения, находившегося на этом участке. После года проволочек пайщики театра решили действовать более решительно.

Ночью 28 декабря 1598 года члены труппы «Слуги лорда-камергера» с помощью дюжины работяг стали разбирать «Театр», переносить его через замерзшую Темзу под покровом темноты и ставить на новом месте – так гласит легенда. На самом деле (что неудивительно) это заняло гораздо больше времени, чем одну ночь, но сколько именно – предмет постоянных дебатов. В контракте на строительство театра-соперника «Фортуна» говорится о том, что стройка длилась шесть месяцев, а следовательно, раньше лета он не был готов (как раз летом в Лондоне для театров наступал мертвый сезон).

Новый театр «Глобус» (так его называли) стоял в ста футах – или около того – от реки и чуть западнее Лондонского моста и Вестминстерского аббатства. (В 1997 году точную копию «Глобуса» построили не на том же месте, как часто считают посетители, а рядом со старым зданием.) Хотя Саутварк обычно описывают как средоточие борделей, бандитских притонов и других городских кошмаров, на рисунках Висчера и Холлера этот район изображен тихим, усыпанным листьями, а «Глобус» стоит на краю чистых, радующих глаз полей, и возле его стен коровы щиплют травку.

Члены труппы Шекспира стали пайщиками «Глобуса». В феврале 1599 года городские власти выдали

лицензию на право владения землей, на которой стояло здание театра, на 31 год Кэтберту Бербеджу, его брату Роберту и пяти другим членам труппы: Шекспиру, Хемингсу, Огастину Филлипсу, Томасу Поупу и Уиллу Кемпу. Размер пая Шекспира менялся со временем – сначала его доля составляла одну четырнадцатую, а потом одну десятую, по мере того как другие пайщики покупали или продавали свои доли.

«Глобус» иногда называют театром, «построенным актерами для актеров», и в этом много правды. О нем часто говорят: «это деревянное О» (например, в «Генрихе V»), а в других хрониках тех дней упоминается его круглая форма, но непохоже, чтобы он был правильной круглой формы. «Плотники при Тюдорах не умели гнуть дуб», – писал театральный историк Эндрю Гурр, а для круглых стен требовался гнутый дуб. Скорее всего, здание представляло собой многоугольник.

«Глобус» был построен исключительно для театральных представлений, там не зарабатывали на петушиных боях, травле медведей и прочих народных развлечениях. Первое письменное упоминание «Глобуса» относится к ранней осени 1599 года, когда молодой шведский турист Томас Платтер сделал подробное описание увиденного 21 сентября – включая спектакль в «Глобусе» «Юлий Цезарь» с участием пятнадцати актеров, о котором он так отозвался: «Это очень удачная постановка». Это не только первое упоминание «Глобуса», но и пьесы «Юлий Цезарь». (Мы многим обязаны Платтеру и его дневнику, благодаря которому нам стали известны подробности постановок елизаветинского театра в Лондоне, что может прозвучать как ирония,

потому как он не говорил по-английски, а значит, почти был не в состоянии понять увиденное.)

Новый театр сразу же затмил своего главного конкурента – «Розу», театр, где служил Эдуард Аллен⁸⁷ и где играла труппа «Слуги лорда-адмирала». «Роза» находилась в соседнем переулке, она существовала к тому времени семь лет, но поскольку ее построили на заболоченной местности, в зале было сыро и неудобно. Проиграв своему сопернику, труппа Аллена переехала в другое место, через реку, на Голден-лейн, возле Крипплгейт; там она построила театр «Фортуна», он был даже больше, чем «Глобус». Это единственный лондонский театр того периода, чье описание архитектурного ансамбля сохранилось, и потому наше «знание» о «Глобусе» – экстраполяция этого театра. «Фортуна» сгорела за два часа в 1621 году, оставив труппу «Слуги лорда-адмирала» буквально на улице.

«Глобус» тоже продержался недолго. Он сгорел в 1613 году, загорелась соломенная крыша от искры, отлетевшей от ядра пушки, стоявшей на сцене. Но какими яркими были годы их существования! Ни один театр – может даже, ни одно зрелище в мире – не добивался за каких-то десять лет такого успеха, какого добился «Глобус». Тот период отмечен взлетом творческого гения Шекспира, не знавшего равных себе в английской литературе. С его пера слетали одна за другой пьесы подлинного совершенства: «Юлий Цезарь», «Гамлет», «Двенадцатая ночь», «Мера за меру», «Антоний и Клеопатра».

Они и сегодня повергают нас в глубочайшее волнение! Какой же эффект они производили, когда только

появлялись на сцене, когда все аллюзии на происходящие события были острыми и своевременными, а подобных реплик никто раньше и не слышал? Представьте себе, что должно было происходить со зрителем «Макбета», не знавшим, чем кончится трагедия, или же сидевшим в примолкшем зале и слушавшим в первый раз монолог Гамлета, или наблюдавшим за игрой Шекспира, когда автор сам произносил написанные им строки?! Подобных театров история практически не знает.

Шекспир в это же время издал (хотя не исключено, что написал раньше) аллегорическую поэму без названия, которую принято называть «Феникс и голубка», – он включил ее в поэтическую антологию, опубликованную в 1601 году. «Муки влюбленного: жалобы Розалинды» составил и посвятил своим покровителям: сэру Джону и леди Солсбери – Роберт Честер. Какие отношения связывали Шекспира с Честером или Солсбери, мы не знаем. Поэма, состоявшая из шестидесяти семи строк, трудна для понимания, и биографы часто обходят ее вниманием (Гринблатт в своем труде «Сила воли и мир» и Шенбаум в книге «Уильям Шекспир: компактное жизнеописание в документах», как ни странно, даже не упомянули об этом произведении), а Фрэнк Кермоуд, напротив, высоко ее оценил, назвав «удивительным произведением, не знающим себе равных в этом жанре», особо отметив ее язык и богатую образную систему.

Однако – а это «однако» – постоянная оговорка во всем, что касается Шекспира, – по мере того, как он писал свои величайшие произведения и достигал пика славы, в его личной жизни намечался поворот: он все

упорнее стремился вернуться в Стратфорд. Сначала он купил «Нью-Плейс» – а для человека, у которого до того никогда не было собственного дома, эта покупка стала серьезнейшим событием, – потом приобрел участок земли и коттедж неподалеку, через дорогу от «Нью-Плейс» (может, домик предназначался для слуг, потому что он был слишком мал, чтобы служить удачным капиталовложением). Затем взял в аренду 107 акров сельскохозяйственных угодий к северу от Стратфорда за 320 фунтов стерлингов. Летом 1605 года он потратил весьма солидную сумму – 440 фунтов стерлингов – и купил в трех соседних деревнях под пятидесятипроцентные закладные землю, рассчитывая зарабатывать по 60 фунтов в год с «зерна, сена и скошенной травы».

В разгар этих приобретений, ранней зимой 1601 года, Шекспир с товарищами оказались втянутыми в пренеприятное и опаснейшее дело – стали сообщниками (хотя и не главными участниками) заговора против королевы. Главным зачинщиком был Роберт Деверо, второй граф Эссекский.

Эссекс был приемным сыном графа Лестерского, долгое время бывшего фаворитом Елизаветы и де-факто ее супругом. Эссекс был на тридцать лет младше Елизаветы, но тоже считался ее фаворитом. Он был своенравным, безрассудным молодым упрямым, постоянно испытывал ее терпение, но в 1599 королева впала в бешенство, когда Эссекс, в качестве лорда-наместника Ирландии, без дозволения на то ее величества заключил мир с ирландскими повстанцами, а потом самовольно вернулся в Англию, не получив от королевы

никакого распоряжения. Вне себя от гнева, Елизавета поместила Эссекса под домашний арест. Ему запретили общаться с женой, даже выходить в сад на прогулку. Но что еще хуже – его лишили всех почетных регалий и должностей. На следующее лето домашний арест был снят, но удар, нанесенный его самолюбию и кошельку, был слишком силен, и он со своими единомышленниками начал разрабатывать план восстания и свержения королевы. Среди его сторонников оказался и граф Саутгемптон.

Как раз в это время, то есть в феврале 1601 года, сэр Джелли Мейрик, один из приближенных графа Эссекса, обратился к труппе «Слуги лорда-камергера» с просьбой дать для него спектакль «Ричард II»⁸⁸ за вознаграждение в два фунта. Спектакль, согласно просьбе Мейрика, должен был идти в здании «Глобуса», куда разрешили пустить публику; а актеров убедительно просили включить в спектакль сцены свержения монарха с престола и убийства. Это был преднамеренный, подстрекательский поступок со стороны Мейрика. Сцены, о которых шла речь, были настолько политически острыми, что ни одна типография не решалась издавать их.

Важно помнить, что для елизаветинского зрителя историческая пьеса не представляла собой отражения седой старины, она воспринималась как зеркало происходящих событий. Поэтому представление «Ричарда II» неминуемо превращалось в злонамеренную провокацию. Совсем незадолго до того в Тауэр посадили молодого драматурга Джона Хейворда, обвинив его в том, что сцену, в которой Ричард II отрывается от престола,

в его пьесе «Первая часть жизни и правления Генриха IV» он написал в сочувственных по отношению к герою тонах, усугубив свой проступок посвящением графу Эссексу. Шутки в адрес верноподданнических особ были тогда непозволительны.

И тем не менее 7 февраля актеры «Слуг лорда-камергера» послушно отыграли спектакль, выполнив все инструкции. На следующий же день граф Эссекс в сопровождении 300 человек покинул Стрэнд и направился к Сити. В его план входило сначала захватить Тауэр, потом Уайтхолл, а потом уже арестовать королеву. Абсолютно глупый план. Он надеялся, что престол вместо Елизаветы займет Иаков VI Шотландский, причем Эссекс был убежден, что в пути он обретет союзников. В результате никто не поддержал его – ни одна душа. Его люди ехали верхом по пустынным, молчаливым улицам, на их крики никто из затаившихся, насторожившихся граждан не откликнулся. Они не могли надеяться на победу без поддержки толпы. Не зная, что же ему делать, граф Эссекс остановился перекусить, после чего повернул со своей маленькой (и на глазах разбегавшейся) армией назад в Стрэнд. Возле Ладгейта они повстречали горстку испуганных солдат, которые схватились за оружие и сделали несколько выстрелов. Одна пуля пробила шляпу Эссекса.

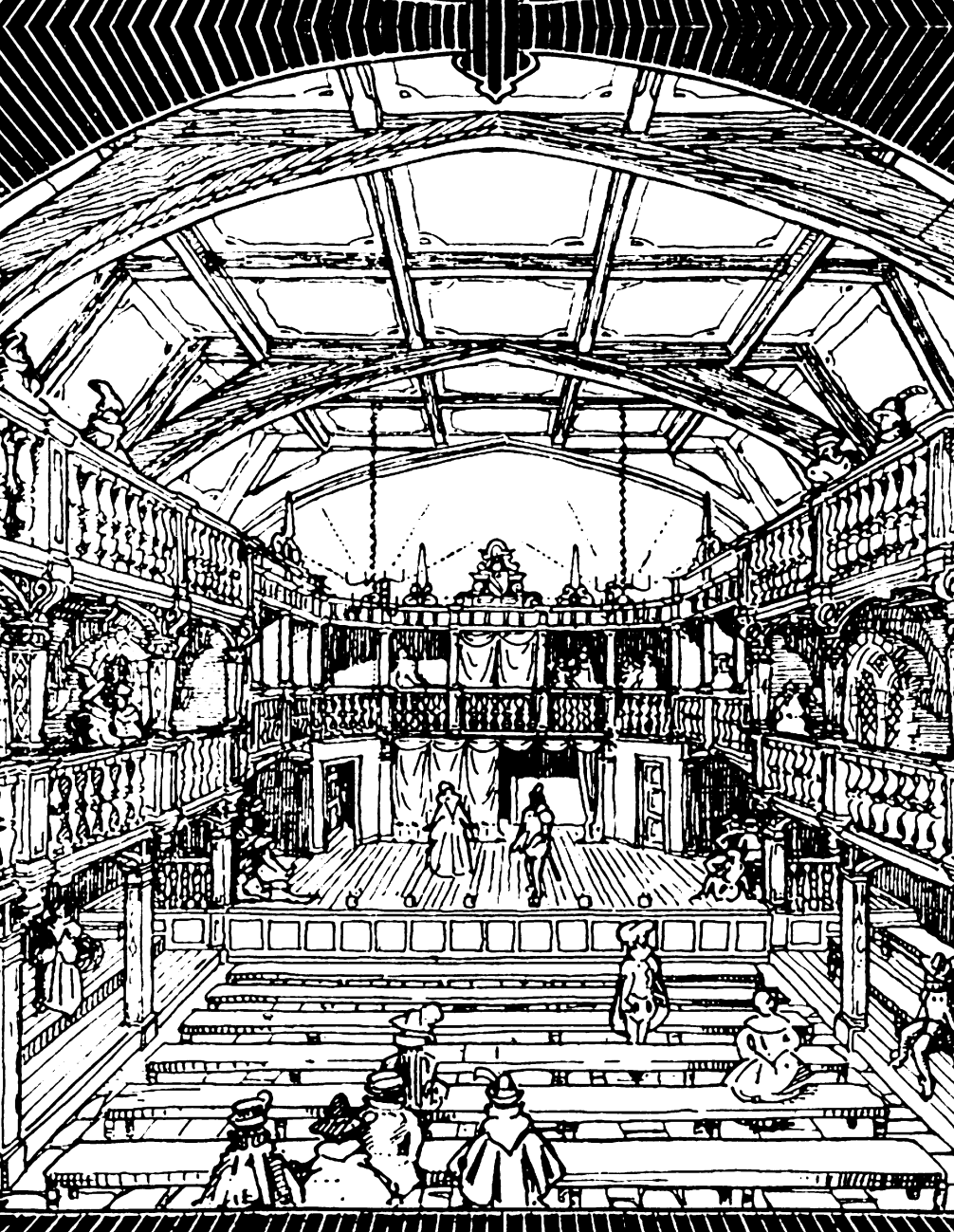
Его революция обернулась фарсом, он ретировался, заперся у себя дома и оставшиеся часы на свободе отчаянно пытался уничтожить документы, избличавшие его. Впрочем, это было бессмысленно. Очень скоро отряд солдат арестовал его и его главного соучастника Саутгемптона.

От имени актеров труппы «Слуги лорда-камергерра» на допросе присутствовал Огастин Филлипс. Нам мало что известно о Филлипсе, известно только то, что он стал доверенным лицом актеров и великолепно вел себя на допросе: убедил судей, что актеры просто сваяли дурака, играли под давлением высоких особ. В результате постановили, что они не нанесли никому никаких оскорблений, и им было велено сыграть другую пьесу перед королевой в Уайтхолле в тот самый день, когда она подписала приказ о смертной казни Эссекса – а именно во вторник на Масляной неделе в 1601 году. Эссекса казнили на следующий день. Мейрик и пять других заговорщиков были обезглавлены. Саутгемптона ждала та же горькая участь, правда, он избежал наказания благодаря мольбам его матушки, имевшей при дворе немалое влияние. Он провел два года в Тауэре, вроде бы в относительном комфорте, занимая несколько комнат, за что платил в казну 9 фунтов в неделю.

Голова Эссекса уцелела бы, если бы Господь дал ему терпение. Спустя всего лишь два года после его водевильного бунта королева ушла в мир иной – и очень быстро трон занял человек, за воцарение которого Эссекс отдал жизнь.

Король Англии Иаков I

Театр «Блэкфрайерс»

SHAKE-SPEARES

SONNETS.

Neuer before Imprinted.

AT LONDON

By *G. Eld* for *T. T.* and are
to be solde by *Iohn Wright*, dwelling
at Chriit Church gate.
1609.

TO . THE . ONLIE . BEGET TER . OF .
THESE . INSVING . SONNETS .
M^r . W . H . ALL . HAPPINESSE .
AND . THAT . ETERNITIE .
PROMISED .

BY .

OVR . EVERLIVING . POET .

WISHETH .

THE . WELL-WISHING .

ADVENTVRER . IN .

SETTING .

FORTH .

T . T .

SHAKE-SPEARES,
SONNETS.

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauties *Keefe* might neuer die,
But as the ripen should by time deceafe,
His tender heire might beare his memory:
But thou contracted to thine owne bright eyes,
Feed'st thy lightes flame with feeble substantiall fewell,
Making a famine where abundance lies,
Thy selfe thy foe, to thy sweet selfe too cruell:
Thou that art now the worlds fresh ornament,
And only herald to the gaudy spring,
Within thine owne bud burieft thy content,
And tender chorde makst wast in niggarding:
Pitty the world, or else this glutton be,
To eate the worlds due, by the graue and thee.

When fortie Winters shall befeige thy brow,
And digge deep trenches in thy beauties field,
Thy youthes proud livery to gaz'd on now,
Will be a totter'd weed of smal worth held:
Then being askt, where all thy beautie lies,
Where all the treasure of thy lully daies;
To say within thine owne deepe sunken eyes,
Were an all-eating shame, and thriftlesse praise.
How much more praise deseru'd thy beauties vfe,
If thou couldst answer this faire child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse
Prouing his beautie by succession thine.

E

This

Знаменитое издание «Сонетов» 1609 года,
с не менне знаменитым посвящением,
подписанное Томасом Торпом

*Загадочные W.H.:
Генри Ризли, граф Саутгемптон, барон Титчфилд
и Уильям Герберт, третий граф Пембрук.
Предполагаемая Смуглая Леди сонетов –
Мэри Фиттон*

Правление короля Иакова,

1603–1616

Зимой 1603 года, если верить записям французского посланника Андре Юро, королева Елизавета стала несколько чудаковатой, так что восхищаться ею не представлялось ему возможным. Лицо свое она постоянно закрывала толстым слоем белил, зубы – те, что сохранились, – были черными, у нее была странная привычка не зашнуровывать корсет, поэтому он был вечно на ней распахнут. «Вы видели ее обнаженную грудь», – записал Юро в недоумении.

Вскоре после того, как двор посмотрел спектакль «Двенадцатая ночь», его перенесли в королевскую резиденцию в Ричмонде, и там труппа «Слуг лорда-камергера» – считается, что вместе с Уильямом Шекспиром, – дала свое последнее представление. (Какую пьесу они показывали – неизвестно.) Через какое-то время

Елизавета простыла и впала в дремотное, болезненное состояние, из которого так и не вышла. 24 марта, в последний день по юлианскому календарю, она умерла во сне, «тихо, как овечка». Ей было шестьдесят девять лет.

Почти ко всеобщей радости, на престол после нее без каких бы то ни было политических потрясений взошел ее северный родственник – Яков (Иаков), сын королевы Шотландской Марии. Ему было тридцать шесть лет, он был женат на католичке-датчанке, но сам был убежденным протестантом. В Шотландии он был Иаков VI, а в Англии стал Иаковом I. В Шотландии он правил страной в течение двадцати лет, а в Англии ему предстояло быть королем еще двадцать два года.

Согласно всем хроникам, Иаков не был привлекательным человеком. Неуклюжие движения, нетвердая походка, привычка, которая приводила окружающих в замешательство, – то и дело теревить свой гульфик. Язык, казалось, не помещался во рту. «А поэтому он пил очень странно, – писал один современник, – казалось, что он жует напиток». Его гигиенические процедуры ограничивались тем, что он иногда макал кончики пальцев в воду. Говорят, можно было без труда определить, что ел его королевское величество, по остаткам пищи и пятнам на одежде, которую он донашивал «до тряпья». Его смешную фигуру и пошатывающуюся походку подчеркивали и огромные, подбитые ватой камзолы и панталоны – считалось, что они защищают его от вражеского клинка.

Мы тем не менее можем себе позволить некоторую долю скептицизма по отношению к этим критическим замечкам, которые делали неверные придворные

(ведь у них было достаточно оснований выставлять его в карикатурном образе), а потому трудно судить, насколько правдиво было описание короля, окончательно превратившегося в развалину. За пять лет он купил две тысячи пар перчаток, в 1604 году истратил 47 000 фунтов стерлингов на драгоценности, что явно говорит о том, что он интересовался своим внешним видом.

Но при этом не остается сомнений, что он был странным, особенно касательно его сексуальных наклонностей. Почти с первого дня своего воцарения он привел двор в смятение тем, что во время представления министров он всякий раз щипал понравившихся ему милостивых молодых людей. Но он был примерным супругом – его жена, королева Анна, родила ему восьмерых детей. Саймон Терли записал, как в 1606 году Иаков и его шурин, король Дании Кристиан IV, «устроили пьяную оргию» в королевском замке в долине Темзы; Кристиан в конце концов «повалился на пол, весь измазанный желе и кремом». Однако через день-другой они спокойно сидели в зале на представлении «Макбета».

Каким бы он ни был, но великодушным защитником театра он был определенно. Одним из первых его королевских распоряжений был приказ выдать Шекспиру и его коллегам патент, согласно которому они становились труппой «Слуги короля». Более высокой награды для театральной труппы тогда не существовало. Отныне они становились придворными, а это давало им право, помимо прочих привилегий, носить алые одежды, сшитые из трех с половиной ярдов ткани, которую выдавали приближенным короля. Иаков оставался ве-

ликодушным заступником труппы Шекспира, частенько заставляя давать для него представления и щедро выплачивая им денежные вознаграждения. За тринадцать лет – с момента восхождения Иакова на престол и до кончины Шекспира – они играли перед королем 187 раз, больше, чем все труппы вместе взятые.

Хотя Шекспира часто называют елизаветинским драматургом, на самом деле расцвет его творчества приходится на годы правления Иакова, когда он создал блистательные трагедии – «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан» – и одну-две менее значительные драмы, к примеру «Тимон Афинский», трудную и, похоже, неоконченную пьесу (поэтому нынче ее редко ставят). Иаков внес собственную лепту в литературу – руководил переводом новой версии Библии, так называемой версии короля Иакова. На это ушло семь лет работы – с 1604 по 1611 годы, причем он принимал в переводе самое деятельное участие и проявил себя знатоком текста Писания. Этот литературный труд века не уступал Шекспиру в значении и славе – и неслучайно, ведь он сыграл важную роль в формировании единых правил английского языка по всей Британии и доминионам.

К тому моменту, как Иаков взошел на трон, совсем мало англичан оставалось истинными католиками. Шекспир родился в стране, в которой две трети населения (хотя многие и тайно) принадлежали к римско-католической церкви, а к 1604 году считанное число англичан хотя бы раз посетили мессу или приняли участие в католическом богослужении. Наверное, всего лишь два процента населения (среди аристок-

ратов этот показатель был выше) были прихожанами католической церкви. В 1604 году Иаков счел, что обстановка в королевстве будет спокойнее, если он узаконит свободу вероисповедания, разрешив католикам не посещать англиканское богослужение и служить мессе в частных домах.

На самом деле как раз в это время католики бросили протестантам решительный вызов – перед началом работы парламента заговорщики заложили в подвал Вестминстерского парламента тридцать шесть бочек с порохом, что составляло около десяти тысяч фунтов веса. Подобное количество пороха могло взорвать и Вестминстерское аббатство, и Вестминстерский дворец, и округу, вместе с королем, королевой, двумя сыновьями, представителями высшего духовенства и аристократии и почетными гражданами. Последствия такого события были непредсказуемы.

Единственным недостатком этого плана было то, что во время взрыва неминуемо погибли бы и парламентарии-католики. В надежде спасти их было отправлено анонимное письмо-предупреждение видному католику лорду Монтиглу. А он, будучи по натуре соглашателем и в страхе стать жертвой пыток, отдал это письмо представителям власти; те незамедлительно пошли в подвал и нашли там Гая Фокса, который, сидя на бочке, ждал сигнала, чтобы зажечь фитиль. С тех пор 5 ноября в стране празднуют победу над заговорщиками и сжигают чучело Гая Фокса, хотя злополучный Гай был мелкой сошкой в Пороховом заговоре. Главарем был Роберт Кэтсби, его семья жила в двенадцати милях от Стратфорда, и он был дальним родственником Шек-

спира со стороны жены, но свидетельств, что их пути пересекались, у нас нет. Как бы то ни было, Кэтсби был примерным протестантом, а после смерти супруги, за пять лет до произошедших событий, перешел в католицизм.

Реакция против католиков была быстрой и решительной. На них распространился запрет на профессии, какое-то время им не разрешалось отъезжать от места жительства дальше, чем на пять миль. Согласно закону, им следовало носить бросающийся в глаза безобразный головной убор, чтобы их легко было узнать в толпе, правда, этот закон так и не вступил в силу. Снова стали налагаться штрафы на отказников, причем они стали гораздо крупнее. Католицизм отныне перестал быть угрозой для Англии. Вызов ортодоксальной государственной религии теперь исходил от иного религиозного направления – от пуритан.

Хотя Шекспир становился все богаче, был одним из крупных собственников недвижимости в Стратфорде, дошедшие до нас свидетельства говорят нам, что в Лондоне он жил весьма скромно. Он продолжал снимать жилье, а вещи, что он привез из Стратфорда, оценивались налоговиками в скромную сумму в 5 фунтов стерлингов. (Но такой человек, как Шекспир, патологически не умевший платить налоги, без сомнения находил способы минимизировать свой недостаток для посторонних глаз.)

Благодаря скрупулезным изысканиям Чарльза и Гульды Уоллес и документам по делу Белотта – Маунтджоя, мы знаем, что Шекспир в тот период жил

в доме гугенота Кристофера Маунтджоя, на углу Силвер- и Монксвелл-стрит, хотя, может, жил и не постоянно, потому как из-за эпидемии чумы с мая 1603-го по апрель 1604 года лондонские театры вновь были закрыты. И в тот же самый период, как мы помним, Маунтджой попал в поле зрения судей из-за его финансовой тяжбы с зятем Стивеном Белоттом по поводу брачного контракта между его дочерью и Стивеном. Эта тяжба стала причиной бесконечных скандалов в семействе, что явствует из приобщенных к разбирательству бумаг. Трудно себе представить, что измотанный этими препирательствами и судебными разборками Уильям Шекспир пытался сочинять «Мера за меру» и «Отелло» (обе пьесы были написаны в том же году), закрывшись в комнатке на мансарде, пока внизу бушевали страсти. Но, конечно, он мог сочинять еще где-нибудь. А Белотт и Маунтджой могли скандалить шепотом. Мы знаем, что у них снимал комнату писатель Джордж Уилкинс, отличавшийся вспыльчивым характером, так что не исключено, что они боялись повышать голос.

Признанный авторитет по Шекспиру Стэнли Уэллс считает, что Шекспир мог уезжать из города и возвращаться в Стратфорд, чтобы там работать над пьесами. «Его всю жизнь тянуло в Стратфорд, и вполне реально, что время от времени он уединялся там и сочинял в тишине, – сказал мне Уэллс. – вполне реально, что ему говорили в театре: “Нам нужна новая пьеса – отправляйся домой и пиши”. У него был большой дом. Так что есть все основания полагать, что он хотел жить иногда там».

Кроме того, известно только, что тот период – с 1603 по 1607 и 1608 годы – был очень плодотворным для него, что в 1607 году умер его брат Эдмунд, а в 1608 – матушка, оба от неизвестной болезни. Эдмунду было двадцать семь лет, он служил актером в лондонском театре. Матушке было за семьдесят – очень преклонный возраст. Больше мы ничего о них не знаем.

В тот год, когда умерла мать Шекспира, труппа «Слуги короля» получила разрешение открыть театр «Блэкфрайерс». «Блэкфрайерс» стал образцом для других, поэтому его история для потомков всегда была важнее, чем история «Глобуса». В его зале умещалось только шестьсот зрителей, но у него выручка была больше, чем «Глобуса»: билеты стоили дороже – самый дешевый шесть пенсов. Это было выгодно для Шекспира, потому что его доля в прибыли составляла одну шестую часть. В небольшом театре лучше звучали голоса и даже музыкальные инструменты – струнные и деревянные духовые, а не трубы, конечно.

В окна почти не проникал свет, освещались помещения свечами. Зрителям можно было за дополнительную плату сидеть на сцене – в «Глобусе» это не разрешалось. Находясь на сцене, зрители могли хвастаться своими нарядами, так что пускать туда богатую публику было очень выгодно; однако она часто отвлекала актеров от игры. Стивен Гринблат вспоминает эпизод, когда один джентльмен, сидевший на сцене, увидел, что по проходу идет его приятель, и посреди представления отправился его приветствовать. Один из актеров сделал ему замечание, джентльмен в ответ ударил его, а зрители начали возмущаться.

20 мая 1609 года поступил в продажу том ин-кварти по цене пять пенсов, на нем значилось: «Сонеты Шекспира, никогда ранее не публиковавшиеся». Несколько неожиданно издателем оказался некий Томас Торп – у него не было ни типографии, ни розничных магазинов. Но зато он был обладателем сонетов. Где он их раздобыл и что Уильям Шекспир получил взамен – остается только догадываться. У нас нет сведений, как приняли современники публикацию этих сонетов*.

«Наверное, во всей мировой литературе не найти такого сочинения, по поводу которого наговорили и опубликовали бы столько бреда, истратили бы впус-тую столько интеллектуального и эмоционального за-ряда, сколько по поводу сонетов Шекспира», – справед-ливо заметил У.Х. Оден⁸⁹. Нам не известно о них ничего определенного: когда они написаны, кому посвящены, при каких обстоятельствах опубликованы, мы не знаем даже порядок, в котором они собраны в книге, хотя бы относительно правильный ли он или нет.

По мнению ряда критиков, сонеты – вершина творчества Шекспира. «Ни один поэт не нашел более

* *Сонет* – стихотворение, состоящее из четырнадцати строк, образцом которого служат сонеты Франческо Петрарки, итальянского поэта четырнадцатого века. Слово произошло от итальянского *sonetto*, то есть «маленькая песенка». Итальянский сонет Петрарки делился на две части – на восьмистрочную октаву с одним размером (*abba, abba*) и шестистрочный секстет (*cde, cde или cdc, dcd*). В Англии сонет видоизменился, он состоит из трех четверостиший и гораздо более выразительного двустишия в конце, своего рода морали (его называли эпиграмматическим); сонет писался с соблюдением четкого размера (*abab, cdcd, efef, gg*). (Прим. автора).

выразительные лингвистические формы, чтобы передать чувства человека, чем Шекспир в своих сонетах, – пишет профессор Гарвардского университета Элен Вендлер в книге “Искусство сонетов Шекспира”. – Самые высокие образцы сонетов с легкостью достигают гармонии воображения с уникальной техникой письма... словом, они – воплощение изящества».

Безусловно, к лучшим образцам относятся его самые известные строки первого четверостишия 18 сонета:

*Могу ль тебя я уподобить лету?
Ты краше, и краса твоя ровней.
Ведь угрожают бури первоцвету,
И краток срок законных летних дней.*

Перевод А. Шаракшанэ⁹⁰

Необычно в этих строках, как и во многих других, более откровенных, то, что они восхваляют не женщину, а мужчину. Из ряда вон выходящий факт: Шекспир, создатель в своих пьесах нежнейших, трогających до глубины сердца сцен, посвященных любви мужчины и женщины, стал в сонетах самым великим в истории английской литературы певцом однополю любви.

Сонеты вошли в моду, правда ненадолго, благодаря Филипу Сидни⁹¹ и его циклу «Астрофил и Стелла», изданному в 1591 году, но к 1609 году они вышли из моды, что, без сомнения, объясняет, почему томик сонетов Шекспира не добился коммерческого успеха. Хотя его большие поэмы продавались хорошо, сонеты не привлекли особого внимания, и их переиздавали в семнадцатом веке только один раз.

В том виде, в котором 154 сонета были опубликованы, они делились на две неравные части: первая состояла из 126 сонетов, она была адресована красивому юноше (а может, даже и юношам), которого традиционно автор называет Другом (от него поэт был без ума); а с 127 по 154 сонет они адресованы Смуглой Леди (хотя нигде автор к ней так не обращается), которая якобы изменила ему с его возлюбленным, героем первых 126 сонетов. (Рискуя рассердить читателя своими замечаниями по ходу дела, хотел бы отметить, что 126-й сонет не соблюдает строгую форму, а представляет собой лишь рифмованные четверостишия.) В сонетах есть еще призрачная фигура, которую автор часто называет Соперником поэта. В том включена также, в качестве коды, поэма «Жалобы влюбленной». В ней много слов (по чьим-то подсчетам 88), и ее не включали ни в одно собрание сочинений Шекспира, что наводит на мысль – а его ли это вещь?

Многие авторитеты убеждены, что Шекспир был удивлен – по словам Одена, «пришел в ужас», – увидев свои сонеты изданными. Сонеты, как и предполагает эта форма, прославляют любовь, но в них автор часто проклинает себя, они пронизаны горечью. Они настаивают своей гомоэротичностью, обращениями к «моему любимому мальчику», словами: «главный любовник моей страсти», «властелин моей любви», «ты мой, а я твой» – и другими аналогично вызывающе смелыми декларациями. В то время было не принято адресовать любовную поэму человеку того же пола. Несмотря на выходки, которые позволял себе король при дворе, гомосексуализм в Англии в эпоху Стюартов

был запрещен, а содомия каралась смертной казнью (хотя тот факт, что судебные наказания за эти преступления были довольно редкими, означает, что на них закрывали глаза).

Почти всё в сонетах немного странно, начиная с посвящения, которое озадачивало шекспироведов с момента их публикации. В нем говорилось:

«Единственному вдохновителю нижеследующих сонетов, мистеру W.H., всяческого счастья и вечности, обещанной нашим бессмертным поэтом, желает доброжелатель, рискнувший выпустить их в свет. Т.Т.»

Т.Т. – это понятно, это Томас Торп, но кто такой загадочный мистер W.H.? На удивление часто называют Генри Ризли (Henry Wriothesley), чьи инициалы даны в обратном порядке (по так и не установленной причине). Другой вариант – Уильям Герберт (William Herbert), третий граф Пембрук⁹², чьи инициалы хотя бы даны в правильной последовательности, и его связывали с Шекспиром дружеские отношения: четырнадцать лет спустя Хемингс и Конделл посвятили ему и его брату Первое фолио.

Проблема, возникшая с этими двумя кандидатурами, заключается в том, что они оба были аристократами, а в посвящении автор обращается к «мистеру». Выдвинули предположение, что Торп не знал, как правильно обращаться к графу Пембруку, но в том же году он издал том сочинений Шекспира и предпослал ему витиеватое посвящение: «Его высочеству Уильяму графу Пембруку, лорду-камергеру его Величества, одному из самых почетных тайных советников, рыцарю самого благородного ордена Синей подвязки⁹³...» Торп знал,

как обращаться к вельможе. Более прозаическое объяснение состоит в том, что «Mr. W.H.» – Уильям Холл, который, как и Торп, издавал неавторизованные тексты.

Отдельной задачей для трактовки текста являются слова «единственному вдохновителю»: они обращены к конкретной персоне или же просто к человеку, который раздобыл и издал сонеты, – то есть к тому, кто был источником вдохновения, или к тому, «кому обязаны своим появлением» сонеты? Большинство шекспироведов склоняются к последнему, но посвящение настолько двусмысленно, что читателю может показаться по меньшей мере странным. «В самом деле, – писал Шенбаум, – все посвящение... столь непонятно с точки зрения синтаксиса, словно целью автора было лишить интерпретаторов всякой надежды прийти к общему знаменателю».

Мы не знаем, когда Шекспир написал эти сонеты, но он уже использовал форму сонета в «Бесплодных усилиях любви», одной из самых ранних пьес, и в «Ромео и Джульетте», где диалог между возлюбленными ведется в форме сонета: гениальное решение, которое трогает сердце зрителя. Таким образом, сонет как способ выражения своих чувств был им найден в начале или в середине 1590-х годов, приблизительно в то время, когда в его жизни появился Саутгемптон (если их связывало какое-то чувство). Но датировать сонеты чрезвычайно сложно. Единственная строка в 107 сонете – «Свое затмение смертная луна» – отсылает нас по крайней мере к пяти разным историческим событиям: к затмению, к смерти королевы, болезни королевы, поражению Испанской Армады или цитате из гороскопа.

Другой сонет написан еще раньше. В 145 сонете он позволяет себе игру слов с фамилией Хетевэй⁹⁴:

*«Я ненавижу, – но, любя,
Договорила: – Не тебя»⁹⁵.*

Перевод А. Кузнецова

Наверное, он писал эти строки в Стратфорде в игривом настроении. Если 145 сонет перекликается с биографией автора, то совершенно ясно, что он не был невинным юнцом, соблазненным женщиной, которая старше него, а его гнали прочь, и ему приходилось добиваться взаимности.

Ученые долго бьются над загадками сонетов: они откровенно исповедальные, но при этом в них столько неясного. Первые семнадцать сонетов посвящены настойчивым просьбам автора, обращенным к герою, дать согласие на женитьбу, что подтолкнуло биографов выдвинуть гипотезу, что они обращены к Саутгемптону, который, как мы знаем, был убежденным холостяком. Автор уговаривает своего героя обзавестись потомством: молодость и красота ведь не вечны – эти доводы должны были подействовать на тщеславного Саутгемптона, который обязан был позаботиться о продолжении династии. По одной из версий Шекспиру заказали эти сонеты (мать Саутгемптона или Берли, или они оба), и, покуда он исполнял заказ, он познакомился с Саутгемптоном и влюбился в него и в так называемую Смуглую Леди.

Весьма привлекательный сценарий, но его автор основывался исключительно на цепочке внушающих надежду предположений. У нас нет доказательств,

что Шекспир хотя бы официально был знаком с Саутгемптоном, а еще меньше – что он вздыхал по нему. Следует сказать, что несколько замечаний по поводу внешности его друга не сходятся с известными нам фактами. Саутгемптон, к примеру, очень гордился своими медными локонами, а у Друга Шекспира – золотистые волосы.

Искать биографические данные Шекспира или кого-то еще в сонетах – пустая трата времени. На самом деле мы даже не знаем, обращены ли первые 126 сонетов к одному юноше и во всех ли сонетах адресат – *юноша*. Во многих стихотворениях пол того, к кому оно обращено, неизвестен. И причина этой неразберихи в том, что их опубликовали как единый цикл, – не исключено, что не авторизованный, – а мы воспринимаем их как единое целое.

«Если мы станем впрямую воспринимать каждое “Я” в сонете, мы совершим ужасную ошибку, – сказал мне Эдмундсон, сотрудник фонда «Родина Шекспира» и соавтор Стэнли Уэллса по книге «Сонеты Шекспира», во время моего визита в Стратфорд. – Читатели почему-то верят, что сонеты написаны в том порядке, в каком они опубликованы. Мы этого не знаем. К тому же “Я” не относится лично к Шекспиру, там может быть множество вообразимых “Я”. Многие выводы относительно пола героя делаются с помощью контекста и места сонета в цикле». Еще он сказал, что только в двадцати сонетах можно с уверенностью утверждать, что в них герой – юноша, а всего лишь в семи – что женщина.

Смуглая Леди вызывает не меньше сомнений. А.Л. Роуз, который, надо отметить, всегда очень уве-

ренно отстаивает свою точку зрения, в 1973 году написал, что Смуглая Леди – Эмилия Бассано, дочь придворного музыканта, и с некоторым вызовом поучительно сообщил, что его выводы «нельзя опровергнуть, ибо они – ключ к разгадке», хотя они не могут быть подкреплены убедительными доводами. Другая часто приводимая кандидатура – Мэри Фиттон, любовница графа Пембрука. Но опять-таки упоминание о том, что

*Грудь белизною снега не затмила,
А черный волос с проволокою схож⁹⁶, –*

Перевод А.Шаракшанэ

убеждает читателя, что героиня все-таки смуглее, чем предполагаемый прототип.

Мы никогда не узнаем точно, кто стал прототипом, да и не нужно нам это. Оден, к примеру, считал, что это знание ничего не прибавит к нашему чувству удовлетворения от этих стихотворений. «Хотя мне представляется довольно глупым тратить время на выяснения, которые потом окажутся истинными или ложными, – писал он, – я прежде всего возражаю против заблуждения, касающегося того, что коль скоро мы узнаем наверняка, кто же такие были Друг, Смуглая Леди, Поэт-соперник и т.д., это открытие поможет нам глубже и ярче понять сами сонеты».

Тема любовных предпочтений Шекспира – тех, что были в реальности, и тех, что косвенно проявляли себя, – заставляет ломать головы его поклонников. Один из первых редакторов решил эту проблему чрез-

вычайно просто – он заменил все мужские местоимения на женские, одним ударом закрыв путь двусмысленностям. Оно и понятно: викторианцы страдали от разнообразных предрассудков и страхов. Многие «ушли в отказ» и убедили себя, что сонеты всего лишь «поэтические экзерсисы» или «профессиональные опыты мастера», так определил это биограф Сидни Ли, доказывая, что Шекспир писал свои сонеты от лица многих, «вероятно, по просьбе ближайших помощников». Так, любой намек на желание приласкать Друга шел от лица женщины, что демонстрировало его дар гения перевоплощения. Настоящими друзьями Шекспира были «здоровые мужские особи», а альтернативные интерпретации «отражают пренебрежительное отношение к личности поэта, что не выдерживает никакой критики».

Все эти проблемы перекочевали и в двадцатый век. Марчет Шют в популярной биографии, которую она написала в 1949 году, свела все дискуссии к короткому комментарию, в котором она пишет: «Ренессанс знал неистовые, чувственные отношения между мужчинами, которые последующие поколения отнесли в разряд плотских связей». Словосочетания, использовавшиеся Шекспиром, – “master – mistress”, «хозяин – хозяйка, любовник – любовница» – звучат аномально для ушей людей двадцатого века, но в конце шестнадцатого это никого не задевало. И вот так автор и большинство других биографов подходили к этой проблеме. Историк Уилл Дюрант в 1961 году заметил, что в 20 сонете происходит «эротическая игра слов», но не решился подойти к конкретному анализу.

Нам не следует быть такими же стыдливыми. Строки, на которые он намекает, такие:

*Но раз уж ты таков, мне в наказание,
Люби меня, а их дари вниманьем*⁹⁷.

Перевод Николая Пальцева

Большинство критиков полагают, что эти строки убеждают: его привязанность к юноше никогда не обрела иных форм. Но, как писал Стэнли Уэллс, «если Шекспир лично не любил мужчину в полном смысле этого слова, он, безусловно, разделял чувства тех, кто любил».

Наверное, самый важный вопрос для всех: если он не собирался публиковать сонеты, то для кого он их писал? Сонеты демонстрируют огромный этап творчества, может быть, он работал над ними несколько лет, находясь в высшей точке своего вдохновения. Он действительно не собирался никому их показывать? А в 55 сонете читаем:

*Из мрамора и золота надгробья
Земных князей мой стих переживет...*⁹⁸

Перевод В. Николаева

Неужели Шекспир всерьез верил, что сонет, написанный на бумаге, а потом спрятанный в папку или в ящик письменного стола, переживет мрамор? Может, это был преднамеренный обман или развлечение? Больше, чем у других писателей, слова Шекспира и его жизнь далеки друг от друга. Он так виртуозно скрывал свои чувства, что возникает вопрос: а были ли они у него? Мы знаем мощную силу воздействия его слов,

так что мы имеем все основания считать, что он был человек страстей. Чего мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, так это ответа на вопрос: а где они пересекались?

В последние годы Шекспир начал сотрудничать с другими авторами – примерно в 1608 году в соавторстве с Джорджем Уилкинсом написал «Перикла», с Джоном Флетчером⁹⁹ – «Два знатных родича», «Генрих VIII» (или «Все истинно») и утерянную пьесу «История Карденио»; все они были поставлены в 1613 году. Уилкинс был отвратительным типом. Он держал трактир и бордель, и у него были вечные неприятности с представителями закона – один раз он толкнул беременную женщину в живот, другой – бил и топтал ногами женщину по имени Джудит Уолтон. Но он был при этом отменным сочинителем, автором отличных собственных пьес – его пьеса «Тяготы навязанного брака» шла в исполнении труппы «Слуги короля» в 1607 году – и написанных в соавторстве. Единственное, что известно об их отношениях с Шекспиром, так это то, что они снимали жилье у Маунтджоя.

Флетчер был более благородного происхождения. Он был на пятнадцать лет моложе Шекспира, сын лондонского епископа (который, среди прочих своих отличий, был главным представителем духовенства при казни Марии, королевы Шотландии). Отец Флетчера какое-то время был фаворитом королевы Елизаветы, но после смерти своей первой жены попал в немилость ее величества, потому как очень скоро женился во второй раз, и был отлучен от двора. Он умер в нищете.

Молодой Флетчер получил образование в Кембридже. В своем творчестве – и в личной жизни – он находился в тесном союзе с Фрэнсисом Бомонтом; союз этот оказался блистательным. С 1607 по 1613 год они были просто неразлучны. Делили общую постель, любовницу, даже одевались в одинаковые одежды, если верить воспоминаниям Джона Обри. За годы своего сотрудничества они написали десять или больше пьес, в том числе «Трагедию девушки» и пользующуюся огромным успехом пьесу «Король и не король». Но неожиданно Бомонт женился, и их союз тотчас же распался. Флетчер потом писал пьесы в соавторстве со многими драматургами, больше всего – с Филиппом Мессинджером и Уильямом Роули.

Ничего конкретного о соавторстве Шекспира и Флетчера не известно. Может, они работали отдельно, а может, Флетчер отдавал ему незаконченную работу после того, как Шекспир ушел из театра. Но что бы мы ни думали, определенное число пьес позволяет нам считать, что они сотрудничали весьма тесно.

Пьеса «Два знатных родича» была, без сомнения, поставлена при жизни Шекспира, но до 1634 года, пока ее не опубликовали, поместив на титульный лист фамилии двух авторов – Флетчера и Шекспира, она была не известна. «Генриха VIII» и «Карденио» также приписывают им обоим. «Карденио», написанный по следам истории Карденио и Люсинды из «Дон Кихота», тоже не был никогда опубликован, хотя в 1653 году пьесу приготовили к печати, и в регистрационных документах Гильдии драматургов значатся авторы – «г-н Флетчер и г-н Шекспир». Считается, что экземпляр рукописи

хранился в музее Ковент-Гардена, но, к несчастью, в 1808 году в музее случился пожар, в котором пьеса сгорела. Флетчер умер в 1625 году от чумы и был похоронен – в прямом смысле слова – в одной могиле со своим товарищем по цеху, а какое-то время и соавтором – Мессинджером. Теперь они покоятся вместе в Саутваркском соборе, рядом с младшим братом Шекспира Эдмундом.

Шекспир, вероятно, работал с другими авторами над драмой «Эдуард III», напечатанной анонимно в 1596 году. Некоторые шекспироведы полагают, что часть пьесы принадлежит перу Шекспира, хотя его авторство – предмет горячих дискуссий и по сей день. Не исключено, что «Тимона Афинского» он писал вместе с Томасом Миддлтоном. Стэнли Уэллс датирует пьесу 1605 годом, но подчеркивает, что это весьма условно. Как возможного соавтора «Тита Андроника» часто упоминают и Джорджа Пила.

«С годами Шекспир стал другим писателем – по-прежнему выдающимся, но более сложным, – сказал мне Стэнли Уэллс. – Его язык стал более трудным для понимания. Он стал меньше заботиться об интересах и потребностях широкой публики. Пьесы стали менее сценичными, более интровертными. В последние годы жизни он терял свою популярность. Даже теперь его поздние пьесы – “Цимбелин”, “Зимняя сказка”, “Кориолан” – не столь популярны, как его пьесы, написанные в предыдущие годы».

Он писал заметно меньше. А после 1613 года, когда сгорел «Глобус», и вовсе отложил перо. Но, несомненно, он наведывался в Лондон. В 1613 году он купил

надвратный дом возле «Блэкфрайерс», заплатив весьма солидную сумму – 140 фунтов стерлингов, очевидно, просто решил вложить в него деньги. Интересно, что он оформлял покупку куда более сложным способом, чем требовалось, – подписал закладную с участием трех поручителей: его коллеги Джона Хемингса, его друга Томаса Поупа и Уильяма Джонсона, хозяина знаменитой таверны «Русалка»¹⁰⁰. (Это, кстати, единственное упоминание таверны в биографии Шекспира, что бы ни гласила легенда.) В результате такого рода сделки дом после смерти Шекспира перешел не вдове Анне, а доверителям. Почему Шекспир так решил, как и многое другое, – из области догадок.

GOOD FRENDE FOR IESVS SAKE FORBEARE,
TO DIGG THE DVST ENCLOSED HEARE.
BLESE BE Y MAN Y SPARES THES STONES,
AND CVRST BE HE Y MOVES MY BONES.

GOOD FRENDE FOR IESVS SAKE FORBEARE,
TO DIGG THE DVST ENCLOSED HEARE.
BLESE BE Y MAN Y SPARES THES STONES,
AND CVRST BE HE Y MOVES MY BONES.

THE GRAVE
OF THE POET
WILLIAM
SHAKESPEARE
1564-1616

*Друг, ради Господа не рой
Останков, взятых сей землей,
Не тронувший блажен в веках,
И проклят – тронувший мой прах.*

Смерть

В конце марта 1616 года Уильям Шекспир внес ряд изменений в свое завещание. Этот поступок склоняет к мысли, что он был болен, а может быть, – смертельно болен. Безусловно, он был не в себе. Его подпись поставлена дрожащей рукой, в завещании – следы путаницы составителя: он явно не мог вспомнить имени своего зятя Томаса Харта и одного из сыновей Харта – не менее странно, что их не вспомнил ни один из пяти свидетелей. К тому же, зачем Шекспиру нужно было столько свидетелей – тоже неясно. Обычно приглашали двух человек.

То были несчастливые времена его жизни. Месяцем ранее его дочь Джудит вышла замуж за местного виноторговца, некоего Томаса Квини, пользовавшегося дурной репутацией. Джудит было тридцать один год,

и перспектива выйти замуж таяла на глазах. В любом случае она сделала неверный выбор, потому как спустя месяц после их женитьбы Квини оштрафовали на 5 шиллингов за шашни с Маргарет Уиллер, что было крайне унижительным событием для его молодой жены и ее семьи. Того хуже – мисс Уиллер умерла родами, ребенок был от Квини, что превратило скандальную историю в трагедию.

Но и этого мало: 17 апреля зять Уильяма, шапочник Харт, умер, оставив его сестру Джоан вдовой. Спустя шесть дней и сам Уильям Шекспир скончался от неустановленной причины. Словом, пришла беда – открывая ворота.

Завещание Шекспира теперь хранится в шкапулке в закрытом помещении в Британском Национальном архиве на улице Кью в Лондоне. Завещание написано на трех листах пергаментной бумаги, все разного размера, на них стоят три из шести известных нам подписей Шекспира – по одной на каждой странице. Это поразительно сухой, бесстрастный документ, «абсолютно лишенный малейшей частицы Духа, воодушевлявшего нашего великого Пиита», – написал преподобный Иосиф Грин из Стратфорда, собиратель древностей, который обнаружил завещание в 1747 году и был весьма разочарован отсутствием в нем возвышенного стиля.

Шекспир оставил 350 фунтов стерлингов наличными плюс четыре дома с обстановкой плюс большой надел земли – все вместе оценивалось специалистами почти в 1000 фунтов стерлингов, словом, солидное наследство, хотя и не очень большое. Его распоряже-

ния касательно наследства были изложены предельно четко: своей сестре он оставил 20 фунтов наличными, право пользоваться их семейным домом на Хенли-стрит до конца жизни, каждому из ее троих детей (включая и того сына, чье имя он не мог вспомнить) – по пять фунтов. Еще он оставил Джоан свою одежду. Хотя она и стоила каких-то денег, весьма странно, по мнению Дэвида Томаса, зачем она была сестре: она больше бы сгодилась противоположному полу. Скорее всего, Шекспиру никто другой не пришел на ум.

Самая известная строка завещания находится на третьей странице, она была приписана через интервал, похоже, с некоторым раздражением: «Своей жене я отписываю мою старую кровать с принадлежностями» (то есть с простынями и одеялом). Больше вдова Шекспира в завещании не упоминается ни единым словом. Ученые долгие годы спорят: какой же вывод можно сделать из этого об отношениях супругов?

Кровати и постельные принадлежности в ту пору весьма ценились и часто упоминались в завещаниях. Порой утверждают, что самую хорошую кровать обычно оставляли очень важным и дорогим гостям, а старая кровать – это супружеское ложе, поэтому с ней всегда связаны самые нежные воспоминания. Но Томас считает, что факты говорят о другом: мужа обычно завещали лучшую кровать жене или старшему сыну. Старая кровать, убежден он, – уничижительный жест. Иногда приводят довод, что, поскольку овдовевшей Анне переходила третья часть имущества мужа, он не считал нужным завещать ей еще что-то. Но даже если согласиться с этим доводом, представляется чрезвычайно

странным, что о супруге Шекспир вспомнил в последний момент и написал о ней в сердцах.

Коллега Томаса Джейн Кокс (сейчас она вышла в отставку) изучила завещания, составленные в шестнадцатом веке, и обнаружила, что обычно мужья писали в них много ласковых слов в адрес своей супруги – Конделл, Хемингс, Огастин Филлипс, к примеру, – и часто завещали ей какие-то памятные вещи. Шекспир ничего подобного не сделал, но, как отметил Сэмюель Шенбаум, «он ничего не оставил на память и кому бы то ни было из своих родственников». Относительно Анны Шенбаум высказал предположение, что она была в то время душевнобольной. Можно с таким же основанием предположить, что Шекспир, диктуя завещание, был слишком болен, чтобы оставлять особые распоряжения. А Томас считает, что подпись Шекспира могла быть подделана – не в силу каких-то низких целей, а просто по той причине, что сам он уже не мог расписаться. Если выяснится, что подпись не подлинная, то для историков это будет настоящим потрясением, потому что на завещании стоит половина из тех шести подписей, которые атрибутированы как именно его.

Он оставил десять фунтов нищим Стратфорда, сумму эту некоторые шекспироведы считают мизерной, но, по мнению Томаса, она в те годы была совсем не маленькой. Обычно человек такого же социального положения, как Шекспир, оставлял два фунта. Еще он оставил 20 шиллингов крестнику и небольшие суммы своим друзьям, в том числе (снова написано через отступ) Хемингсу, Конделлу и Ричмонду Бербеджу, по 26 шиллингов каждому, на покупку памятных колец –

так тогда было принято. Все остальное он оставлял двум дочерям, точнее, по большей части Сюзанне.

Кроме старой кровати и постельных принадлежностей, которые он завещал Анне, в завещании указаны еще два конкретных предмета – позолоченная серебряная чаша и шпага, которую ему вручили вместе с дворянским гербом. Джудит завещана чаша. Похоже, что она стоит у кого-то на буфете, и никто не подозревает о ее происхождении; так что следы ее потерялись в веках. А шпага досталась его приятелю Томасу Комбу, судьба его тоже неизвестна. Все сошлись на том, что пай Шекспира в «Глобусе» и «Блэкфрайерс» был к тому времени уже продан, но об этом мы не находим в документах никаких упоминаний. Полная опись его имущества, в том числе книг из его библиотеки и архивов, ценных для истории, была отправлена в Лондон, а там, скорее всего, погибла в Великом пожаре 1666 года. Никаких следов не уцелело.

Жена Шекспира умерла в августе 1623 года, накануне публикации Первого фолио. Дочь Сюзанна жила до 1649 года, она умерла в шестьдесят шесть лет. Его младшая дочь Джудит дожила до 1662 года и умерла в семьдесят семь лет. У нее было три ребенка, в том числе сын по имени Шекспир, но все умерли раньше матери, не оставив потомства. «Джудит для шекспироведов – величайшая упущенная возможность, – говорит Стэнли Уэллс. – Если бы биографы, ее современники, нашли бы ее, она могла бы рассказать им все, что нам так хотелось бы знать». Внучка Шекспира Елизавета, которая тоже могла бы пролить свет на многие загадки,

связанные с жизнью ее деда, прожила до 1670 года. Она дважды выходила замуж, но у нее тоже не было детей, так что с ее смертью оборвалась линия рода Шекспиров.

Театры после смерти Шекспира достигли еще большего расцвета, чем при его жизни. К 1631 году вокруг Лондона было открыто семнадцать театров. Расцвет, впрочем, длился недолго. К 1642 году, когда пуритане закрыли все театры, их оставалось только шесть – три с амфитеатрами и три с партером в зрительном зале. Театры с тех пор больше никогда не привлекали такие широкие слои населения и не были столь популярным развлечением.

Пьесы Шекспира могли тоже оказаться всеми забытыми, если бы не героические усилия его друзей и коллег Джона Хемингса и Генри Конделла, которые спустя семь лет после его смерти опубликовали фолио его сочинений. В нем впервые были изданы восемнадцать пьес: «Макбет», «Буря», «Юлий Цезарь», «Два веронца», «Мера за меру», «Комедия ошибок», «Как вам это понравится», «Укрощение строптивой», «Король Иоанн», «Конец делу венец», «Двенадцатая ночь», «Зимняя сказка», «Генрих VI, Часть первая», «Генрих VIII», «Кориолан», «Цимбелин», «Тимон Афинский», «Антоний и Клеопатра». Не возьми на себя этот труд Хемингс и Конделл, вполне вероятно, что все эти пьесы были бы для нас потеряны. Это воистину героический поступок!

Хемингс и Конделл были последними актерами первого состава труппы «Слуги лорда-камергера». Мы мало что знаем о них, как почти о всех остальных героях нашей истории. Хемингс (Кермоуд пишет его фами-

лию как *Heminge*, а другие – как *Heming*, *Hemings*) был администратором, иногда играл в спектаклях и, согласно легенде, был первым исполнителем роли Фальстафа, хотя заикался, а это «для актера серьезный недостаток», как пишет Уэллс. В своем завещании он называет себя «гражданином и торговцем продуктами Лондона». Во времена Шекспира торговцем продуктами называли людей, продающих продуктовые товары крупными партиями, а не тех, кто торговал ими в бакалейных лавках (слово “grocer” происходит от “gross” – большая партия, а не от “groceries” – бакалея). Во всех случаях это определение означало только то, что он был членом Гильдии бакалейщиков, а не занимался активно торговлей. У него с женой Ребеккой, вдовой актера Уильяма Кнелла, было тринадцать детей, может и четырнадцать. Стоит напомнить, что после убийства Кнелла в Тейме в 1587 году в труппе «Слуги королевы» образовалась вакансия, на которую, как упорно настаивают некоторые комментаторы, был принят юный Уильям Шекспир.

Конделл (или *Cundell*, как указано в его завещании) был актером, больше всего известным благодаря исполнению комедийных ролей. Как и Шекспир, он размещал свои капиталы весьма удачно и был достаточно состоятельным, считал себя «джентльменом», не опасаясь, что его могут разоблачить, у него было загородное поместье в местечке Фулхэм, которое в те времена не считалось частью Лондона. Он щедро завещал Хемингсу кругленькую сумму денег – 5 фунтов, намного больше, чем Шекспир завещал Хемингсу, Конделлу и Бербеджу вместе взятым. У Конделла было девять детей. Они жили с Хемингсом по соседству, возле цер-

кви Пресвятой Девы Марии в Олдерменбери, в Сити, в течение тридцати двух лет.

После смерти Шекспира они собрали под одной обложкой все его произведения – нелегкая задача. Примером им послужил Бен Джонсон, который в год кончины Шекспира, в 1616 году, издал фолио своих произведений – решительно пустое и дерзкое предприятие, потому как пьесы считались недостойными такого солидного памятника. Джонсон дал изданию довольно вызывающее, архаичное название – «Труды» (“*Workes*”); какой-нибудь остроумный читатель мог задаться естественным вопросом: умеет ли автор отличать пьесы от трудов?

Мы не знаем, сколько времени Хемингс и Конделл потратили на подготовку своего проекта, но когда осенью 1623 года том вышел, Шекспира не было в живых уже семь лет. Том официально назывался «Комедии, исторические хроники и трагедии мистера Уильяма Шекспира», но во всем мире он известен с тех пор – практически с тех пор – как Первое фолио.

Фолио (от латинского слова “*folio*”) – это книга, в которой бумага при печати складывается пополам посередине один раз, образуя два листа или четыре страницы. Поэтому страница в фолио довольно большая – пятнадцать дюймов в длину. Кварто – это книга, в которой каждый лист складывается дважды, образуя, таким образом, четыре листа (отсюда кварто) или же восемь страниц.

Первое фолио было издано Эдуардом Блаунтом и командой, состоящей из отца и сына, – Уильямом и Исааком Джаггардами. Станный выбор, потому что

Джаггард до этого напечатал «Страстного пилигрима», на титульном листе которого стоит имя Уильяма Шекспира, хотя фактически в сборнике только два сонета Шекспира и три стихотворения, позаимствованные из «Напрасных усилий любви», что наводило на мысль, что то издание не было авторизовано поэтом и оказалось для него досадным событием. Как бы то ни было, к моменту публикации Первого фолио Уильям Джаггард был так болен, что наверняка не мог принимать участия в процессе печати книги.

Решение опубликовать этот том далось нелегко. Фолио были большими книгами, себестоимость их была высокой, поэтому Первый фолио стоил очень дорого – один фунт (за экземпляр в телячьей коже, в простом переплете – дешевле). Себестоимость книги сонетов, к примеру, составляла всего пять пенсов – то есть срок восьмую часть стоимости фолио. Но при всем при том Первое фолио очень быстро разошлось, за ним последовали второе, третье и четвертое издание – в 1632, 1663–1664 и 1685 годах соответственно.

Задачей Первого фолио было не столько просто опубликовать пьесы, которые до того не издавались, сколько исправить ошибки и восстановить выброшенные места в тех пьесах, что раньше публиковались в искаженных, небрежно подготовленных изданиях. Хемингс и Конделл были счастливыми обладателями опыта работы с Шекспиром на протяжении всей его творческой жизни, вряд ли кто-то был знаком с процессом его труда более тесно. Они привлекли для подготовки книги обширный материал – суфлерские экземпляры пьес, черновики, ранние варианты, написанные

самим Шекспиром, и чистые экземпляры, находившиеся в собственности труппы; теперь все эти материалы утрачены.

До Первого фолио те пьесы Шекспира, что были изданы и напечатаны в дешевом варианте кварто, отличаются чрезвычайно разным качеством – двенадцать изданий считаются «хорошего качества», а девять – «плохого». Хорошие издания кварто готовились по достаточно тщательно подготовленным экземплярам текста, плохие – это те, что представляют собой тексты, «восстановленные по памяти» друзьями-актерами или нанятыми переписчиками, которых приглашали на спектакль, чтобы они сделали запись текста по собственному разумению (похоже, часто память их подводила). Плохие кварто вызывали в читателях оторопь. Вот пример монолога Гамлета, напечатанного в плохом кварто:

*To be, or not to be, I there's the point,
To Die, to sleepe, is that all? I all.:
No, to sleepe, to dreame, I mary there it goes,
For inthat dreame of deathe, when wee awake,
And borne before an everlasting Judge,
From whence no passenger ever returned...*¹⁰¹

Хемингс и Конделл с чувством исполненного долга отправили плохие версии в корзину – «все эти украденные, пиратские экземпляры, изуродованные и искаженные в результате подделок и воровства, которые совершали непорядочные мошенники», как они написали в своем предисловии к тому – и старательно восстановили «истинный подлинник» пьес Шекспира.

Пьесы, по их словам, «были выправлены и обрели свое идеальное воплощение» – во всяком случае, составители в этом были уверены. На самом деле Первое фолио представляло собой весьма сырое собрание сочинений.

Даже непрофессиональному читателю видны типографские несуразности. В неожиданных местах появляются отдельные слова: например, внизу 38-й страницы напечатан крупным шрифтом артикль “THE”, нумерация страниц неверная, много бросающихся в глаза опечаток. В одном разделе дважды напечатаны одни и те же номера страниц: 81 и 82, а номеров страниц 77–78, 101–108, 157–256 – вовсе нет. В комедии «Много шума из ничего» реплики Кизила, полицейского пристава, и его помощника неожиданно обрываются, их приписывают другим персонажам, а в начале реплик стоят имена «Уилл» и «Ричард», это, скорее всего, имена актеров, которые играли в первом составе спектакля. Понятная неряшливость для того времени, но вряд ли знак внимательного редакторского глаза при подготовке текста пьесы к печати несколькими годами позже.

Пьесы иногда разделены на акты и сцены, а иногда не разделены, в «Гамлете» посередине пьесы редакторы перестали это делать. Список действующих лиц иногда дается в начале пьесы, иногда – в конце, а случается, и вовсе отсутствует. Авторские ремарки только порой понятны, а в некоторых пьесах просто отсутствуют. Ключевая реплика в «Короле Лире» предваряется словами персонажа, обозначенного сокращенно – «Кор.»: невозможно понять, кто имеется в виду – Корделия или герцог Корнуэльский. Любое толкование подходит, но каждое имя придает совсем иное звучание

пьесе. Режиссеры с тех пор постоянно ломали над этой загадкой голову.

Но все эти недостатки – чепуха по сравнению с тем, что бы было без этого издания. «Не будь Фолио, – написал Энтони Джеймс Вест, – исторические пьесы Шекспира остались бы без начала и без концовки, “Тит Андроник” считался бы его единственной римской пьесой, а великих трагедий было бы только три, а не четыре. Не будь этих восемнадцати пьес, Шекспир не был бы самым выдающимся драматургом, коим он является до наших дней».

Безусловно, Хемингс и Конделл – величайшие герои всех времен на литературной ниве. Необходимо повторить: сохранилось только 230 пьес, написанных английскими драматургами в годы жизни Шекспира; в Первое фолио вошло 15% от этого количества; итак, Хемингс и Конделл спасли для человечества не только половину творческого наследия Шекспира, но и значительную часть всех пьес елизаветинского и якобитского периода.

Пьесы Шекспира поделены составителями на три жанра – комедии, исторические хроники и трагедии. В начало тома помещена пьеса «Буря», одна из последних работ Шекспира, наверное, по той причине, что она была написана относительно недавно. «Тимон Афинский» – неоконченная вещь (или же «... законченная пьеса, но исключительно плохо продуманная, в ней много расхождений и несоответствий», как считает Стэнли Уэллс). «Перикла» вообще не включили в это издание – драму не издавали еще сорок лет, может быть, по той причине, что она была написана в соавторстве.

Наверное, по той же самой причине Хемингс и Конделл не включили «Двух благородных родичей» и «Подлинную историю Карденио»; особенно обидно, что они не включили «Карденио», потому что эта пьеса утеряна.

Они чуть было не исключили из состава «Троила и Крессиду», но в последнюю минуту оставили пьесу в том виде. Никто не знает, что подтолкнуло их к этому решению. Они жестко выправили названия исторических хроник, приклеив им скучнейшие ярлыки, которые были лишены какой бы то ни было романтики. При Шекспире пьеса называлась не «Генрих VI. Часть вторая», а «Первая часть вражды между двумя благородными и прославленными родами Йорков и Ланкастеров», «Генрих VI. Часть третья» называлась «Истинная трагедия Ричарда, герцога Йоркского, и доброго короля Генриха Шестого» – «куда более интересные, более информативные и более торжественные названия», по словам Гэри Тейлора.

Несмотря на разного рода недочеты и несоответствия издания, на постоянные финансовые проблемы, Хемингс и Конделл взяли на себя труд, потратили уйму времени, чтобы подготовить наиболее аккуратные и полные редакции пьес; на большее они просто не были способны. К примеру, для «Ричарда III» они взяли за основу ту редакцию, что была включена в «хорошее кварто», но прибавили 151 строку, которые они тщательно отобрали из другого, «плохого кварто» и черновиков. С подобной осторожностью они подошли к подготовке других произведений, включенных в издание.

«С некоторыми текстами им пришлось сильно помучиться, – говорит Стэнли Уэллс. – В “Троиле и Крес-

сиде” они сделали примерно восемнадцать поправок на каждой странице – это огромное число. В других текстах они были менее разборчивы».

Почему они были столь непоследовательны – в одном случае привередливы, в другом неряшливы – тоже вопрос, на который никто не может ответить. Почему при жизни Шекспира не публиковались его сочинения – на этот вопрос тоже нелегко найти ответ. Часто подчеркивают, что во времена Шекспира произведения драматурга принадлежали театральной компании, а не автору, поэтому он не имел на них прав. Это без сомнения так, но близкие отношения Шекспира с его товарищами по театру, безусловно, могли служить залогом того, что, прояви он желание подготовить грамотную редакцию своих сочинений, ему бы пошли навстречу. Однако у нас нет никаких свидетельств того, что Шекспир проявлял интерес к своим работам после их постановки.

Этот факт вызывает недоумение, потому как есть все основания считать (во всяком случае, допускать вероятность), что он писал некоторые сочинения не только для сцены, но и для чтения. Особенно четыре пьесы – «Гамлет», «Троил и Крессида», «Ричард III» и «Кориолан» – были очень длинными: в них было 3200, а то и больше строк, поэтому их редко ставили целиком, если вообще ставили. Есть подозрение, что часть текста становилась неким вознаграждением для тех, кто хотел продлить себе часы досуга и удовольствия и читал пьесу дома. Современник Шекспира Джон Уэбстер¹⁰² в предисловии к своей пьесе «Герцогиня Амальфи» написал, что он оставил много текста в оригинале, пред-

назначенном не для театральной постановки, а для его читателя. Не исключено, что Шекспир поступал так же.

Нельзя утверждать со всей определенностью, что Первое фолио представляет собой окончательную редакцию всех сочинений. В некоторых кварто, даже в плохих, есть тексты с добавленными позднее исправлениями и уточнениями, более понятные места, чем в редакциях, представленных в Первом фолио. Даже самые плохие кварто содержат материал, полезный для анализа и сравнения разных вариантов одного текста. Г. Блейкмур Иванс цитирует строку из «Короля Лира», которая в разных ранних изданиях звучит по-разному: “My Foole usurps my body”, “My foote usurps my body” и “My foote usurpe my head” (На самом деле это «А я ничтожеству принадлежу»¹⁰³ – “A fool usurps my bed”). В кварто часто включали ремарки постановщика, что тоже оказывает большую помощь исследователям и режиссерам.

Порой между редакциями пьес, напечатанными в кварто и в фолио, такая разница, что невозможно понять, как разобраться в них или угадать, на каком варианте Шекспир остановился. Самый печально известный пример – «Гамлет», поскольку существует три редакции: в «плохом» издании кварто 1603 года напечатана редакция, в которой 2200 строк, в гораздо лучшем издании кварто 1604 года пьеса состоит из 3800 строк, а в фолио 1623 года – редакция пьесы, состоящей из 3570 строк. Есть все основания полагать, что именно «плохое» кварто представляет собой текст, по которому ставился спектакль. Он, безусловно, более динамичный, чем другие редакции. Более того, Анна Томпсон,

сотрудница лондонского Королевского колледжа, обращает внимание, что в этой редакции знаменитый монолог Гамлета находится в другом, более подходящем месте, где его размышления о самоубийстве более уместны и оправданы.

Еще более серьезные проблемы возникают с трагедией «Король Лир», потому что в фолио нет целой сцены в триста строк, той, что есть в издании кварто, и напротив, в фолио есть почти сто строк, которые отсутствуют в кварто. В двух редакциях есть реплики, которые произносят разные герои, из-за этого по-разному выглядят центральные образы: Олбани, Эдгар и Кент, к тому же в кварто принципиально другой конец. Разница оказалась столь серьезной, что составители Оксфордского полного собрания сочинений Шекспира включили обе редакции, мотивируя это тем, что это не две редакции одной пьесы, а разные пьесы. «Отелло» тоже отличается более чем на сто строк в редакциях Первого фолио и другого кварто, и, что еще более важно, в трагедии больше ста слов, отличающих эти варианты друг от друга, что наталкивает на мысль, что второй вариант подвергся серьезной редакции.

Никто не знает, сколько экземпляров Первого фолио было напечатано. Большинство шекспироведов считает, что тысяча, но это не более чем догадка. Питер У.М. Блейни, самый большой авторитет во всем, что касается Первого фолио, считает, что напечатано было гораздо меньше. «Тот факт, что дополнительный тираж приготовили через девять лет, – написал Блейни, – предполагает, что первый тираж был совсем маленький –

может быть, не больше 750 экземпляров, а может, и того меньше». Коль скоро от этого тиража сохранились практически триста экземпляров – это удивительная цифра!

Основное место хранения Первого фолио в наше время – в скромном здании на уютной улочке в паре кварталов от Капитолия в Вашингтоне в Фолджеровской Шекспировской библиотеке¹⁰⁴. Генри Клей Фолджер, в честь которого библиотека названа, был президентом «Стандарт Ойл» (и находился в дальнем родстве со знаменитым семейством – кофейными магнатами Фолдже-рами). Он начал собирать экземпляры Первого фолио в начале двадцатого века, когда их можно было купить по дешевке у обедневших аристократов и находящихся в трудном финансовом положении институтов.

Как порой случается с серьезными коллекционерами, Фолджер со временем стал расширять свои интересы, начал собирать не только сочинения Шекспира и труды о нем, но и сочинения его почитателей, так что в коллекцию теперь входят, кроме бесценного материала самого Шекспира, кое-какие неожиданные любопытные раритеты: к примеру, рукопись Томаса Квинси – рецепт овсянки. Фолджер не дожил до того времени, когда построили здание библиотеки, которой потом присвоили его имя. Через две недели после того, как заложили первый камень будущего здания, он неожиданно умер от сердечного приступа.

Сейчас эта коллекция состоит из 350 000 экземпляров книг и других предметов, но ее сердцевина – Первое фолио. Тут хранится больше экземпляров этого издания, чем в любом другом институте – но, как ни странно, никто не может назвать точную цифру.

– Не так-то просто определить, какой экземпляр действительно из первого тиража Первого фолио, а какой нет, потому что большинство экземпляров не подлинные и только несколько – действительно целиком подлинные, – сказала мне куратор библиотеки Джорджиана Зиглер, когда я прилетел туда летом 2005 года. – В конце восемнадцатого века стали дополнять бракованные тома недостающими страницами, которые брали из других экземпляров, часто таких страниц было очень много. Шестьдесят шестой экземпляр нашей коллекции приблизительно на 60% изуродован страницами, взятыми из других томов. В нашей коллекции есть три экземпляра «неполного» Первого фолио, которые на самом деле гораздо более полные, чем этот.

– Как правило, мы говорим, что у нас хранится приблизительно одна треть уцелевших экземпляров Первого фолио, – добавила ее коллега Рейчел Доггет.

Обычно пишут, что в Фолджеровской библиотеке семьдесят девять целиком сохранившихся экземпляров Первого фолио и сколько-то с частичными утратами, хотя на самом деле только тринадцать из семидесяти девяти действительно «полноценные». Питер Блейни тем не менее утверждает, что Фолджеровская библиотека может считать, что там восемьдесят два экземпляра. Но это не более чем игра словами.

Зиглер и Доггет отвели меня в подвальное помещение без окон, где хранятся самые редкие и ценные книги коллекции Фолджера. В комнате было холодно, много света, воздух был стерильный. Если бы я попал туда с завязанными глазами, я бы решил, что там работают патологоанатомы. А там стояли современные

стеллажи с огромным количеством старинных фолиантов. Тома Первого фолио лежали на боку и занимали двенадцатую полку вдоль задней стены. Каждый том был в формате восемнадцать на четырнадцать дюймов, почти как том энциклопедии «Британника».

Стоит посвятить минутку, чтобы представить себе, как на заре книгопечатания собирались книги подвижными литерами. Представьте себе стандартную визитную карточку, которая складывается пополам, чтобы получилось четыре поверхности – передняя, внутренняя левая, внутренняя правая и задняя. Вложите еще две карточки в первую, и у вас получится буклет на двенадцати страницах, или несброшюрованная книга – приблизительно на таком количестве страниц помещалась половина пьесы или текста, который типографский станок мог напечатать в любую минуту. Сложность задачи для типографского работника заключалась в том, что для того, чтобы страницы в книге были расположены в правильной последовательности, когда их будут брошюровать, их надо печатать не по порядку. На первом листе в пачке, к примеру, печатаются 1 и 2 страница с одной стороны и 11 и 12 с другой. Только страницы, находящиеся внутри, – в нашем случае это 6-я и 7-я страницы – будут напечатаны рядом. А у всех других по соседству окажется страница не в соответствии с порядковым номером.

Для печати книги это означает, что предварительно надо разметить порядок размещения каждой страницы. Процесс этот называется порядком верстки, и когда он нарушался, как часто случалось раньше, наборщики должны были подтянуть (перегнуть) строки на нужное место, чтобы не было пропусков и путаницы. Иногда

им приходилось вставлять вместо “the” “ye”, чтобы сократить длину строки, но бывало, что они вынуждены были идти на более отчаянные уловки, чтобы строки целиком не слетали.

Первое фолио набиралось и печаталось в трех разных типографиях, в каждой были наборщики разного уровня мастерства, опыта и ответственности, что, без сомнения, отразилось на качестве. Если замечали ошибку, пока лист печатался, ее исправляли «на ходу», а это случалось часто. Поэтому сделанные исправления в одном экземпляре оборачивались расхождениями практически в каждом экземпляре. Наборщики во времена Шекспира (и, кстати, еще долго после него) были на редкость упрямы и своевольны, они редко задумывались, можно ли исправлять текст по своему усмотрению или нет, а просто исправляли. Судя по сохранившимся рукописям поэта Джона Харингтона¹⁰⁵, когда издатель Ричард Фильд готовил книгу его стихотворений, наборщики внесли более тысячи исправлений в правописание отдельных слов и в целые фразы.

Помимо всех преднамеренных исправлений, которые делались в процессе издания книги, очень много мелких расхождений в качестве и степени сохранности разных шрифтов, особенно в тех, что печатались в разных типографиях. Понимая это, Чарльтон Хинмен провёл в пятидесятые годы микроскопический анализ пятидесяти пяти Первых фолио, используя специальную лупу, которую он сам сделал. О результатах он написал в книге «Печать и корректура текста Первого фолио Шекспира» (1963), этот труд стал одним из самых удивительных детективных исследований прошлого века.

Внимательно изучая и сличая предпочтения разных печатников, а также микроскопические дефекты литер в каждом томе, Хинмену удалось определить, какой из наборщиков набирал какую работу в Первом фолио. В результате он выделил девять человек – он обозначал их буквами А, В, С, D и т.д.

Хотя трудились над фолио девять пар рук, объем у каждого наборщика был разный. «В» набрал почти половину текста. По случайному совпадению имя одного из них было Джон Шекспир, до этого десять лет он работал у Джагарда. Но его участие в этом издании, повторяю, было абсолютно случайным, он не состоял ни в каких родственных отношениях с Уильямом Шекспиром. По иронии судьбы другой наборщик (кто именно это был, можно с уверенностью вычислить – молодой человек из Херсли, Хэмпшир, по имени Джон Лизон; его Хинмен обозначал как «рука E») оказался самым плохим наборщиком. Он был подмастерьем, причем не очень способным, судя по качеству его работы.

Кроме всего прочего Хинмен установил, что в тираже нет двух совершенно одинаковых экземпляров.

– Для меня оказалось неожиданным, что каждый экземпляр отличался от другого, а потому пришлось проверить много экземпляров, чтобы сделать этот вывод, – сказала мне Рейчел Доггет с выражением полного удовлетворения. – Таким образом, навязчивая идея Фолджера собирать издания Первого фолио оказалась очень ценной для ученых.

– Что меня немного удивляет, – сказала Зиглер, – так это тот шум, который устроили вокруг издания, ведь его качество на самом-то деле оставляет желать лучшего.

И чтобы проиллюстрировать сказанное, она положила на стол открытую книгу Первого фолио, а рядом – экземпляр Полного собрания сочинений Бена Джонсона. Разница поражала. Шекспир был набран подозрительно плохой краской, многие абзацы были еле видны, а некоторые – смазаны.

– А ведь это бумага ручной работы, – добавила она, – но среднего качества.

Том Бена Джонсона был образцом высокого уровня. Красивая верстка, декоративные буквицы и орнаменты, в нем содержалось много полезной информации, к примеру, даты первых постановок, а в томе сочинений Шекспира они отсутствуют.

Когда Шекспир скончался, считанное число современников предполагали, что в один прекрасный день он станет величайшим английским драматургом. Фрэнсис Бомонт, Джон Флетчер и Бен Джонсон были гораздо популярнее и авторитетнее. В Первое фолио были включены лишь четыре поэтических панегирика – на удивление мало. Когда в 1643 году умер ныне никому не известный Уильям Картрайт, пять дюжин поклонников его таланта посвятили ему свои поэмы-эпитафии. «Таковы причуды репутации», – сокрушенно заметил Шенбаум в книге «Уильям Шекспир: жизнеописание в документах».

Этот факт не надо воспринимать как неожиданность. Каждая эпоха и не подозревает обычно о том, чем она ценна. Сколько человек сейчас проголосовало бы за то, чтобы наградить Нобелевской премией по литературе Перл Бак, Генрика Понтонпидана, Рудольфа

Эйкена, Сельму Лагерлёф¹⁰⁶ и многих других, чья слава едва дотянула до конца их века?!

В любом случае Шекспир не импонировал утонченным чувствам эпохи Реставрации, а те его пьесы, которые все-таки принимались к постановке, подвергались радикальной переделке. Всего через сорок лет после его смерти Сэмюэль Пейпис писал, что «Ромео и Джульетта» «самая плохая драма, какую мне довелось увидеть», а когда он увидел спектакль «Сон в летнюю ночь», то о нем отозвался так: «... самая безвкусная, глупая пьеса, какую мне выпало посмотреть за всю свою жизнь». Большинство критиков и зрителей относились к Шекспиру более великодушно, но предпочитали запутанные сюжеты и неожиданные повороты – пьесы Бомонта и Флетчера «Трагедия девушки», «Король и не король» и им подобные, которые теперь всеми, кроме театроведов, забыты.

Но Шекспир никогда не терял внимания читателя к своему творчеству – о чем свидетельствуют Второе, Третье и Четвертое фолио, – и никогда к нему не относились с таким глубоким пиететом, как в наше время. Тем не менее, после его смерти многие пьесы долго не ставились. Комедия «Как вам это понравится» вернулась в репертуар только в восемнадцатом веке. А «Троил и Крессида» ждала своего часа до 1898 года, когда ее поставили в Германии, хотя Джон Драйден¹⁰⁷ подготовил полностью переработанную им редакцию пьесы. Драйден решился на этот шаг, потому что считал многое, во всяком случае, в некоторых местах пьесы Шекспира, «неграмотным», а в целом, утверждал он, пьеса «переполнена бесконечными скудными иносказа-

ниями, что делает ее вычурной, претенциозной и непонятной». Редакцию Драйдена с подзаголовком «Правда, обнаруженная слишком поздно» практически единодушно сочли гораздо более удачной. «Ты превратил грязь в золото», – разглагольствовал поэт Ричард Дьюк.

Стихотворения и поэмы Шекспира тоже вышли из моды. Сонеты «забыли через полтора века», – писал У.Х. Оден. «Венера и Адонис» и «Обесчещенная Лукреция» тоже находились в забвении, пока в начале 1800-х годов их не обнаружили Сэмюель Тейлор Кольридж и его друзья-романтики.

Вот таким непостоянным был статус Шекспира; время шло, и мир начал терять след написанного им самим. В Третье фолио, опубликованное спустя сорок лет после Первого, были включены шесть пьес, которые Шекспир не писал: «Йоркширская трагедия», «Лондонский повеса», «Локрин», «Сэр Джон Олдкасл», «Томас, лорд Кромвель», «Вдова пуританина»¹⁰⁸, но зато составители включили «Перикла», за что шекспироведы и зрители по сей день им благодарны. В другие собрания сочинений включены другие пьесы – «Веселый дьявол из Эдмонта», «Муседор», «Рождение Мерлина» и «Ифис и Ианфа»¹⁰⁹. Потребовалось почти двести лет, чтобы решить проблему авторства в общем объеме, но в деталях она все еще не решена.

Прошло около ста лет после смерти Уильяма Шекспира, прежде чем была предпринята пока что несмелая попытка написать его биографию, но за это время многие детали его жизни исчезли навсегда. Первая попытка была сделана в 1709 году: английский поэт-лауреат и драматург Николас Роу на свой страх и риск написал

очерк в сорок страниц в качестве предисловия к новому собранию сочинений в шести томах. Многие подробности его очерка основывались на легендах и сплетнях, большая часть которых неверны. Роу приписал Шекспиру трех дочерей, а у него было две, также считал, что он автор только одной большой поэмы – «Венера и Адонис», видно, ничего и не знал о «Лукреции». Мы обязаны Роу заманчивой, но недостоверной историей о том, как Шекспира поймали и арестовали за то, что он охотился на оленей в Чарлькоте. Как считает шекспировед Эдмунд Мэлоун, из одиннадцати фактов, приведенных в биографии Шекспира Роу, восемь – выдумка.

Не всегда те, кто стремился восстановить доброе имя Шекспира, делали это грамотно.

Поэт Александр Поуп, продолжая традиции, заложенные Драйденом, издал красивое собрание сочинений Шекспира в 1723 году, но переделал на свое усмотрение все, что ему не понравилось, а таких текстов оказалось довольно много. Он выкидывал абзацы, которые он считал лишними (причем настаивал, что они придуманы актерами, а не самим драматургом), заменял архаичные слова, которые он не понимал, на современные – те, которые понимал, выкидывал почти все каламбуры и прочую игру слов, постоянно менял ритм и метр, сообразуясь со своими твердыми, несокрушимыми установками. К примеру, Шекспир писал о том, что его герой готов ополчиться и сражаться с морем смут (“Or to take arms against a *sea of troubles*, And by opposing end them?” – «Иль ополчась на *море смут*, сразить их / Противоборством?» – «Гамлет»¹¹⁰); Драйден поменял слово «sea» (море) на «siege» (осада), уничтожая тем самым метафору.

Частично из-за принесших только вред усилий Поупа начался поток, пусть и небольшой, новых изданий и работ, посвященных Шекспиру. Льюис Теобальд, сэр Томас Хэмнет, Уильям Уорбертон, Эдвард Кэпелл, Джордж Стивенс и Сэмюэл Джонсон – каждый написал работы, которые очень помогли восстановить авторитет Шекспира.

Гораздо большую роль сыграл актер и режиссер Дэвид Гаррик¹¹, который с 1740 года связал свою судьбу с наследием Шекспира – эти отношения были долгими, творческими, преисполненными любви и восхищения. Постановки Гаррика тоже отличали особенности его трактовки. Так, у его «Короля Лира» был счастливый конец; не задумываясь, он выбросил три акта из пяти в «Зимней сказке», чтобы придать действию динамизм, хотя и в ущерб логике. Несмотря на все эти странности Гаррик задал наследию Шекспира такую траекторию и скорость движения, которые и поныне не меняются. Он больше других постарался, чтобы Стратфорд нанесли на карту туристических маршрутов – этот факт очень раздражал преподобного Фрэнсиса Гастрелла, vicar, который стал владельцем «Нью-Плейс»: он так устал от шумных вторжений туристов, что в 1759 году снес историческое здание, лишь бы не видеть у себя в окнах их назойливые рожи.

(По крайней мере, дом, где родился Шекспир, избежал такой судьбы: импресарио П.Т. Барнем в 1840 году решил переправить его в США, поставить там на колеса и отправить в долгое путешествие по стране, но этот план привел англичан в такое волнение, что они молниеносно собрали деньги на то, чтобы спасти музей и сделать его местом поклонения.)

Изучение наследия Шекспира, можно считать, началось с Уильяма Додда¹¹², священника и замечательного ученого – его труд «Красота Шекспира» (1752) оставался самым значительным на протяжении полутора веков, но порой преподобный отец позволял себе неблаговидные поступки. В начале 1770-х годов он стал должником, потому как раздобыл 4200 фунтов стерлингов мошенническим способом: подделал подпись лорда Честерфилда¹¹³. Он был отправлен на эшафот, но тем не менее стал застрельщиком долгой традиции изучения наследия Шекспира, несколько эксцентричным, если не сказать непредсказуемым.

Подлинное изучение наследия Шекспира началось с Эдмунда Мэлоуна. Ирландец Мэлоун, по образованию адвокат, был великим многосторонне эрудированным ученым, правда, с несколько беспокойным характером. В 1763 году, будучи двадцатилетним юношей, он переехал в Лондон и стал заниматься биографией и творчеством Шекспира. Он подружился с Джеймсом Босуэллом¹¹⁴ и Сэмюэлем Джонсоном, перезнакомился со всеми, у кого сохранились записи и воспоминания о Шекспире. Глава Далвидж-колледжа¹¹⁵ передал ему бумаги Филиппа Хенслоу и Эдуарда Аллена. Викарий церкви Стратфорда-на-Эйвоне разрешил ему изучить приходскую книгу записей. Джордж Стивенс, тоже шекспировед, так проникся симпатией к Мэлоуну, что отдал ему хранившуюся у него коллекцию старых пьес. Но вскоре, однако, они серьезно повздорили и расстались, и до конца дней Стивенс не упускал случая, как писали в «Словаре национальных биографий», чтобы «не поменять Мэлоуна крепким словом».

Мэлоун внес неоценимый вклад в шекспироведение. До него никто ничего не знал о родственниках Уильяма Шекспира. Решение этой проблемы усложнял тот факт, что с 1580-х по 1590-е годы в Стратфорде поселился другой, не имеющий никакого отношения к Уильяму, Шекспир, сапожник по имени Джон; он дважды женился, и у него было по крайней мере трое детей. Мэлоун кропотливо выяснял, какой Шекспир относится к какому семейству; подобная настойчивость – важнейшее качество подлинного ученого; он сделал еще много важных уточнений о жизни Шекспира.

Преисполненный энтузиазма, Мэлоун продолжал свое удивительное детективное расследование и вознамерился решить еще более трудную задачку – он посвятил долгие годы труду «Попытка упорядочить последовательность, в которой были написаны пьесы Шекспира». К несчастью, в книге были сделаны абсолютно неверные выводы, которые вводили читателя в заблуждение. По какой-то причине он решил, что Хемингсу и Конделлу нельзя доверять, и принялся выводить некоторые пьесы из сложившегося канона драматурга – прежде всего «Тита Андроника» и три части «Генриха VI» – на том основании, что они слабые и ему не нравятся. Приблизительно в это время он убедил городскую администрацию Стратфорда побелить памятник Уильяму Шекспиру на его могиле в церкви Святой Троицы, тем самым все необходимые детали были смыты, – он был убежден, что изначально памятник не был выкрашен.

Тем временем администрация Стратфорда и Далвиджа начала выражать недовольство тем фактом, что

Мэлоун упорно не хотел возвращать документы, которые он взял у них. Викарий Стратфорда даже угрожал ему судебным преследованием в случае, если он не вернет приходскую книгу регистраций. Администрации Далвиджа не пришлось идти на крайние меры, но, к ужасу своему, они обнаружили, что в возвращенных бумагах отсутствуют страницы – Мэлоун вырезал то, что решил оставить у себя. «Ясно, – писал Р.А. Фоукс, – что на вырезанных страницах были подписи известных драматургов, потому он их и оставил у себя». Этот беспрецедентный акт вандализма не принес никакой пользы ни шекспироведению, ни репутации Мэлоуна.

Но Мэлоун является образцом сдержанности по сравнению с другими, к примеру, с Джоном Пейном Кольером, тоже очень одаренным ученым, который, не сумев раздобыть письменные свидетельства, касающиеся жизни Шекспира, так отчаялся, что состряпал свои, фальшивые документы, подтверждающие его аргументы, чего нельзя сказать о его репутации. В конце концов он был разоблачен, после того как хранитель минералов в Британском музее доказал с помощью нескольких химических опытов, что «открытия» Кольера – некоторые абзацы в документах – были дописаны карандашом, а потом обведены чернилами (причем совсем не старыми!). Это положило начало судебной медицине. Произошло это в 1859 году.

Еще хуже был метод Джеймса Очарда Холливелла (позднее Холливелла-Филлипса), человека на редкость одаренного – его избрали членом Королевского Общества и Общества антикваров, когда он еще был зеленым юнцом, – но отъявленного вора. К числу его преступ-

лений относится кража семнадцати томов редких рукописей из библиотеки Тринити-колледжа в Кембридже (но следует заметить, что он не признался в содеянном) и порча буквально сотен старинных книг, включая издание ин-кварто «Гамлета» – одного из двух уцелевших к тому времени экземпляров. После его смерти среди его документов нашли 3600 страниц или обрезков листов, вырванных из 800 старинных книг и рукописей, причем многие восстановить так и не удалось. Он совершил непоправимое. Но надо сказать в его оправдание, что он написал и издал в девятнадцатом веке толковую биографию Шекспира и еще много других работ. Справедливости ради следует отметить, что хотя против Холливелла было выдвинуто обвинение в этих преступлениях, приговор не был вынесен, хотя налицо была связь между его посещениями библиотеки и пропажей книг.

Уильям Шекспир покоится возле алтаря церкви Святой Троицы, большой, красивой церкви рядом с Эйвоном. Сейчас мы можем согласиться, что в его жизни случались чудеса. На могильной плите нет его имени, а только не очень складные стихи:

*Друг, ради Господа не рой
Останков, взятых сей землей,
Не тронувший блажен в веках,
И проклят – тронувший мой прах.*

Перевод А. Величанского

Рядом с его могилой – могилы его жены и членов семьи, но, как считает Стэнли Уэллс, они погребены в довольно странном порядке. Если читать слева на-

право, то годы их смерти таковы: 1623, 1616, 1647, 1635 и 1649 – никакой хронологической последовательности. И расположение могил не очень соответствует степени родства с Шекспиром. Шекспир покоится между своей супругой и Томасом Нэшем, мужем его внучки Елизаветы, умершей через тридцать один год после него. Затем – могила зятя Джона Холла и дочери Сюзанны. Родители, братья, сестры и двое его близнецов похоронены на церковном погосте, то есть они исключены из группы ближайших родственников. А по соседству с их могилами лежат Фрэнсис Уоттс и Анна Уоттс; какое они имеют отношение к Шекспиру – мы не знаем; ученым предстоит выяснить, кто же эти господа. Также по неизвестной причине могильный камень на его могиле подозрительно короче других надгробий – он около 18 дюймов.

Возле северного крыла алтаря, напротив этих семейных могил, стоит памятник поэту, тот, что Эдмонд Мэлоун приказал побелить известкой в восемнадцатом веке, хотя потом он снова был выкрашен. Он изображает Шекспира с пером в руках, внимательно смотрящим на посетителей, на памятнике – эпитафия:

*Стой, путник, и прочти, коли учен,
Кто здесь завистливою смертью заключен.
В кумире – сам Шекспир – угас с ним мир живой;
Сей камень с именем какой ценить ценой? –
В сей жизни, словно паж, служить должна
Поэзия плодам его ума.*

Поскольку Шекспир никогда не покоился в этом мемориале, многих озадачивает смысл этих строк. Пол

Эдмундсен внимательно изучил могилы и мемориал Шекспира и пришел к выводу, что истолковать их с помощью здравого смысла невозможно. «Прежде всего, в стихотворении говорится о гробнице, но это вовсе не гробница, а мемориал, памятник», – пишет он. Много раз выдвигалось другое предположение – в мемориале покоятся рукописи Шекспира, а не его останки.

«Многие страстно хотят верить, что рукописи все еще где-то сохранились, – считает Эдмундсен, – но нет никаких доказательств, что они в мемориале или еще где-то». Приходится смириться – они сгинули окончательно и бесповоротно.

Что же касается героев этой нашей главы, то Генри Конделл умер спустя четыре года после публикации Первого фолио, в 1627 году, а Джон Хемингс – тремя годами позже своего друга. Они похоронены рядом в исторической церкви Пресвятой Девы Марии в Олдерменбери. Церковь сгорела в Великом пожаре 1666 года, на ее месте была построена церковь по чертежам Кристофера Рена, но она была разрушена немецкой бомбой во Вторую мировую войну.

Возможные авторы творений Шекспира (по версии «антистратфордианцев»): Фрэнсис Бэкон, Эдуард де Вер, семнадцатый герцог Оксфордский, Кристофер Марло

*Мэри Сидни, графиня Пембрук,
Уолтер Рэли,
Уильям Стэнли, шестой граф Дерби*

Претенденты

Существует достаточно солидное число людей, которые с необычайной – похоже, даже непоколебимой – верой убеждены, что пьесы Уильяма Шекспира написаны кем-то другим, а не Уильямом Шекспиром¹¹⁶. Количество книг, в которых выдвигается – даже чаще настойчиво декларируется – эта точка зрения, перевалило уже за пять тысяч наименований.

Пьесы Шекспира, говорится в этих работах, свидетельствуют о безграничном опыте их автора в области юриспруденции, медицины, государственной деятельности, придворной жизни, военных дел, мореплавания, античности, зарубежных событий; подобное было бы не под силу создать одному малообразованному провинциалу. Авторы считают, что Уильям Шекспир из Стратфорда был в лучшем случае милым малым, актером, который

разрешал пользоваться его фамилией человеку большого таланта, но в силу разных причин не имевшему возможности заявить публично о своем авторстве.

Эта проблема серьезно обсуждалась в высших кругах. Государственная служба радиовещания и телевидения США в 1996 году сняла часовой документальный фильм, в котором недвусмысленно говорилось о том, что Шекспир, скорее всего, не был Шекспиром. Журналы «Харперс» и «Нью-Йорк таймс» уделили большое количество места обсуждению «антистратфордской» точки зрения, которую редакции этих изданий разделяли. Смитсоновский институт провел в 2002 году семинар «Кто писал за Шекспира?» – этот вопрос большинство ученых восприняли как нонсенс. Самыми популярными статьями английского журнала “History Today” – «История сегодня» – оказались статьи, посвященные вопросу авторства Шекспира. Даже журнал “Scientific American” – «Американская наука» ввязался в драчку со своей публикацией, в которой выдвигалась версия, что персона, изображенная на знаменитой гравюре Мартина Дройсхута, скорее всего, – слезы душат меня при этих словах! – Елизавета I. Наверное, апофеозом всех этих дебатов стал тот факт, что «Глобус», лондонский театр Шекспира, построенный заново как памятник его пьесам и как средоточие, международный центр изучения его наследия, превратился под руководством художественного руководителя Марка Райленса в информационный центр по обмену антистратфордскими мнениями.

Таким образом, необходимо сказать, что практически все антишекспировские точки зрения – на самом

деле все они, абсолютно все – базируются на манипулятивных исследованиях или же на искаженных фактах. У Шекспира «никогда не было ни одной книги», сообщает на полном серьезе автор полемичной статьи, опубликованной в одном из номеров «Нью-Йорк таймс» за 2002 год. Это заявление мы не можем опровергнуть, потому как не знаем в точности, что именно из мелких предметов он покупал. Но автор мог бы с такой же степенью осведомленности сообщить нам, что у Шекспира никогда не было башмаков или штанов. Полагаясь на факты, которыми мы располагаем, мы можем считать, что он ходил всю жизнь голым от пояса до пят, да к тому же еще и без книг! Но скорее всего мы вправе говорить о том, что у нас нет фактов, а не что у Шекспира не было одежды или книг.

Даниел Райт, профессор университета Конкордия в Портленде, штат Орегон, убежденный антистратфордianец, написал в журнале «Харперс», что Шекспир был «простым, неграмотным торговцем шерстью и зерном... человеком заурядным, не имевшим никакого отношения к литературному миру». Подобные заявления можно охарактеризовать как просто продукт фантазии автора. Точно так же в журнале «История сегодня», который обычно печатает выверенные материалы, некий Уильям Д. Рубинштейн, профессор Уэльского университета в Аберистуите, сообщил во врезке к своему антишекспировскому обзору: «Ни в одном из семидесяти пяти дошедших до нас документов, в которых речь идет о Шекспире, не упоминается о нем как об авторе».

Все далеко не так. В отчетах распорядителя королевских увеселений за 1604–1605 годы, в которых ука-

заны представления, устраивавшиеся для короля (это были достоверные отчеты, достоверные в той степени, в какой они в принципе могли быть), Шекспир упоминается семь раз как автор пьес, которые игрались перед Иаковом I. Его фамилия как автора указана на титульных листах к сонетам и в посвящениях к «Обесчещенной Лукреции» и «Венере и Адонису». Он обозначен автором пьес в нескольких изданиях quartos, Фрэнсисом Мересом в «Сокровищнице ума» и (иносказательно, но ошибиться нельзя) Робертом Грином в памфлете «На грош ума». Джон Уэбстер назвал его одним из величайших драматургов эпохи в своем предисловии к пьесе «Белый дьявол».

Единственное, что отсутствует в архивах, – не документы, в которых указана фамилия Шекспира в связи с его сочинениями, а документы, подтверждающие авторство какого-то другого лица этих же сочинений. Как заметил шекспировед Джонатан Бейт, фактически ни у кого «при жизни Шекспира или на протяжении двухсот лет после его смерти не закралось и тени сомнения относительно его авторства».

Так откуда же появились все эти антистратфордские суждения? След этой истории ведет, немного для всех неожиданно, к странной и просто неприятной американке Делии Бэкон¹¹⁷. Бэкон родилась в 1811 году в провинции штата Огайо в большой семье, ютившейся в убогом домишке. Жили они бедно, особенно после смерти отца Делии, которая тогда была еще совсем юной.

Делия была умной и хорошенькой, но страшно неуравновешенной. Когда она подросла, она стала

школьной учительницей и начала понемногу сочинять рассказы. Но потом поселилась у своего брата-священника в Нью-Хейвен, штат Коннектикут, превратившись в неприметную старую деву. Единственное событие, оживившее ее существование, произошло в 1840 году, когда она влюбилась до беспамятства в студента-теолога, который был на несколько лет ее моложе. Этот роман закончился унижительным для нее открытием: она узнала, что молодой человек забавлял своих приятелей чтением вслух ее нежных, полных объяснений в любви писем к нему. От подобного жестокого удара она так и не оправилась.

Постепенно, по причине, не известной нам, она поверила, что Фрэнсис Бэкон¹¹⁸, ее знаменитый тезка, был настоящим автором сочинений Уильяма Шекспира. Идея эта не была совсем уж новой – некий преподобный отец Джеймс Уилмот, приходский священник из Уорвикшира, подверг сомнению авторство Шекспира еще в 1785 году. Но о его сомнениях никто ничего не ведал до 1932 года, так что Делия сделала это открытие самостоятельно. Хотя в генеалогическом древе родственных связей между ней и Фрэнсисом Бэконом она не нашла, совпадение фамилий было неслучайным.

В 1852 году она отправилась в Англию и занялась, как одержимая, долгими поисками доказательств, что Шекспир – выдуманная фигура, результат мошенничества. Проще всего было отмахнуться от Делии, потому что она была маленько не в себе и ничего собой не представляла, но в ее облике и поведении явно было нечто притягательное, поэтому ей удалось заручиться поддержкой нескольких авторитетных фигур (хотя

многие, надо сказать, потом жалели об этом). Чарльз Батлер, состоятельный бизнесмен, согласился найти деньги, чтобы финансировать ее путешествие в Англию, – и, вероятно, не поскупился, потому что она провела в Англии четыре года. Ральф Уолдо Эмерсон¹¹⁹ представил ее Томасу Карлейлю¹²⁰. Методы научного исследования были, мягко говоря, уникальными. Она провела десять месяцев в Сент-Олбанс, родном городе Фрэнсиса Бэкона, но потом всех убеждала, что за это время не проронила ни единого слова – ни с кем не разговаривала. Она не собирала никакой информации в музеях или архивах, вежливо отклоняла предложения Карлейля представить ее ведущим ученым того времени. Вместо этого она нашла места, где бывал Бэкон, молча «впитывала в себя воздух», которым дышал ее «дальний родственник», и усовершенствовала свои теории интеллектуальным «осмосом» (то есть проникновением, осмыслением).

В 1857 году она обнародовала свой *opus magnus* – «Разоблаченная (sic) философия пьес Шекспира», сей труд издали Тикнор и Филдс в Бостоне. Это был огромный, не поддающийся чтению и странный почти со всех точек зрения труд. Прежде всего, в нем неоднократно, на протяжении 657 страниц, набранных мелким шрифтом, упоминается Фрэнсис Бэкон; читатель вынужден был сделать вывод, что именно он, по мнению Делии, автор шекспировских пьес. Натаниэл Готорн¹²¹, который в то время был консулом США в Ливерпуле, снабдил текст предисловием, но почти сразу же пожалел об этом, потому что рецензенты единодушно сочли книгу дикой чушью. Когда Готорна расспрашивали об этой

книге, он честно признавался, что он ее не читал. «Это последний в моей жизни глупый поступок, который я совершил по доброте душевной, до конца моих дней я не буду ни к кому добреньким», – обещал он в письме к другу.

Измотанная своими напряженными поисками и сочинительством, Делия вернулась домой и спряталась от внешнего мира, став слабоумной. Она тихо отошла в мир иной в сумасшедшем доме в 1859 году, где несчастная больная считала себя Святым духом. Несмотря на провал ее книги и соответственно неудачу с ее представлением публике, идея, что Бэкон писал за Шекспира, каким-то образом овладела умами. Марк Твен и Генри Джеймс оказались горячими сторонниками авторства Бэкона. Многие были убеждены, что пьесы Шекспира содержат некий шифр¹²², который поможет узнать подлинного автора (тогда все сходились на том, что это Бэкон).

С помощью всевозможных математических и прочих ухищрений, используя простые числа, квадратные корни, логарифмы и так далее, сторонники этой идеи манипулировали с текстом как с доской для спиритических сеансов, выискивая в нем зашифрованные послания, которые подтвердили бы их тезис. В популярной в 1888 году работе «Великая криптограмма» ее автор, американский юрист Игнатий Доннелли¹²³, обнаружил несколько посланий типа следующего, зашифрованного в трагедии «Генрих IV. Часть первая»: “Seas ill said that More low or Shak’st Spur never writ a word for them”. Он переводит эту строку так: «Сесил (то есть Уильям Сесил, лорд Берли) сказал, что Марло или Шекспир ни-

когда сами не написали ни слова». Восторг почитателей изобретательного метода дешифровки, придуманного Доннелли, поутих, как только другой любитель-дешифровщик, преподобный Р. Николсон, с помощью того же самого метода прочитал в той же самой фразе совсем иное послание: “Master Will-I-am Shak’st spurte writ the Play and was engaged at the Curtain” – «Мистер Уил-и-ям Шеек-ст пер написал эту Пьесу и служил в Куртине».

Не менее дотошным в своих занятиях оказался сэр Эдвин Дернинг-Лоуренс, который в другой популярной книге «Бэкон – это Шекспир», опубликованной в 1910 году, обнаружил впечатляющие анаграммы¹²⁴ во всех пьесах. Самое важное его открытие – информация, которую несет слово, сложенное из букв в «Напрасных усилиях любви»: “honorificabilitudinitatibus” – “Ni ludi F. Bacon nati tuiti orbi”, то есть «Эти пьесы, детища Ф.Бэкона, предназначены миру».

Много раз уже отмечалось, что в шекспировских пьесах ни разу не упоминается Стратфорд, тогда как Сент-Олбанс, где жил Бэкон, – семнадцать раз. (Бэкон был виконтом Сент-Олбанским.) В исторических хрониках Сент-Олбанс упоминается пятнадцать раз, а не семнадцать, почти во всех случаях в связи с Битвой под Сент-Олбанс – историческим событием, переломным моментом во второй и третьей части Генриха VI. (Еще три раза упоминается сам святой.) С такой же уверенностью можно считать Шекспира выходцем из Йоркшира, потому как Йорк упоминается на четырнадцать раз чаще в его пьесах, чем Сент-Олбанс. Даже Дорсет, графство, не ставшее местом действия ни для одной его пьесы, упоминается еще чаще.

В конце концов бэконовская теория стала предметом культа, проповедники которого утверждали, что Бэкон написал не только пьесы Шекспира, но и пьесы Марло, Кида, Грина и Лили, а также «Королеву фей» Спенсера, «Анатомию меланхолии» Бертона, «Эссе» Монтеня (на французском языке), Библию короля Иакова. Были и такие, кто считали его внебрачным ребенком королевы Елизаветы и ее возлюбленного Лестера.

Серьезное возражение любой из бэконовских теорий состоит в том, что у Бэкона была достаточно насыщенная жизнь и без шекспировского канона, не говоря уж о трудах Монтеня, Спенсера и других авторов. К тому же приходится признать, что между Бэконом и людьми театра не было никаких контактов, да это и неудивительно: он не выносил театр и подвергал его жесткой критике, обвиняя его в фривольности и легкомыслии во многих своих эссе.

Отчасти по этой причине скептики начали снова искать подлинного автора. В 1918 году школьный учитель из Гейтсхеда, на северо-востоке Англии, с безусловно заслуживающей внимания фамилией Дж. Томас Луни (Loony – сумасшедший, безумец), закончил свой труд всей жизни, книгу под названием «Шекспир опознан», в которой он доказывал – и был этим очень горд, – что подлинный автор, скрывающийся под именем Шекспира, – семнадцатый герцог Оксфордский Эдуард де Вер. Ему пришлось потратить два года, прежде чем он нашел издателя, так как он хотел опубликовать свой труд под своей фамилией. Луни упорно отказывался взять псевдоним, безрассудно пытаясь убедить оппонентов, что его фамилия не имеет никакого отношения

к слову «безумие», потому как произносится «loney». (Интересно, что не только у Луни была забавная фамилия. Как однажды заметил с явным удовольствием Сэмюель Шенбаум, в числе прочих антистратфордianцев были И. Силлимен [Silliman – глупец] и Джордж Бэтти [Battey – безумец].)

Доказательства Луни строились на его убежденности, что Уильяма Шекспира не волновали судьбы человеческие и он не был способен оттачивать свой стиль, а потому не мог написать сам свои пьесы, следовательно, они вышли из-под пера автора с широким кругозором и богатым опытом: из-под пера подлинного аристократа во всех смыслах. Оксфорд, надо заметить, имел кое-какие качества, позволяющие назвать его кандидатом: он был умен, имел некоторую известность как поэт и драматург (хотя ни одна из его пьес не пережила своего времени и ни одно стихотворение не свидетельствует о великом таланте автора – его талант, безусловно, несравним с гениальностью Шекспира); он много путешествовал и говорил на итальянском языке, вращался в свете, а потому знал толк в хороших манерах. Его очень любила королева Елизавета, как говорили, она «была в восторге... от его личности, его храбрости и умения танцевать», а одна из его дочерей была какое-то время невестой Саутгемптона, которому Шекспир посвятил свои две поэмы. Безусловно, у него была безупречная репутация.

Но у Оксфорда были недостатки, которые никак не сочетались с полным сочувствия, ровным, спокойным, мудрым голосом, который звучит так доверительно и чарующе в пьесах Шекспира. Он был высокомер-

ным, капризным, испорченным, беспричинно расточительным, распутным, его не любили в обществе, с ним часто случались приступы немотивированной агрессии. В семнадцатилетнем возрасте он убил слугу в припадке бешенства (но избежал наказания, так как присяжных убедили, что слуга сам напоролся на шпагу). Ничего в его поведении на протяжении всей его жизни не говорило о том, что ему свойственны сострадание, сочувствие, великодушие – и умение усердно трудиться, что позволило бы ему написать анонимно больше трех дюжин пьес в дополнение к тем, что он подписал своим именем, совмещая этот труд со своей активной придворной жизнью.

Луни так и не представил доказательств, почему Оксфорд – человек безграничного тщеславия – решил скрыть свое имя. Почему он довольствовался тем, что подарил миру ординарные пьесы и стихотворения среднего качества под своим именем, а достигнув средних лет и став гением, предпочел быть анонимным автором? Луни написал по этому поводу лишь одну фразу: «Это тем не менее его личное решение, нас это не касается». Действительно, если мы поверим тому, что автор – Оксфорд, это наше личное решение. Оно должно быть личным делом каждого.

Проблемы с Оксфордом на этом не закончились. Еще надо было решить историю двух посвящений к двум эпическим поэмам. Когда была написана поэма «Венера и Адонис», Оксфорду было сорок четыре года, он был наставником Саутгемптона, тогда еще совсем юного. Угоднический тон посвящения, автор которого приносит свои извинения за «избрание столь сильной

опоры, когда (его) ноша столь легковесна», и клянется «посвятить все свое свободное время и неустанно работать до тех пор, пока не (создаст) в честь Вашей милости какое-нибудь более серьезное творение», вряд ли можно было ожидать от надменного аристократа, который старше адресата, – а именно таким был Оксфорд. Еще непонятно, почему вдруг Оксфорд, патрон собственной труппы «Слуги графа Оксфорда», написал свою лучшую поэму для труппы-конкурента «Слуги лорда-камергера». К тому же в наличии проблема толкования многих отсылок в других произведениях, указывающих на авторство Шекспира, – к примеру, игра слов в сонете, которая строится на имени и фамилии Анны Хетевэй. Получается, что граф Оксфорд был изощренным притворщиком, если позволил себе каламбур по поводу супруги своего подставного лица в своих сочинениях.

Но самое уязвимое место в теории, согласно которой Оксфорд писал за Шекспира, заключается в том непреложном факте, что Эдуард де Вер умер в 1604 году, а к тому времени многие пьесы Шекспира еще и не появились – многие даже не были написаны. Не стоит забывать, что в них отражены события, произошедшие гораздо позже. К примеру, «Буря» написана под впечатлением от кораблекрушения на Бермудах, описанного в 1609 году Уильямом Стрэчи. В «Макбете» мы находим отклик на Пороховой заговор, который произошел после смерти Оксфорда.

Оксфордианцы (а их много и по сей день) считают, что де Вер оставил рукописи, которые в разные годы были обнаружены под именем Шекспира, или

же даты на них стоят неверные и сочинения увидели свет до того, как Оксфорд испустил дух. Что же касается отражения в пьесах событий, которые происходили бесспорно после кончины Оксфорда, то «дополнения» внесли, без сомнения, другие. «Другие» должны были быть, в противном случае мы вынуждены признать, что Оксфорд не писал эти пьесы.

Несмотря на явные недостатки книги Луни – как в плане аргументации, так и в плане научной ценности исследования, – она была благосклонно принята на удивление большим количеством людей. Лауреат Нобелевской премии англичанин Джон Голсуорси одобрительно отозвался о ней, равно как и Зигмунд Фрейд (хотя у Фрейда впоследствии родилась другая теория: Шекспир был французского происхождения, а настоящее его имя – Жак Пьер; любопытная, но абсолютно никем и ничем не подтвержденная гипотеза). В США убежденным оксфордianцем стал профессор Л.П. Бенедзет из Дармутского колледжа. Именно он изобрел версию, что актер Шекспир был внебрачным сыном де Вера. Орсон Уэллс стал горячим поклонником этой версии, а среди других сторонников – актер Дерек Джакоби.

Третьим – и на короткое время весьма популярным – кандидатом на шекспировское авторство был Кристофер Марло. Он подходил по возрасту (был всего на два месяца старше Шекспира), был так же талантлив и после 1593 года, без сомнения, располагал свободным временем, если не принимать во внимание, что он в том году отошел в мир иной. По этой версии Марло не умер, его смерть – просто чья-то выдумка, следующие двадцать лет он жил в уединении в Кенте

или Италии (каждый волен выбирать географическую точку), но при любых вариантах его опекал наставник (и не исключено, что и любовник) Томас Уолсингем. В эти годы он и написал скоростным методом все сочинения за Шекспира.

Застрельщиком этой версии был нью-йоркский журналист Кальвин Гофман, который получил разрешение в 1956 году вскрыть могилу Уолсингема: он хотел найти там рукописи и письма, которые послужили бы доказательством его точки зрения. Он так там ничего и не нашел, даже бранных останков самого Уолсингема, который, как потом выяснилось, был похоронен в другом месте. Однако он умудрился написать бестселлер на материалах этих своих «изысканий» – «Убийство человека, который был “Шекспиром”», о котором еженедельник «Таймс литературы саплмент» отозвался как о «пустой болтовне». Большая часть истории Гофмана притягивала читателя коварным, сбивающим с толку очарованием. Помимо всего прочего он утверждал, что инициалы «М-р У.Х.», стоящие на титульном листе сонетов, расшифровываются ни много ни мало как «М-р Уолсинг-Хем». Несмотря на явную неубедительность истории Гофмана и тот факт, что о ней очень скоро все забыли, декан и настоятель Вестминстерского аббатства совершил крайне удивительный поступок: он поставил вопросительный знак возле года смерти Марло на новом памятнике в Уголке поэтов.

И по-прежнему список двойников Шекспира продолжает расти. Еще одним кандидатом стала Мэри Сидни, графиня Пембрук. Сторонники этой точки зрения – их совсем мало, надо признать, – утверждают,

что при таком объяснении становится понятно, почему Первое фолио было посвящено графу Пембруку и графу Монтгомери. Они были ее сыновьями. Графиня, напоминали нам, владела именьями на Эйвоне, а на гребне ее шлема изображен лебедь – отсюда слова Бена Джонсона о «сладостном лебеде Эйвона». Слов нет, Мэри Сидни весьма привлекательная фигура для подобной роли. Она была красивой, образованной, у нее были отменные родственные связи: ее дядей был Роберт Дадли, граф Лестер, а братом – поэт и патрон поэтов сэр Филип Сидни. Долгие годы она вращалась в литературных кругах, ближе всех была знакома с Эдмундом Спенсером¹²⁵, посвятившим ей свою поэму. Но о ее знакомстве с Шекспиром нам ничего не известно, поскольку все перечисленное не дает основания связывать ее имя с ним.

Согласно еще одной теории, Шекспир был слишком яркой многогранной творческой личностью, чтобы все его таланты умещались в одном человеке; на самом деле это целый синдикат созвездий талантов, в который входят практически все упомянутые нами лица – Бэкон, графиня Пембрук, сэр Филип Сидни плюс сэр Уолтер Рэли и еще кое-кто. К сожалению, у этой теории не только нет никаких доказательств, но она окружена невероятным заговором молчания.

И наконец, стоит упомянуть доктора Артура Титерли, декана факультета науки в Ливерпульском университете, который в течение тридцати лет посвящал все свое свободное время поиску доказательств его гипотезы (в сущности, он этим занимался лишь для собственного удовлетворения). Согласно этой теории,

Шекспиром был Уильям Стэнли, шестой граф Дерби. А на круг на роль Шекспира было предложено более пятидесяти кандидатов.

Единственное, что объединяет эти соперничающие между собой теории, – убежденность, что Уильям Шекспир по той или иной причине не подходит в авторы его замечательных пьес. Это просто чудно. Надеюсь, я доказал, что Шекспир рос не в отсталой, неграмотной семье или его воспитанием просто не занимались. Его отец был мэром крупного города. В любом случае, это не единственный случай, когда кто-то получил довольно скромное образование и воспитание, а затем совершенствовался. У Шекспира не было университетского образования, это точно, но и у Бена Джонсона его не было – а он был гораздо более интеллектуальным драматургом, – но никто никогда не считал, что Джонсон не реальное лицо, а подставное.

Действительно, Уильям Шекспир владел как высоким штилем, так и языком простолоудинов: его образная речь отражает его деревенское происхождение. Джонатан Бэйт цитирует четверостишие из «Цимбелина»:

ГВИДЕРИЙ:

*Не страишь впредь солнца в зной,
Ни жестоких зимних вьюг:
Завершил ты труд земной,
На покой ушел ты, друг.
Светлый отрок ли в кудрях,
Трубочист ли, – завтра – прах.*

Перевод А. Курошевой¹²⁶

Эти строки приобретают особый дополнительный смысл, если читатель знает, что в Уорвикшире в шестнадцатом веке цветущий одуванчик называли золотистым парнем, а того, кто раздувает его семена, – трубочистом. Кто скорее употребил бы эти сравнения – придворный благородного происхождения и воспитания или выходец из деревенской глубинки? Точно так же когда Фальстаф говорит, что мальчишкой он был таким маленьким, что мог пробраться «через согнутый кольцом палец олдермена», мы вправе задаться вопросом: такой образ мог возникнуть в голове аристократа или сына олдермена?

На самом деле отрочество в Стратфорде отражено во всех его текстах. Начнем с того, что Шекспир знал, в каких норах прячется какой зверь, как он туда забирается и как вылезает. В его сочинениях часто встречаются упоминания секретов дубильного ремесла: как гнуть шкуру, смазывать жиром, очищать маслом и тому подобное, о чем обычно говорят мастера по коже, а не благородные господа. Он знал, что струны для лютни делают из коровьих кишок, а тетиву для лука – из лошадиного волоса. Смог бы Оксфорд или любой другой кандидат превратить эти подробности в поэтические образы?

Шекспир, на наш взгляд, не стыдился своего деревенского происхождения, и ничто в его творчестве, по словам Стивена Гринблата, не говорит о том, что он стремился «отказаться от своего прошлого или выдать себя за кого-то другого». Частично по той причине, что Шекспир упорно употреблял в своем творчестве провинциализмы, его высмеивали Роберт Грин и подобные ему. Он казался им забавным.

Любопытная деталь сочинений Шекспира – он очень редко употреблял слово «также». Это слово можно встретить всего тридцать шесть раз в его пьесах, почти всегда – в репликах его комедийных персонажей, чьи вычурные фразы должны рассмешить слушателя или читателя. Это слово он считал странным, хотя ни один писатель шекспировской эпохи не остерегался его. Бэкон иногда употреблял слово «также» столько раз на одной странице, сколько Шекспир – во всех своих сочинениях. Всего один раз он использовал слово “mought” вместо “might” (мощь, сила, могущество). А другие употребляли его постоянно. Обычно он употреблял слово “hath” вместо “has” – имеет. Обычно он писал “doth”, но в одном случае из четырех – “dost”, а еще реже использовал современную форму “does” (3-е лицо единств. числа от “do”) – делает. Почти всегда он писал “brethren”, а случайно (один раз в восьми случаях) – “brothers” (братья).

Подобные отличительные привычки составляют так называемый личный идиолект, а идиолект Шекспира, как и следовало ожидать, ни на чей другой не похож. Можно допустить, что Оксфорд или Бэкон прибегали к речевым особенностям при создании какого-нибудь персонажа, но есть все основания задуматься: кто-то из них считал столь тщательный камуфляж необходимым?

Короче говоря, если подойти к этой проблеме под каким-то неожиданным углом зрения, с учетом особенностей времени, таланта и мотивации оставаться анонимным, можно найти претендентов на авторство пьес Шекспира. Но ни один автор таких теорий не предпринял ни малейшей попытки представить хотя

бы какое-то, пусть мизерное, доказательство того, что этот факт имел место. Писавшие за Шекспира люди должны были обладать невероятной силой талантом – создавать в свободное время величайшие произведения английской литературы, заставляя свой голос звучать совсем по-иному, изменив его столь хитроумно, что на протяжении своей жизни и еще четырехсот лет каждому из них удавалось всех обманывать. Граф Оксфорд оказался и того умнее – предвидел свою смерть и оставил про запас столько рукописей, что их хватало на то, чтобы потом доброты выдавали их за новые пьесы, причем такого же отличного качества. И так длилось, пока спустя десятилетие или около того Шекспир сам не собрался в мир иной. Вот это *подлинный гений!*

Если это была конспирация, то поистине очень уж необычная. В процессе были задействованы Джонсон, Хемингс и Конделл, а также все или почти все члены труппы Шекспира, а еще неизвестные нам друзья поэта и его родственники. Бен Джонсон не раскрывал секрета даже в своих записных книжках. «Помню, – писал он, – как актеры часто ставили в заслугу Шекспиру то, что в своих произведениях (во всем, что вышло из-под его пера) он никогда не вычеркнул ни одной строки. У меня на это был всегда один ответ: “Да хоть бы он вычеркнул тысячу”. Мои заверения воспринимались как злонамеренные. Я не стал бы говорить это для потомков, если бы не невежество тех, кто вменял ему это в заслугу, тогда как подобная черта достойна была наибольшего порицания». Довольно странное замечание для воспоминаний, написанных спустя более дюжины лет после кончины того, о ком пишет автор, если он знал, что

Шекспир не создавал этих пьес. В том же абзаце он замечает: «В оправдание своей собственной непредвзятости, скажу, что я любил этого человека и чту его память в равной мере, как и любой другой».

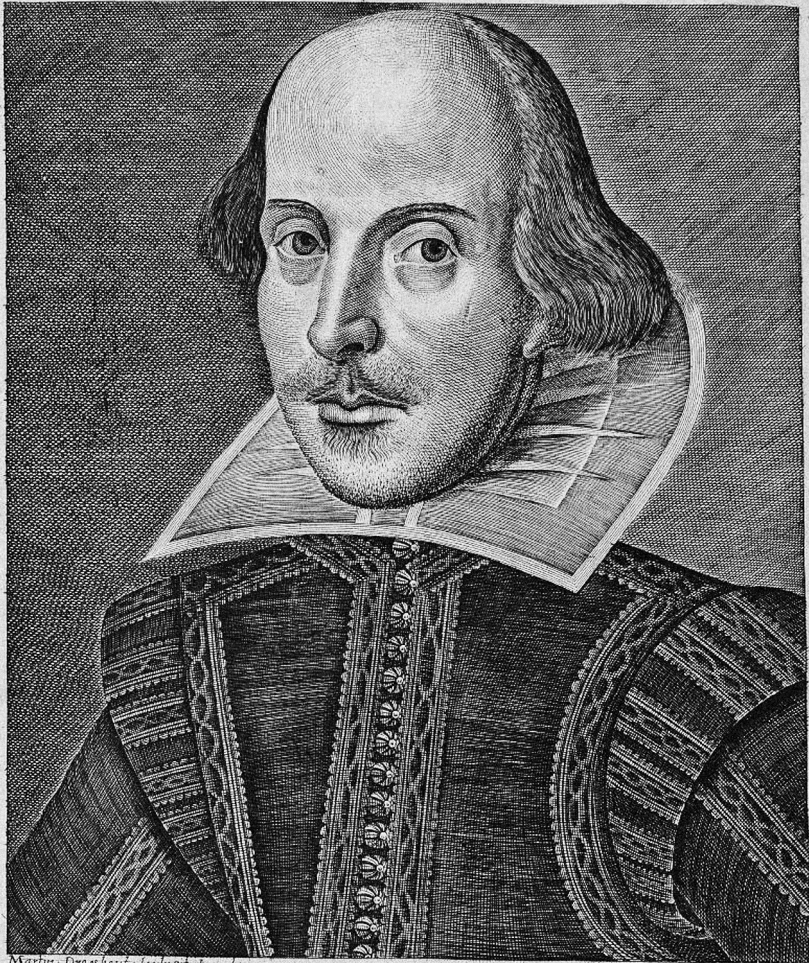
Эти слова свидетельствуют, на чьей стороне в легенде о Шекспире был Джонсон. Нам неизвестны факты, говорящие о том, что Оксфорд, Марло или Бэкон были в курсе подобных теорий. Итак, мы можем поздравить изобретательных энтузиастов-антистратфордианцев, ибо в случае, если правда на их стороне, они открыли величайшую литературную подтасовку, равной которой в истории нет, не заручившись за четыреста лет после того, как она была совершена, какими бы то ни было доказательствами!

Когда мы размышляем о творчестве Уильяма Шекспира, нас, безусловно, приводит в изумление тот факт, что одному человеку было под силу создать такие великолепные, мудрые, разнообразные, волнующие, восхитительные творения, но это знак гения! Лишь одному человеку дано было обстоятельствами и талантами подарить нам эти несравненные творения, и этот человек – Уильям Шекспир из Стратфорда, кто бы он ни был.

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES

COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

Martin Droeshout. sculpsit. Londini.

LONDON
Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623.

Примечания

Глава первая

В поисках Уильяма Шекспира

1. *Ричард Плантагенет Темпл Ньюгент Бриджли Чандос Гренвилль, второй герцог Букингемский и Чандосский – Плантагенеты* – династия английских королей, правившая Англией с 1154-го по 1399 годы. Родоначальником династии Плантагенетов был Готфрид Красивый, граф Анжуйский, прозванный Плантагенетом от обыкновения украшать свой шлем веткой дрока (*planta-genista*). Генрих I Английский отдал свою дочь Матильду замуж за Готфрида. От этого брака родился в 1133 году Генрих, ставший после смерти Стефана английским королем, основателем династии Плантагенетов. Она дала Англии восемь королей: Генриха II (1154–1189), Ричарда I (1189–1199), Иоанна Безземельного (1199–1216), Генриха III (1216–1272), Эдуарда I (1272–

1307), Эдуарда II (1307–1327), Эдуарда III (1327–1377) и Ричарда II (1377–1399). Последовавшая за Плантагенетами Ланкастерская династия была ветвью того же дома; отец первого короля из этой династии, Генриха IV – Иоанн Гентский – был третьим сыном Эдуарда III, но ближайшее право на престол имел Эдмонд Мортимер, потомок Лионеля Кларенского, второго сына Эдуарда III. Точно так же принадлежала к роду Плантагенетов и династия Йоркская, происходившая по мужской линии от четвертого сына Эдуарда III, Эдмунда.

Прадед Ричарда – сэра Джон Чандос (John Chandos; погиб в 1369 году), виконт Сен-Совер-ле-Виконт в Котантен, констебль Аквитании, сенешаль Пуатье, кавалер Ордена Подвязки (1348), прославленный средневековый английский рыцарь, полководец и придворный. Был описан Артуром Конан Дойлем в романах «Сэр Найджел Лоринг» и «Белый отряд». Был близким другом Черного Принца. Чандос был вдохновителем трех наиболее важных английских побед Столетней войны: в битвах при Кресси, Пуатье и Оре.

2. *Хлебные законы* в Великобритании, общее название законов, регулировавших в XV–XIX вв. ввоз и вывоз зерна и других продуктов земледелия (в основном путем введения высоких ввозных и низких вывозных пошлин). В совокупности Хлебные законы вели к сокращению сельскохозяйственных продуктов на внутреннем рынке и повышению цен на них, что отвечало интере-

- сам крупных землевладельцев и содействовало сохранению системы лендлордизма
3. *Гинейя* (Guinea) – монета, бывшая в употреблении в Великобритании; выплавлялась из золота, ввозимого из Гвинеи. Она имела разные стоимости с момента ее выпуска в 1663 году; на протяжении почти всего XVIII века гинейя равнялась 21 шиллингу. Монета сохранилась и после того, как в 1817 году ее заменил соверен, но не как монета, а как стоимость 21 шиллинга для оплаты за некоторые профессиональные услуги до 1971 года, когда начался переход к десятичной денежной системе.
 4. *Чандосский портрет Шекспира* создан в начале XVII века. Считается, что его первым владельцем был Уильям Давенант, затем Томас Беттертон, впоследствии портрет принадлежал герцогам Чандосским. Возможно, это подлинное изображение Шекспира.
 5. *Шенбаум Сэмюель* (Schoenbaum Samuel; 1927–1996) – автор всеобъемлющего исследования материалов о жизни и творчестве Шекспира – «Биография Шекспира» и «Уильям Шекспир: Жизнеописание в документах».
 6. *Дрейк Фрэнсис* (Drake Francis; около 1540–1596) – первый британский кругосветный мореплаватель, один из пиратов королевы Елизаветы (с 1572 года), сэр (1580), член английского парламента (1583), вице-адмирал (1588), национальный герой Великобритании. В конце 1577 года на 5 кораблях отплыл к западному берегу Южной

Америки грабить испанские галеоны и портовые города. В Тихий океан вышел через Магелланов пролив (сентябрь 1578 года). Шторм, раскидавший суда, отбросил флагман «Золотая лань» далеко к Югу, в результате Дрейк открыл (вторично – после испанца Ф. Осеса) пролив Дрейка. В сентябре 1580 года завершил кругосветное плавание (второе – после Ф. Магеллана) и стал первым в мире капитаном, обогнувшим Землю за один непрерывный морской поход. В 1588 году командовал эскадрой объединенного англо-голландского флота, разгромившего Непобедимую Армаду.

7. *Рэли (Рейли) Уолтер* (Raleigh Walter; около 1552–1618) – английский мореплаватель, организатор пиратских экспедиций, поэт, драматург, историк. В 80-е годы XVI века – фаворит королевы Елизаветы I, безуспешно пытался основать английскую колонию в Северной Америке. Один из руководителей разгрома испанской Непобедимой Армады (1588). Обвиненный в заговоре против Иакова I, заключен в Тауэр (1604–1616). Казнен после неудачной экспедиции в Северную Америку.
8. *Дройсхут Мартин* (Droeshout Martin; около 1601–1650) – автор гравированного портрета Шекспира. Ему было всего пятнадцать лет, когда умер Шекспир, поэтому, скорее всего, гравюра была сделана с неизвестного рисунка. Тем не менее, помимо бюста на монументе, это единственное изображение Шекспира, которое имеет право считаться подлинным.

9. *Джонсон Бен* (Jonson Ben, полное имя – Benjamin; около 1573–1637) – английский поэт и один из трех крупнейших – наряду с Шекспиром и Марло – драматургов елизаветинской эпохи. Родился предположительно 11 июня 1573 года в Лондоне или Вестминстере, однако записей о его рождении и крещении не сохранилось. Окончив Вестминстерскую школу, Джонсон сменил профессии каменщика, солдата и актера и, естественно, занялся сочинением пьес. Не очень много известно и о его актерской деятельности. Считается, что он не имел успеха, но это мнение основано лишь на том, что он вскоре перестал играть и начал писать для театра. Самым богатым событием в биографии Джонсона и едва не стоившим ему жизни стал 1598 год. В конце 1597-го или начале 1598 года была поставлена первая из его сохранившихся пьес – «Обстоятельства переменялись». За ней последовала комедия «Всяк в своем нраве». Это была первая из девяти пьес Джонсона, поставленных труппой лорда-камергера (впоследствии – труппой «Слуги Его Величества короля»). В главных ролях были заняты Р. Бербедрж (около 1567–1619) и У. Шекспир. 22 сентября Джонсон убил рапирой Г. Спенсера, вместе с которым годом раньше сидел в тюрьме за «Собачий остров». В архиве Мидлсекской тюрьмы за октябрь 1598 года есть запись о том, что Джонсону выжгли клеймо «Тайберн Т.» («Тайбернское дерево»); Тайберн – место публичной казни в Лондоне). Вслед за Д. Драйденом принято считать,

что после «Варфоломеевской ярмарки» начался закат драматического таланта Джонсона, но этого нельзя сказать о его поэтическом даре, раскрывающемся в полную силу в стихотворном панегирике «Памяти любимого друга, сочинителя Уильяма Шекспира», который был включен в изданное в 1623 году при участии Джонсона Первое фолио Шекспира. Со смертью короля Якова в 1625 году в жизни Джонсона начался долгий период лишений: его осаждали кредиторы, к тому же разбил паралич; король Карл был к нему равнодушен. Умер Джонсон 6 августа 1637 года, похоронен на Вестминстерском кладбище; надпись на могиле гласит: «О, несравненный Бен Джонсон».

10. *Янссен Герарт* (Gheerart Janssen; 1600–1623) – сын голландского скульптора, эмигрировавшего из Амстердама в Лондон около 1567 года. Семье принадлежала мастерская в лондонском районе Саутварк, где Герарт изваял монумент Шекспира.
11. Название театра «Глобус» (*The Globe [Theatre]*), как правило, связывают с одним из трех театров в Лондоне. Первоначальный театр «Глобус» был построен в 1599 году с использованием деревянных конструкций более раннего театра (первого общедоступного лондонского театра), называвшегося просто «Театр», который был построен отцом Ричарда Бербеда, Джеймсом Бербедем, в Шордиче в 1576 году. Бербеда первоначально арендовали место, на котором был построен «Театр», на 21 год. В 1598 году владелец земли, на которой располагался «Театр», повысил арен-

дную плату. Бербеджи демонтировали «Театр» балка за балкой и перевезли его к Темзе, и там он был собран вновь уже как «Глобус». В июле 1613 года театр «Глобус» сгорел во время спектакля «Генрих VIII». Был восстановлен в июне 1614 года (когда Шекспир уже уехал из Лондона в Стратфорд) и просуществовал до 1642 года. Современное (воссозданное по описаниям и найденным при раскопках остаткам фундамента) здание театра «Глобус» открыто в 1997 году. Здание восстановлено на расстоянии около 200 метров от места первоначального расположения театра.

12. *Мэлоун Эдмунд* (Malone Edmond, 1741–1812) – ирландский ученый, составитель сочинений Шекспира.
13. *Стивенс Джордж* (Steevens George; 1736–1800) – английский исследователь, выпустивший собрание двадцати пьес Шекспира в 1766 году, а также Полное собрание сочинений, в основу которого легло издание доктора Джонсона. Это собрание сочинений, снабженное собственными комментариями Стивенса, вышло в 1773 году (переиздано в 1778 году и затем Исааком Ридом в 1785 году). В 1793 году Стивенс издал заключительное собрание сочинений Шекспира вскоре после выхода в свет издания Мэлоуна. Исследователь ценил значение изданий ин-кварти и был редким знатком елизаветинской литературы.
14. *Театр «Блэкфрайерс»* – заброшенный монастырь в лондонском районе Блэкфрайерс, время от времени служивший театральной площадкой для дет-

ских трупп. В 1608 году приобретен для «Слуг короля» (бывших «Слуг лорда-камергера»), которые использовали его для зимнего помещения. Это был крытый частный театр.

15. *Сперджен Каролайн* (Spurgeon Caroline; 1869–1941), автор книги «Образы Шекспира, и что они нам говорят» (1935), предприняла свое исследование с целью выявить посредством образов, применяемых поэтом, характер его личности, симпатии и антипатии, круг знаний, – словом, все то, что вольно или невольно выдавало индивидуальные особенности Шекспира. Собрав и классифицировав все образы в произведениях Шекспира, Сперджен пришла к выводам, которые были гораздо шире первоначальной задачи. Как раз то, что она пытается выдать за черты личности Шекспира, более всего может подвергнуться сомнению, но то, что Сперджен открыла в строе образов, является бесспорным. Предварительные результаты своих исследований Сперджен изложила в двух лекциях – «Лейтмотивы в образах трагедий Шекспира» (1930) и «Повторяющиеся образы у Шекспира» (1931).
16. Уильям Шекспир. Сонет 37. Перевод И. Фрадкина // Сонеты. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2004. С. 129.
17. Уильям Шекспир. Сонет 89. Перевод С. Степанова // Сонеты. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2004. С. 239.
18. *Деккер Томас* (Dekker Thomas; около 1572 – около 1632) – английский драматург, памфлетист, лири-

ческий поэт. О происхождении Деккера ничего не известно. Как драматург он впервые упоминается в 1598 году в связи с труппой «Слуги лорда-адмирала». Работал обычно в соавторстве с другими драматургами; большинство его пьес утрачено. Три наиболее известные драмы Деккера относятся к раннему периоду – фольклорно-лирическая пьеса «Старый Фортунат», «Праздник башмачника», принесшая ему самый крупный успех, и «Бич сатирика», веселая сатира на Б. Джонсона, которую ставили во время «войны театров».

19. *Джонс Иниго* (Jones Inigo; 1573–1652) – английский архитектор. Изучал архитектуру в Италии и Франции, в 1615–1643 годы – главный смотритель королевских зданий. Последователь Палладио, составил комментарии к его трактату (изданы в 1715 году). Джонс стремился освободить английскую архитектуру от средневековых пережитков и утвердить в ней принципы классического зодчества – ясность композиции и благородство пропорций. Составил проект ансамбля дворца Уайтхолл в Лондоне (осуществлен только Банкетный зал), построил виллу королевы в Гринвиче (1616–1635), центральную часть дворца Кобемхолл (Кент, 1620), выполнил интерьеры дворца Уилтонхаус (Уилтшир, около 1649–1652). Работал также как театральный художник.
20. *Кид Томас* (Kyd Thomas; 1558–1594) – английский драматург. В 1580-е годы начал переводить пьесы и писать собственные. В 1587–1593 годах состоял на службе у некоего аристократа, в 1591 году

снял квартиру на паях с Кристофером Марло. Два года позднее знакомство с Марло обернулось для Кида серьезными неприятностями. По подозрению в антигосударственной деятельности, к которому затем добавилось обвинение в атеизме, Кид был арестован и подвергнут пыткам. Вскоре он вышел на свободу, но, лишившийся состояния и сломленный духовно, прожил после этого не более года. Большая часть сочинений Кида утрачена или не поддается атрибуции.

21. *1642 год* – начало Гражданской войны в Англии.
22. *Джаггард Уильям* (Jaggard William, 1569–1623) – книгопечатник; совместно с сыном Айзеком (Исааком) (1595–1627) издал Первое фолио сочинений Шекспира (1623), а также (самостоятельно) «Страстного пилигрима» (1599). В 1619 году вместе с Томасом Пэвьером (Thomas Pavier) выпустил сборник из десяти шекспировских и псевдошекспировских пьес. Когда пьесы начали выходить в свет, лорд-камергер повелел Гильдии книгопечатников и издателей не перепечатывать пьесы труппы «Слуги короля» без разрешения актеров. Вероятно, по этой причине некоторые издания ложно датированы 1600 годом.
23. *Марло Кристофер* (Marlowe Christopher; 1564–1593) – английский поэт и крупнейший после Шекспира драматург елизаветинской эпохи. Родился в феврале 1564 года в Кентербери (графство Кент). Его отец, Джон Марло, по профессии сапожник, был почетным гражданином города. Получив степень магистра в кентерберийской

Королевской школе, Марло почти сразу отправился в Лондон, где вошел в первую в истории английской литературы группу профессиональных драматургов, за которыми закрепилось название «университетские умы» (Д. Лили, Т. Нэш, Р. Грин, Дж. Пил и Т. Лодж). Он привез в Лондон рукопись первой части трагедии «Тамерлан», написанной, вероятно, еще в Кембридже. Бурная личная жизнь Марло отразилась и в его произведениях. Несдержанный на язык, он нажил себе немало врагов. 30 мая 1593 года Марло был убит в драке в дептфордской таверне «Дейм Элеанор Булл» близ Лондона. Перед этим у него возникли неприятности с властями – его даже вызывали в Тайный совет. Возможно, причиной убийства послужила некая интрига, связанная с его секретной службой. Марло похоронен в дептфордской церкви Святого Николая. Самая известная, хотя и не лучшая, пьеса Марло «Тамерлан» (часть 1 – 1587, часть 2 – 1588) посвящена истории безвестного скифского пастуха, ставшего властелином мира. Первая английская трагедия, написанная блестящим, виртуозным белым стихом, «Тамерлан» ознаменовал начало нового периода в английской драме. Благодаря мощному драматизму, звучности стиха, поэтической изысканности пьеса имела оглушительный успех; поток цитат, подражаний и пародий не иссякал многие годы. Лучшим произведением Марло большинство критиков считает «Доктора Фауста». Это первая из двух великих драм, основанных на истории

реального лица – доктора Иоганна Фауста из Гейдельберга (в архивах Гейдельбергского университета есть запись о присуждении ему степени бакалавра в 1509 году), который, как гласит легенда, продал душу дьяволу. Источником пьесы Марло послужило народное немецкое произведение – «Книга о Фаусте», английский перевод которой вышел в 1592 году. Впрочем, некоторые данные свидетельствуют о том, что пьеса написана в 1588–1589 годах. В таком случае не знавшему немецкого Марло был доступен более ранний, не дошедший до нас перевод «Книги о Фаусте». И.В. Гете, использовавший тот же сюжет в своей трагедии «Фауст», очень высоко ставил пьесу своего английского предшественника. Влияние Марло на Шекспира уже давно не вызывает сомнений; подражания и реминисценции из его сочинений отмечены примерно в половине пьес и поэм Шекспира.

Глава вторая

Ранние годы, 1564–1585

24. *Елизавета I* (Elizabeth I) (1533–1603), королева Англии, способствовавшая созданию образа Золотого века, который, как принято считать, пришелся на ее правление. Елизавета родилась в Гринвичском дворце (ныне в Лондоне) 7 сентября 1533. Ее отцом был король Генрих VIII, а матерью – Анна Болейн, бывшая фрейлина первой

жены Генриха, Екатерины Арагонской. Елизавета взошла на престол 17 ноября 1558. Вопрос о новом церковном устройстве был поднят на заседании парламента, которое состоялось в январе 1559. Королева проявила готовность вновь отделить английскую Церковь от Рима и от папства, но в прочих отношениях желала действовать осторожно и в консервативном духе. Палата общин настаивала на проведении бескомпромиссной радикальной реформы. Сама королева предпочитала епископальную организацию Церкви и церковную службу, принятую в т.н. «высокой церкви». В конце концов был достигнут компромисс, известный как *via media* (лат. «средний путь»). Елизаветинские реформы определили характер Англиканской церкви вплоть до сегодняшнего дня, однако породили неудовольствие как католиков, так и протестантов. Государственные деятели и парламент были серьезно озабочены проблемой протестантского будущего страны, поскольку Елизавета была последней представительницей династии Тюдоров. Как собственный выбор, так и политические соображения привели к тому, что Елизавета осталась королевой-девственницей. Протестанты были полны решимости не допустить на престол католичку, шотландскую королеву Марию Стюарт, имевшую права на английскую корону. Елизавета осталась фактически в полном одиночестве, решив оставить в неопределенности вопрос о престолонаследии. Долголетнее, почти 45-летнее царствова-

- ние подтвердило ее правоту, но на первых порах упрямство королевы приводило к изъявлениям неудовольствия как со стороны ближайших советников, так и парламента, особенно в 1566 году.
25. *Хетевэй Анна* (Hathaway Anna, Shakespeare Anne; 1555 или 1556 – 1623) – жена Уильяма Шекспира. До нас дошло мало сведений о ней. Известно, что Уильям и Анна поженились в ноябре 1582 года, когда ему было 18 лет, а ей 26. В приходской книге епископа Вустерского сохранилась запись от 28 ноября 1582 года с поручительством двух свидетелей о законности брака между Шекспиром и Хетевэй. В момент брака Анна была беременна старшей дочерью Сюзанной, которая родилась в 1583 году (запись о крещении 26 мая того же года). В 1585 году Анна родила Уильяму близнецов – Гемнета и Джудит. Сын Гемнет умер в 11-летнем возрасте в 1596 году, а обе дочери пережили отца, как и сама Анна. В период с 1586-го по 1613 год Шекспир жил в Лондоне, жена его осталась в Стратфорде, лишь последние три года они вновь провели вместе. В свое завещание Шекспир включил знаменитое распоряжение оставить жене вторую по качеству кровать со всеми принадлежностями.
26. *Юлианский календарь* («старый стиль») – календарь, принятый в Европе и России до перехода на григорианский календарь. Введен в Римской республике Юлием Цезарем с 1 января 45 года до нашей эры, или 708 года от основания Рима. Поскольку в году не ровно 365 суток, а несколько

более, замысел состоял в учреждении високосного года: продолжительность каждого четвертого года устанавливалась в 366 дней. Цезарь пошел на установление года в 365 дней, начинающегося 1 января, для ограничения власти понтифика – верховного жреца, который устанавливал продолжительность года произвольно, удлиняя и укорачивая разные годы в личных целях. Александрийский астроном Созиген оценивал продолжительность года, то есть время между двумя днями весеннего равноденствия, в 365,25 суток. В реальности это число составляет 365,2422. Ошибка юлианского календаря в 11 мин 14 секунд в год к XVI веку привела к тому, что весеннее равноденствие приходилось не на 21 марта, а на 11-е. Смещение приводило к соответствию тех же дней года другим природным явлениям. Это пагубно сказывалось на планировании сельскохозяйственных работ, установлении дат ярмарок и так далее. Результатом явился переход на григорианский календарь («новый стиль»).

27. *Григорианский календарь* – система летоисчисления, введенная с 1582 года Римским Папой Григорием XIII вместо юлианского календаря. Григорианский календарь ввел «новый стиль» летоисчисления, отличающийся от юлианского стиля на 13 дней.
28. *Мария Тюдор* (Mary Tudor), Мария I (1516 – 1558), английская королева в 1553–1558, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Вступление Марии Тюдор на престол сопровождалось восстановле-

нием католицизма (1554) и католической реакцией, сопровождавшейся жестокими репрессиями против сторонников Реформации (отсюда ее прозвище Мария Кровавая). В 1554 вступила в брак с наследником испанского престола Филиппом (с 1556 король Филипп II), что привело к сближению с католической Испанией. В ходе войны против Франции (1557–1559), которую Мария Тюдор начала в союзе с Испанией, Англия в начале 1558 года лишилась Кале – последнего английского порта на континенте. Политика Марии Тюдор, шедшая вразрез с национальными интересами Англии, вызвала резкое недовольство нового дворянства и нарождавшейся буржуазии.

29. *Мария I* (урожденная Мария Стюарт, гэльск. *Màiri Stiùbhart*, англ. *Mary I Stuart*; 1542–1587) – королева Шотландии с младенчества, фактически правила с 1561 года до низложения в 1567 году, а также королева Франции в 1559–1560 годах (как супруга короля Франциска II) и претендентка на английский престол. Ее трагическая судьба, полная вполне «литературных» по драматизму поворотов и событий, привлекала писателей романтической и последующих эпох.

Мария Стюарт была дочерью короля Шотландии Иакова V и французской принцессы Марии де Гиз. Именно она ввела в употребление офранцуженное написание имени династии *Stuart*, вместо ранее принятого *Stewart*. Спустя 6 дней после ее рождения умер ее отец, король Яков V, не вынесший унижительного поражения шотландцев при

Солуэй-Моссе и недавних смертей двух его сыновей. Кроме Марии у короля не осталось законных детей, а поскольку к этому времени в живых уже не было никого из прямых потомков по мужской линии первого короля из династии Стюартов Роберта II, Мария Стюарт была провозглашена королевой Шотландии. Правление Марии де Гиз ознаменовалось усилением французского влияния в Шотландии. Французские войска были размещены в шотландских крепостях, в королевской администрации доминировали выходцы из Франции. 24 апреля 1558 года в Соборе Парижской Богоматери состоялась свадьба Марии Стюарт и дофина Франциска. Секретным приложением к брачному контракту королева передавала Шотландию королю Франции в случае отсутствия детей от этого брака.

Такая политика не могла не вызвать недовольство большей части шотландской аристократии. В то же время распространение протестантизма окончательно раскололо шотландское общество. Положение усугубилось восшествием на престол Англии в конце 1558 года королевы Елизаветы I, которая начала оказывать поддержку шотландским протестантам. Елизавета I по каноническому праву римско-католической Церкви считалась незаконнорожденной, поэтому Мария Стюарт, приходившаяся правнучкой королю Англии Генриху VII Тюдору, имела право на английский престол. Однако Мария и ее советчики выбирают нечто среднее: юная королева не препятствует

своей кузине Елизавете быть признанной законной королевой, но и не отказывается от своих претензий на корону. На гербе Франциска и Марии появляется английская корона. Это решение Марии, принятое словно с целью подразнить Елизавету, стало роковым: у Шотландии не было сил отстоять ее права на английский престол, а отношения с Англией были безнадежно испорчены. 24 июля 1566 года Мария Стюарт подписала отречение от престола в пользу своего сына Иакова VI. Мария бежала в Англию, где обратилась за поддержкой к королеве Елизавете I. Первоначально Елизавета I пообещала помощь Марии, однако она была далека от идеи военной интервенции, которой грозили сторонники ее конкурентки в борьбе за английский престол. Марию поселили и держали под наблюдением в Шеффилдском замке. Нельзя сказать, что условия заключения Марии Стюарт отличались суровостью: у нее был значительный штат прислуги, на содержание королевы Англией и Францией выделялись крупные денежные средства. Однако она была отрезана от своих друзей в Шотландии и медленно старела в одиночестве. Мария не переставала интриговать против Елизаветы I, завязав секретную переписку с европейскими державами, однако реального участия в восстаниях против английской королевы она не принимала. Тем не менее имя Марии Стюарт, законной правнучки короля Генриха VII Английского, активно использовалось заговорщиками

против Елизаветы I. Однако заговор был раскрыт, и переписка попала в руки английской королевы. Мария Стюарт предстала перед судом и была приговорена к казни. 8 февраля 1587 года Мария Стюарт была обезглавлена в замке Фотерингей. Королева была похоронена в соборе Питерборо, а в 1612 году по приказу ее сына Якова, который стал королем Англии после смерти Елизаветы I, останки Марии Стюарт были перенесены в Вестминстерское аббатство, где были захоронены в непосредственной близости от могилы ее вечной соперницы королевы Елизаветы.

30. *Непобедимая Армада* (*исп.* Armada Invencible), или Великая и славнейшая армада (*исп.* Grande y Felicísima Armada), – крупный военный флот (около 130 кораблей), собранный Испанией в 1586–1588 годах для вторжения в Англию во время англо-испанской войны (1587–1604). Поход Армады состоялся в мае–сентябре 1588 года под командованием Алонсо Переса де Гусмана, герцога Медина-Сидония.

Непобедимая Армада была потрепана англо-голландским флотом, состоящим из легких и маневренных кораблей, которым командовал Чарльз Говард, в серии боев, завершившихся Гравелинским сражением. В них отличились «пираты Елизаветы», самый известный из которых – Фрэнсис Дрейк. Сражения длились две недели. Армада не сумела перегруппироваться и ушла к северу, отказавшись от вторжения, причем английский флот следовал за ней на некотором отдалении,

идя вдоль восточного побережья Англии. Возвращение в Испанию было трудным: Армада пошла через северную Атлантику, вдоль западного побережья Ирландии. В результате сильных штормов многие суда были выброшены на северное и западное побережье этого острова. В ходе экспедиции было потеряно более 60 кораблей (причем только 7 из них – боевые потери). Испанский монарх Филипп II считал своим долгом помочь английским католикам в их борьбе с протестантами. Поэтому на палубах Непобедимой Армады было собрано почти 180 священников и духовников. Даже во время вербовки каждый солдат и матрос должен был исповедаться перед священником и причаститься. Религиозные настроения испанского короля и его подданных отражены в словах выдающегося иезуита Педро де Рибаденейры: «Нас поведет сам Господь Бог, чье дело и святейшую веру мы защищаем, а с таким Капитаном нам нечего бояться». Англичане со своей стороны тоже питали надежду на решающую победу, которая открыла бы Англии путь для свободного пользования морем, сломала монополию Испании на торговлю с Новым Светом, а также способствовала бы распространению протестантской мысли в Европе.

31. *Благороднейший орден Подвязки* (The Most Noble Order of the Garter) – высший рыцарский орден Великобритании. Является одним из старейших орденов в мире. Всего по уставу рыцарей ордена Подвязки не может быть больше 24 человек,

помимо монарха, принца Уэльского, членов королевской семьи и иностранных монархов. По уставу монарх лично выбирает 24 члена ордена, не консультируясь с министрами. Другие члены королевской семьи и иностранные монархи, как правило, становятся младшими членами ордена. По мере ухода из жизни старых орденосцев монарх награждает новых. Обычно его решение становится достоянием общественности 23 апреля, в день Святого Георгия. В июне новоизбранные рыцари и дамы участвуют в процессии в Виндзорской крепости, где им вручается церемониальная подвязка и звезда – символ ордена. Учрежден королем Эдуардом III 23 апреля 1348 года во славу Бога, Пресвятой Девы и св. мученика Георгия, покровителя Англии, с целью «соединить некоторое число достойных лиц для совершения добрых дел и оживления военного духа».

Глава третья

Потерянные годы, 1585–1592

32. *Стоу Джон* (Stow John, ок. 1525–1605) – английский историк и антиквар. Его отец, Томас Стоу, работал в компании, торгующей сальными свечами. Доход его отца был чуть больше 6 шиллингов в год, поэтому в детстве Стоу каждое утро помогал доить коров на ферме, принадлежащей женскому монастырю Minories. В конце концов Джон пошел учиться на портного, не последо-

вав по следам отца в торговле. В 1547 году Джон был приглашен в качестве портного в Worshipful Company of Merchant Taylors и через год начал собственное дело в доме недалеко от колодца у восточных ворот лондонской стены Олдгейт. В 1570-х годах он переехал в здание, находившееся на территории прихода Святого Андрея, на Лайм-стрит, где и прожил до своей кончины. Автор нескольких исторических трудов.

33. *Грин Роберт* (Greene Robert; 1558–1592) – английский поэт, прозаик и драматург, один из драматургов, предшествовавших Шекспиру, и его заклятый враг. Закончив Кембриджский университет, Грин одним из первых в Англии стал зарабатывать на жизнь литературным трудом. Обладатель весьма скромного дарования, он обрел популярность благодаря романам, памфлетам и драмам. Вел беспорядочный образ жизни, часто нуждался. Умер Грин в Лондоне 3 сентября 1592 года.
34. *Рен Кристофер* (Wren Christopher; 1632–1723) – английский архитектор и ученый, изучал математику в Оксфордском университете. С 1657 года – профессор астрономии в Лондоне, с 1661 года – в Оксфорде. В 1681–1683 годах – президент Лондонского королевского общества. Обратившись с 1660-х годов к архитектуре, стал крупнейшим представителем английского классицизма. План реконструкции Лондона, составленный Реном после пожара 1666 года, не был осуществлен, но зодчий построил в Сити многочисленные жилые дома, а также церкви.

35. *Ивлин Джон* (Evelyn John; 1620–1706) – английский писатель, садовод и мемуарист, коллекционер.
36. *Грешем, сэр Томас* (Gresham, Sir Thomas; около 1519–1579) – торговец сукном, финансист, дипломат, основатель Королевской биржи и Королевского общества. Особенно отличился в ходе финансовых переговоров по предоставлению займов английскому правительству в Антверпене (1551). Сотрудничал с Уильямом Сесилом.
37. *Mall* – торговая галерея, пассаж (английский, американский). В настоящее время в русском языке распространено употребление кальки – молл.
38. *Холл Джон* (Hall John; 1575–1635). В 1589 году поступил в Королевский колледж в Кембридже. В 1593 году получил степень бакалавра, в 1597 году – магистра. Изучал медицину во Франции; около 1600 года обосновался в Стратфорде-на-Эйвоне. 5 июня 1607 года обвенчался со старшей дочерью Шекспира Сюзанной. Их дочь Элизабет крестили 21 февраля 1608 года. Холл был незаурядным врачом. В 1626 году его оштрафовали на 10 фунтов за отказ принять рыцарское звание от Карла I. Один из его медицинских дневников (на латыни) был переведен и опубликован в 1657 году под заголовком «Избранные заметки о телах англичан». Холл был набожным христианином и сторонником пуританства; он подарил церкви Святой Троицы деревянную кафедру, украшенную резьбой, а также выполнял обязанности церковного старосты.

39. *Уинтрон Джон* (1588–1649) – теолог-конгрегационалист, религиозный и политический деятель. Из английской семьи богатых землевладельцев. Получил образование в Кембридже и занимался юридической практикой. Участвовал в парламентской оппозиции. Будучи ревностным пуританином, считавшим своим долгом перед Богом противостояние католической экспансии в Северной Америке, Уинтрон организовал большую переселенческую экспедицию протестантов в Новую Англию. Здесь была основана Массачусетская колония, губернатором которой стал Уинтрон.
40. *Галлон* – английская мера весов жидкости, равна 4,54 литров.
41. *Пинта* – 1/8 галлона.
42. *Обри Джон* (Aubrey John; 1626–1697). В его посмертно опубликованных «Кратких жизнеописаниях» есть разные сведения о Шекспире. Некоторые из них принадлежат Уильяму Бистону, сыну Кристофера – актера, игравшего в труппе Шекспира. Он отзывался о драматурге как о «красивом, хорошо сложенном мужчине и отличном собеседнике, у которого всегда найдется приятная острота», и говорит, что Шекспир «вызывал у него особое восхищение, поскольку не был заводилой... не был охотником до разгульной жизни и, даже когда его приглашали, сказывался больным». Именно Обри утверждал, что Шекспир «в молодые годы был деревенским учителем». Ему же принадлежит предположение

о том, что Уильям Давенант был родным сыном Шекспира.

43. *Парсонс Роберт*, настоящее имя – Персонс Роберт (Persons Robert; 1546–1610) – английский католический священник, иезуит, писатель и публицист. Один из самых выдающихся английских католических мыслителей постреформационной эпохи. Роберт Парсонс родился в семье протестантов-йоменов, промышлявших кузнечным ремеслом. При помощи местного священника Иоанна Хейворда Парсонс был отправлен на обучение в 1562 году в колледж Святой Марии в Оксфорде. Окончив учебу с отличием, в 1568 году стал преподавать в Бейлиол-колледже. 13 февраля 1574 года Роберт был вынужден уйти в отставку из-за своих католических убеждений. Находясь за границей, достаточно много общался с иезуитом Уильямом Гудом, под влиянием которого вступил в монашеский орден иезуитов в Риме 3 июля 1575 года. Роберт Парсонс сопровождал Эдмунда Кэмпiona, позднее канонизированного Католической церковью как мученик, в его миссии по оказанию помощи английским католикам в 1578 году.
44. *Кэмпion Эдмунд, святой* (Campion Edmund, St; 1540–1581) – английский ученый-иезуит и католический мученик. Был посвящен в сан в англиканской церкви в 1568 году, но в 1571 году покинул Англию и уехал в Дуэ, Нидерланды, где примкнул к римско-католической церкви; два года спустя в Риме стал иезуитом. В 1580 году

участвовал в 1-й тайной иезуитской миссии в Англию. Хотя Кэмптон заявил, что прибыл только с целью обучать католическую общину и руководить ею, его арестовали, пытали и казнили за измену.

45. *Пороховой заговор* (Gunpowder Plot) 1605 года – неудачная попытка группы английских католиков взорвать здание парламента с целью уничтожения симпатизировавшего протестантам и предпринявшего ряд репрессий в отношении католиков короля Иакова I. Взрыв планировалось совершить 5 ноября 1605 года, во время тронной речи монарха, когда кроме него в здании Палаты лордов присутствовали бы члены обеих палат парламента и верховные представители судебной власти страны. В наше время некоторые историки называют заговор террористическим актом, однако по своим целям он кардинально отличался от действий современных террористов и скорее напоминал неудачную попытку государственного переворота.
46. Два фунта стерлингов времен Шекспира теперь равны приблизительно 1000 фунтов стерлингов.
47. *Есперсен Йенс Отто Харпу* (Jespersen Jens Otto Harpu; 1860–1943) – датский лингвист. Окончил Копенгагенский университет, затем продолжил образование в Оксфордском университете. В 1893–1925 годах – профессор английского языка в Копенгагенском университете. Автор учебника английского языка (1895, выдержал 19 изданий), в основу которого положена живая разговорная речь. Свое понимание грамматики как живого

и развивающегося целого он отразил в «Философии грамматики» (1924). Есперсен – автор «Теории прогресса в языке», согласно которой «все языковые изменения направлены на облегчение условий коммуникации и потому прогрессивны». Создал проект международного искусственного языка новиаль.

48. Уильям Шекспир. Венецианский купец. Действие I, сцена 3. Перевод Т. Щепкиной-Куперник // Полное собрание сочинений. В 8 т. Москва: Искусство, 1958. Т. 3.

Глава четвертая

В Лондоне

51. *Театр «Лебедь»* был построен в лондонском квартале Бэнксайд около 1595 года, единственное сохранившееся до наших дней изображение интерьера и подробное его описание принадлежат Йоганнесу де Витту.
50. *Холлер Венцеслав* (Hollar Wenceslaus; 1607–1677) – художник-гравер из Праги, автор гравюры «Вид Лондона со стороны Бэнксайд», которая была выполнена в 1647 году в Антверпене по его собственным эскизам, сделанным во время пребывания в Лондоне с 1636-го по 1642 год или позже. Это самая подробная панорама старого Лондона.
51. «*Слуги лорда-адмирала*» (Admiral's Men) – театральная труппа, известная сначала как труппа

«Слуги лорда Говарда», с 1576–1577 по 1603 год существовала под патронажем Чарльза, лорда Говарда, 1-го графа Ноттингема, который в 1585 году стал Верховным лордом-адмиралом. С приходом к власти Якова I труппа получила имя принца Генри (1603–1612), а затем – Фридриха Пфальцграфа («Слуги Пфальцграфа», 1613–1625). Эта труппа была основной соперницей шекспировской труппы, носившей имя «Слуги лорда-камергера» (позднее – «Слуги короля»). Приблизительно с 1589-го вплоть до 1597 год, а затем с 1600-го по 1605 год ведущим актером труппы «Слуги лорда-адмирала» был Эдуард Аллен, главный соперник по сцене Ричарда Бербеджа. Финансировалась труппа преимущественно Филипом Хенслоу – владельцем театра *«Роза»*, построенного в 1587 году. Это была основная сцена труппы с 1594 года, до переезда в театр *«Фортуна»* в 1600 году, также принадлежавший Хенслоу. Театр *«Фортуна»* сгорел в 1621 году. Это нанесло непоправимый ущерб труппе, вследствие чего просуществовать она смогла лишь до 1625 года.

52. *Хенслоу Филип* (Henslowe Philip; ?–1616) – английский театральный антрепренер, отчим жены Эдуарда Аллена. Его деятельность главным образом связана с труппой «Слуги лорда-адмирала». Бумаги и документы, оставшиеся после его смерти, например «Дневник» (который представляет собой содержимое его записных книжек), являются уникальными свидетельствами теат-

ральной практики того времени. Хенслоу оставил детальные описания спектаклей в период с 1592-го по 1603 год, а также записи о контрактах с актерами и драматургами и заметки о костюмах, декорациях, реквизите и многое другое. Эти записи могли бы представлять еще больший интерес, если бы относились к шекспировской труппе. Материалы Хенслоу были изданы У.У. Трегом (в 3 томах, 1904–1909), Р. Фоксом и Р. Рикертом (1961).

53. *Бербедж Джеймс* (Burbage James; около 1530–1597) – столяр, ставший актером труппы «Слуги графа Лестера», а в 1576 году построивший «Театр». Отец Катберта (1566–1636) и Ричарда *Бербеджей*.
54. Имеется в виду *Великая хартия вольностей* (лат. Magna Carta Libertatum, англ. The Great Charter) – грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным (Король Иоанн) 15 июня 1215 года и ставшая самым первым и впоследствии одним из основополагающих конституционных актов Англии. Большинство пунктов Хартии было отменено более поздними Актами парламента; неизменными остаются три пункта из шестидесяти трех. В ней, в частности, говорилось, что «город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города, и бурги, и местечки, и порты имели все вольности и свободные свои обычаи».

55. *Иаков I (Яков)* (James I; 1566–1625) – король Англии и Шотландии (как Иаков VI). Единственный сын шотландской королевы Марии и Генриха Стюарта, лорда Дарнли, Иаков родился в Эдинбургском замке 19 июня 1566 года. После свержения матери годовалого Иакова короновали как короля Шотландии под именем Иакова VI (29 июля 1567 года). Оборонительный союз, заключенный с Англией в 1586 году, прошел серьезное испытание в 1587-м, когда королева Англии Елизавета I казнила мать Иакова. Однако Иаков не отказался от союза, опасаясь поставить под угрозу свои права на английский престол. В ноябре 1589 года он женился на протестантке Анне, дочери короля Дании Фредерика II.

В зрелом возрасте Иаков был убежден в божественном праве королей, то есть рассматривал себя в качестве неограниченного правителя, возведенного на трон Богом. Иаков был полон решимости подчинить необузданную знать и переходившее в наступление на светскую власть пресвитерианское духовенство. Когда 24 марта 1603 года умерла Елизавета, Иаков стал королем Англии как Иаков I. Во время своего правления Иаков столкнулся с рядом очень непростых проблем: доходы населения уменьшились, между тем как цены выросли; парламент вел себя агрессивно и неуступчиво; Церковь, которую оставила после себя Елизавета, не удовлетворяла ни пуритан, ни католиков; религиозная война на континенте была почти неизбежной.

56. Парламентский «Акт о наказаниях бродяг и упорных нищих» 1597 года дал окончательную формулировку закона о бедняках и бродягах (действовал в таком виде до 1814 года). «Кровавое законодательство против экспроприированных» – назвал его К. Маркс. Этим актом вводились жестокие наказания для лиц, обвиненных в бродяжничестве и в собирании милостыни без разрешения властей. Их бичевали, клеймили, отдавали в рабство (на время, а в случае побега – пожизненно, при третьей поимке казнили). Главными жертвами этих репрессий были крестьяне, согнанные с земли в результате огораживаний. Начало «кровавым законам» положил статут 1495 года Генриха VII. Особой жестокостью отличались статуты 1536-го и 1547 годов. Закон 1576 года предусматривал организацию рабочих домов для нищих.
57. *Оберон* – царь фей и эльфов, «Сон в летнюю ночь». *Просперо* – законный герцог миланский, «Буря»
58. Уильям Шекспир. Гамлет, принц Датский. Акт I. Сцена 1. Перевод М. Лозинского. // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 6.
59. Со смертью короля Иакова I в 1625 году в жизни Джонсона начался долгий период лишений: осаждали кредиторы (между 1626-м и 1634-м на него было подано, по крайней мере, шесть жалоб), к тому же разбил паралич. Король Карл был к нему равнодушен, а соперник И. Джонс процветал; его новые пьесы проваливались на сцене.

не и подвергались жестоким насмешкам литературных противников.

60. «К 1592 году относится любопытный эпизод литературной биографии Шекспира, важный тем, что здесь мы из уст врага узнаем о том крупном успехе, который весьма скоро выпал на долю молодого провинциала. Этим врагом и завистником был Грин, один из крупных предшественников Шекспира. “Человек беспутнейшего образа жизни, умиравший в полнейшей нищете”, Грин почувствовал перед смертью потребность публично покаяться и издал в 1592 году брошюру “На грош мудрости, приобретенной миллионом раскаяния”. Обращаясь к трем друзьям-драматургам, из которых двое – Марло и Нэш, а третий – либо Пиль, либо Лодж, он предостерегает их против тех, “которые берут наши слова себе в рот”, против “шутов, носящих наши цвета”. “Невесть откуда выскочившая ворона важно щеголяет в наших перьях”, “Сердце тигра в оболочке актера” (*Tigers heart wrapt in a players hide*), “Она воображает, что может вымотать из себя белый стих не хуже вашего, а будучи всего только “Иваном на все руки” (*Johannes factotum*), считает себя единственным потрясателем сцены (*Shake-scene*) всей страны”. “Сердце тигра в оболочке актера” – прямая пародия стиха из только что поставленной тогда Шекспиром с огромным успехом третьей части “Генриха VI”, где королева Маргарита характеризуется как “Сердце тигра в оболочке женщины” (*Tigers*

heart wrapt in a woman's hide). “Иван на все руки” – намек на разнообразную деятельность Шекспира – в качестве автора, актера и отчасти директора театра, а в каламбуре с “потрясателем сцены” – “потрясатель копья” (от английского *shakespeare*) почти назван по имени. Называя Шекспира вороной в чужих перьях, Грин до известной степени был прав: “Генрих VI” целиком заимствован и по сюжету, и по отдельным деталям. То, что Шекспир от себя внес в эту слабую первую драматическую попытку, было слишком незначительно, чтобы заставить забыть факт заимствования, которое так охотно прощается Шекспиру в других пьесах, где гений его из грубого камня “заимствованного” сюжета создает бессмертные образцы художественного ваяния. Но общий грубый тон выходки Грина был совершенно незаслужен, и Шекспир очень скоро получил блестящее удовлетворение. Тот же самый Четтл, который издал брошюру Грина, в том же 1592 году напечатал свою книгу “Сон добросердечного сердца” и в предисловии публично каялся в том, что содействовал появлению в свет озлобленной выходки только что скончавшегося Грина. “Ибо, – говорит Четтл, – я получил возможность убедиться, что он (Шекспир) в одинаковой степени выдается и своей скромностью, и своим искусством в профессии актера. Кроме того, многие почтенные люди с похвалой отзываются о честности его характера, так же как об изящной грации его писания”. Нет основания

сомневаться в искренности этого извинения; но если и допустить, что оно было вынужденное, то и тогда мы имеем в нем яркое свидетельство, что уже на первых порах Шекспир занял очень видное и почетное положение в литературно-театральном мире Лондона. Вторым ярким этапным пунктом биографии Шекспира должен считаться отзыв о нем известного магистра Кембриджского университета Фрэнсиса Мереса. Отзыв этот представляет собой также чрезвычайно важный источник для установления хронологии шекспировских пьес. Мерес издал в 1598 году книжку “Сокровищница мудрости” (*Palladis Tamia*), где, между прочим, трактует о современных английских писателях, и в том числе о Шекспире. Всего шесть лет отделяют книгу Мереса от памфлета Грина, но какой огромный шаг по пути к славе сделала за этот короткий период “ворона в чужих перьях”! Уже не сам Шекспир “воображает” себя “потрясателем” английской сцены, а другие прямо провозглашают его первым из английских драматургов. “Точно так же, как душа Евфорба, – говорит Мерес, – продолжала жить, по мнению древних, в Пифагоре, сладкая, остроумная душа Овидия живет в сладостном, как мед, Шекспире”. “Лучший из английских писателей в обоих родах сценических произведений... В области комедии доказательством тому служат его “Два веронца”, “Комедия ошибок”, “Бесплодные усилия любви”, “Вознагражденные усилия любви”, “Сон в летнюю ночь” и “Венецианский купец”;

в области трагедии – “Ричард II”, “Ричард III”, “Генрих IV”, “Король Джон”, “Тит Андроник” и “Ромео и Джульетта”. Как Эпий Стол сказал, что Музы говорили бы языком Плавта, если бы захотели говорить по-латыни, так я скажу, что если бы Музы захотели говорить по-английски, они бы усвоили себе тонко отточенную речь Шекспира» (*Словарь Брокгауза и Эфрона*).

61. *Университетские умы* (University Wits) – так обычно называли самых видных драматургов 1580-х годов, получивших университетское образование: Роберта Грина, Кристофера Марло и Томаса Нэша (Кембридж); Джона Лили, Джорджа Пиля и Томаса Лоджа (Оксфорд).
62. *Четтл Генри* (Chettle Henry; около 1561 – около 1607) – английский драматург. Прослужив несколько лет подмастерьем у одного из лондонских издателей, с 1584 года стал членом гильдии книгоиздателей и работал мастером-печатником. Четтл зарабатывал также тем, что помогал писать пьесы другим драматургам. С 1598-го по 1603 год он получил гонорары за соавторство в 49 пьесах. Многие из них не были завершены: бедность, по-видимому, часто вынуждала его браться за работу, которую он не мог выполнить; получив аванс в несколько шиллингов, он бросал пьесу. Самостоятельно им написана только «Трагедия Гофмана».
63. *«Венера и Адонис»* – эротическая поэма Уильяма Шекспира, написанная в 1592–1593 годах и опубликованная впервые в 1593 году. Сюжет-

но восходит к «Метаморфозам» Овидия. Поэма имеет сложную калейдоскопическую структуру с использованием меняющихся тона и перспективы с целью отражения разных, противоположных друг другу взглядов на сущность любви. При жизни Шекспира это было самое популярное из его печатных произведений. Оно часто упоминается его современниками. К моменту смерти автора вышло не менее десяти изданий поэмы.

64. *Ризли Генри, 3-й граф Саутгемптон* (Wriothesley Henry, 3rd Earl of Southampton; 1573–1624) – покровитель Шекспира, адресат двух его посвящений к ранним поэмам – «Венера и Адонис» (1593) и «Обесчещенная Лукреция» (1594). Благоволил к другим писателям, например к Флорио и Нэшу. Роу приводит легенду о том, что Ризли подарил Шекспиру 1000 фунтов. Его часто отождествляли с мистером W.H., которому Томас Торп посвятил сонеты Шекспира. В январе 1605 года в лондонском доме Ризли были сыграны «Бесплодные усилия любви».
65. *Лорд Берли, Уильям Сесил, барон* (Burghley; 1520–1598) – английский государственный деятель, министр-казначей при дворе Елизаветы. Выходец из джентри. Начал государственную карьеру при Эдуарде VI. Особенно упрочил свое положение при Елизавете Тюдор, став ее первым министром и одним из главных руководителей английской политики. С 1558 года – главный секретарь, с 1572-го – лорд-казначей. В области

экономической политики стремился примирить развитие капиталистической мануфактуры с сохранением средневекового городского ремесла. Ни один монарх тогда или раньше не проявлял такой верности приближенным, как Елизавета. Все министры Елизаветы были подобраны ею самой. Первым ее кандидатом был Уильям Сесил, лорд Берли – на него она полагалась больше, чем на кого-либо другого.

66. *de Vere Эдуард* (de Vere Edward, 17th Earl of Oxford; 1550–1604) – английский государственный деятель, 17-й граф Оксфорд, лорд Балбек, лорд-великий камергер в 1562–1604 годах при дворе королевы Елизаветы I. Представитель одного из величайших дворянских родов в истории Англии, глава которого с XII по XVIII века носил титул графа Оксфорда. Эдуард де Вер осиротел в возрасте 12 лет, когда умер его отец, и мальчик унаследовал титулы графа Оксфорда и лорда-великого камергера. Как для сироты высокого рода его опекуном выступила английская королева, воспитывался он в доме сэра Уильяма Сесила, 1-го барона Берли, лорда-казначей, члена Государственного совета при королеве Елизавете I и ее ближайшего советника. Сторонники «оксфордианской» версии видят в бароне Берли прообраз Полония из трагедии «Гамлет». Эдуард получил у Берли отличное образование, знал французский и латинский языки. Известность получил благодаря версии, которую высказал в 1920 году английский педагог

и церковный деятель Джон Томас Луни, согласно которой Эдуард де Вер является настоящим автором произведений, приписываемых Уильяму Шекспиру. Сторонники этой теории, не признанной научным сообществом из-за несоответствия критериям научности, называют себя «оксфордianцами». Они разделяют автора драматургических произведений, писавшего под псевдонимом Shakespeare, и Shaksper'a, живших примерно в одно и то же время.

67. Уильям Шекспир. Сонет 20 / Перевод Н. Пальцева.
68. Уильям Шекспир. Венера и Адонис / Перевод Б. Томашевского //// Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 8.
69. Уильям Шекспир. Лукреция / Перевод Б. Томашевского // Там же.

Глава пятая

Пьесы

70. *«Тит Андроник»* (полностью *«Печальнейшая римская трагедия о Тите Андронике»*), вероятно, является самой ранней трагедией Шекспира. Все три прижизненных издания ин-кварто *«Тита Андроника»* анонимны, однако Фрэнсис Мерес (1565–1647), английский писатель, автор книги *«Сокровищница ума»*, назвал в 1598 году, при жизни Шекспира, его авторство; пьеса вошла в посмертное фолио 1623 года.

71. «Вознагражденные усилия любви». Это произведение указано Фрэнсисом Мересом в списке шекспировских пьес (1598) и в списке некоего книготорговца (1603), обнаруженном в 1953 году. Быть может, это вариант названия какой-то другой пьесы Шекспира, не указанной Мересом, например «Укрощения строптивой». Недоумение по поводу этой догадки вызывает, однако, тот факт, что в списке книготорговца значится загадочное «Укрощение одной строптивой». Есть также предположение, что так называлась утраченная пьеса.
72. *Норт, сэр Томас* (North, Sir Thomas; около 1535–1601) – переводчик; его книга «Жизнеописания благородных греков и римлян», являющаяся переводом французской версии «Жизнеописаний» Плутарха, выполненной Жаком Амиотом (Jacques Amyot), стала основным источником римских пьес Шекспира. В некоторых из них Шекспир практически буквально цитирует Норта. Т.Дж.Б. Спенсер в книге «Плутарх Шекспира» сопоставляет тексты Норта и соответствующие фрагменты пьес Шекспира.
73. Уильям Шекспир. Как вам это понравится / Перевод Т. Щепкиной-Куперник // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1959. Т. 5.
74. Уильям Шекспир. Генрих VI. Часть вторая / Перевод Е. Бируковой // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1959. Т. 1.
75. *Джон Гант (Джон Гентский), 1-й герцог Ланкастер* (John of Gaunt, 1st Duke of Lancaster; 1340–1399) – первый герцог Ланкастерский, сын

короля Англии Эдуарда III и Филиппы Геннегау. Основатель дома Ланкастеров, к которому принадлежали английские короли Генрих IV, Генрих V и Генрих VI. Детское прозвище Гант (искаженное название города Гент, в котором он родился) не употреблялось современниками Джона после достижения им трех лет. Популярным это наименование сделала пьеса Шекспира «Ричард II», в которой герцогу Ланкастерскому уделено значительное внимание.

76. Уильям Шекспир. Генрих V. Акт I, Пролог / Перевод Е. Бируковой // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1959. Т. 4.
77. Уильям Шекспир. Генрих VI. Часть третья. Акт III, Пролог / Перевод Е. Бируковой // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1959. Т. 1.
78. *Хейвуд Томас* (Heuwood Thomas; около 1573–1641) – английский драматург и актер. Родился в Линкольншире в 1573 году, получил образование в Кембриджском университете. Хейвуд был самым плодовитым драматургом своего времени. По его собственному свидетельству, он написал – один или с помощниками – 220 пьес. Из его громадного наследия уцелело немногим более десятка драм, среди которых надо назвать в первую очередь «Женщину, убитую добротой», «Красотку с Запада», «Эдварда IV» и четыре мифологические пьесы – о веках золотом, серебряном, медном и железном.
79. Уильям Шекспир. Бесплодные усилия любви. Акт IV, сцена 3 / Перевод Ю. Корнеева // Полное

- собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1958. Т. 2.
80. Уильям Шекспир. Король Лир. Акт III, сцена 4. Перевод Б. Пастернака // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 5.
81. *Палеография* (от греч. «палайос» – «древний» и «графа» – «пишу») – специальная историко-филологическая дисциплина, изучающая историю письма, закономерности развития его графических форм, а также памятники древней письменности в целях их прочтения, определения автора, времени и места создания палеографии. Исследует эволюцию графических форм букв, письменных знаков (например, иероглифов), пропорции их составных элементов, виды и эволюцию шрифтов, систему сокращений и их графическое обозначение, материал и орудия письма. Особая отрасль палеографии изучает графику систем тайнописи (криптография).
82. *One fell swoop* – Всех одним налетом (Макбет, 4:3).
 ... *Vanish into thin air* – Чтоб духу вашего здесь не было! (Отелло, 3:1.)
Bag and baggage – То с сумой и кулечком (Как вам это понравится, 3:2).
 ... *Play fast and loose* – Позволено ли с небом так шутить? (Король Иоанн, 3:1).
 ... *The primrose path* – ...идет цветущею тропой утех (Гамлет, 1:3).
 ... *the milk of human kindness* – ... молочной незлобивостью вспоен (Макбет, 1:5).

...*more sinned against than sinning* – Я не так перед другими грешен, как другие – передо мной (Король Лир 3:2).

...*remembrance of things past* – ...дней минувших череды (Сонет 30).

...*beggar all description* – ...царицу же изобразить нет слов (Антоний и Клеопатра, 2:2).

...*cold comfort* – ...немногого прошу: одной прохлады (Король Иоанн, 5:7).

...*to thine own self be true* – ...будь верен сам себе (Гамлет, 1:3).

...*more in sorrow than in anger* – ...скорей печаль, чем гнев (Гамлет, 1:2).

...*the wish is father of the thought* – ...желание – отец той мысли (Король Генрих IV, часть 2).

...*salad days* – Тогда была / Девчонкою неопытной, незрелой (Антоний и Клеопатра 1:5).

...*flesh and blood* – ...плоть и кровь (Шекспир использует это словосочетание в 13 пьесах).

...*foul play* – ...Здесь что-то кроется (Гамлет, 1:2).

...*tower of strength* – И с нами имя короля, как крепость (Ричард III, 5:3).

...*be cruel to be kind* – ...из жалости я должен быть жесток (Гамлет, 3:4).

...*blinking idiot* – Что вижу я? Бессмысленная рожа (Венецианский купец, 2:9).

...*with bated breath* – Едва дыша и с трепетом смиренным (Венецианский купец, 3:3).

...*pomp and circumstance* – “*Pride, pomp, and circumstance of glorious war!*” – «Прощайте, армии в пернатых шлемах, / И войны – честолюбье

храбрецов, / И ржущий конь, и трубные раскаты, /
И флейты свист, и гулкий барабан, / И царствен-
ное знамя на парадах, пламя битв, и торжество
побед!» (Отелло, 3:3).

Глава шестая

Годы славы, 1596–1603

83. *Шекспир Гемнет* (Shakespeare Hamnet; крещен 2 февраля 1585 – погребен 11 августа 1596) – единственный сын Уильяма Шекспира и Анны Хетевэй, близнец Джудит Квини. Он умер в возрасте 11 лет. Имеется несколько теорий относительно связи Гемнета и пьесы «Гамлет», а также связи смерти Гемнета и сочинения «Короля Иоанна», «Ромео и Джульетты», «Юлия Цезаря», «Двенадцатой ночи». Подобные предположения начали появляться еще в XVIII веке.
84. Уильям Шекспир. Король Иоанн. Акт V, сцена 4 / Перевод Н. Рыковой // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1958. Т. 3.
85. *Принц Хэл, Генрих* – один из основных персонажей хроник Шекспира «Генрих IV» (Часть первая и Часть вторая) и «Генрих V». В первой он фигурирует как «принц Хэл», который после смерти отца становится королем. Вторая посвящена битве при Азенкуре, противостоянию Англии и Франции и заканчивается сценами заключения мира с Карлом VI и знакомства с его дочерью. Шекспир представляет Генриха-принца беспут-

ным юнцом, прожигателем жизни в компании Фальстафа и других колоритных персонажей; как только тот становится королем, с ним происходит удивительная перемена, и он наделяется всеми положительными качествами, приличествующими образцовому монарху. В изображающей Столетнюю войну пьесе «Генрих V» король идеализирован. Канонизированное Шекспиром представление о Генрихе до вступления на престол как о повесе и гуляке исторической действительности не соответствует; в действительности он во время правления отца (в особенности в последние годы) принимал активное участие в управлении государством.

Беатриче и Бенедикт – действующие лица пьесы «Много шума из ничего», *Розалинда и Орlando* – «Как вам это понравится», *Виола* – «Двенадцатая ночь», *Тоби Белч и леди Белч* – «Двенадцатая ночь».

86. *Герб Шекспира* (Shakespeare's arms). Отец Шекспира обратился в Геральдическую палату (Herald's Office) с ходатайством о гербе вскоре после того, как стал бейлифом Стратфорда-на-Эйвоне в 1568 году, но безуспешно. Он (или, может быть, сын от его имени) возобновил ходатайство в 1596 году. Повторная просьба была удовлетворена. Сохранилось два черновика этого распоряжения. Предполагалось, что герб будет таким: «Золотой гербовый щит, на темном поясе посеребренное стальное копьё. В навершии, вместо шлема или эмблемы, распростерший крылья серебряный сокол на плетении фамильных ко-

леров, держащий в лапке позолоченное стальное копье». Черновой набросок щита и украшения (crest) сохранился в обоих черновиках соответствующего распоряжения. Девиз, который Шекспиром, очевидно, не использовался, звучал как «Non Sans Droit» («Не без права»). Разрешение иметь герб предоставляло Шекспиру и его семье статус дворян. В 1599 году Джон Шекспир ходатайствовал о праве объединить свой герб с гербом Арденов – семейства его жены, но, по-видимому, получил отказ. Право Джона Шекспира на герб оспаривалось в 1602 году, но официальный ответ гласил: «Он был членом городского совета Стратфорда-на-Эйвоне. Будучи мировым судьей, женился на дочери и наследнице Ардена, а также был обладателем значительного имущества и всех прав состояния».

87. *Аллен Эдуард* (Alleyn Edward; 1566–1626) – ведущий актер труппы «Слуги лорда-адмирала» и основатель Даличского колледжа. Наибольшую известность ему принесли роли Фауста, Тамерлана и Вараввы в пьесах Марло. Прервал сценическую карьеру в 1597 году, вернулся в 1600 году и выступал до 1605 года, после чего стал театральным менеджером. Был женат на падчерице Филипа Хенслоу – Джоан, а затем на дочери Джона Дона – Констанс.
88. «Утром 7 февраля 1601 года в театр “Глобус” пришли несколько приверженцев Эссекса и попросили актеров сыграть “Ричарда II” – ту самую пьесу, из издания которой года четыре назад

цензура вырезала сцену низложения короля. Во избежание дальнейших неприятностей ее сняли с репертуара. Поэтому, когда приверженцы Эссекса заказали именно эту пьесу, актеры стали отговариваться тем, что она устарела и они давно не играли ее. Эта вещь, заверяли они, не соберет публики. Но заказчики уверяли, что зрителей будет достаточно. Главное же, они были готовы уплатить вперед сорок шиллингов – сумму, превышающую сбор, какой бывает при полном театре. Актеры посоветовались и обещали сыграть пьесу. Совершенно очевидно, что никто в театре не знал, зачем эта пьеса понадобилась щедрым заказчикам. Заговорщики предполагали, что пьеса, изображающая бунт против короля и свержение его с престола, будет служить хорошей подготовкой настроения лондонцев для восприятия мятежа» (*Александр Аникст. Шекспир. М., 1964*).

Глава седьмая

Правление короля Иакова, 1603–1616

89. *Оден Уинстон Хью* (Auden Wystan Hugh; 1907–1973) – англо-американский поэт, драматург, литературный критик, оказавший большое влияние на современную поэзию мастерским использованием в поэзии повседневного языка и разговорных ритмов.
90. Уильям Шекспир. Сонет 18 / Перевод А. Шаракшанэ // Сонеты. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 91.

91. *Сидни Филип* (Sidney Philip; 1554–1586) – английский поэт и общественный деятель елизаветинской эпохи. Аристократ по рождению, выпускник Оксфорда, Сидни питал любовь к наукам, языкам и литературе и стал покровителем поэтов, прежде чем прославился в этом качестве сам. Сидни был новатором в поэзии и в теории литературы. При том что устоявшаяся форма сонета была излюбленной и чрезвычайно распространенной в Европе в XVI веке, он не стал подражать итальянским или испанским образцам, как многие эпигоны, «мешавшие мертвого Петрарки стон певучий» с «треском выпренных речей», хотя Сидни искренне почитал Петрарку и перевел на английский многое из итальянской и испанской лирической поэзии. Он создал цикл из 108 сонетов «Астрофил и Стелла», оригинальность которого состояла в объединении этих поэтических миниатюр общим замыслом в эпопею, подлинную «трагикомедию любви».
92. *Уильям Герберт, 3-й граф Пембрук* (1580–1630) – сын Генри Герберта, 2-го графа Пембрука, и Мэри Сидни. Ректор Оксфордского университета, основатель колледжа Пембрук. В 1623 году вместе со своим братом профинансировал публикацию Первого фоллио Шекспира. Был лордом-камергером и лордом-стюардом двора короля Иакова I, а его брат Филипп (ум. 1650), 4-й граф Пембрук и 1-й граф Монтгомери, одно время был фаворитом Иакова I, а во время английской революции XVII века выступал на стороне парламента.

93. Государственные цвета Великобритании – красный, синий и белый. *Орден Синей подвязки* учрежден в 1348 году Эдуардом III.
94. Уильям Шекспир. Сонет 145 / Перевод А. Кузнецова // Сонеты. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 357.
95. Фамилия жены Шекспира пишется “*Hathaway*”, на этом автор строит каламбур: “*hate away*”. В оригинале строки звучат так:
*“I hate” from hate away she threw,
 And saved my life, saying “not you”.*
96. Уильям Шекспир. Сонет 130 / Перевод А. Шаракшанэ // Сонеты. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 327.
97. Уильям Шекспир. Сонет 20 / Перевод Н. Пальцева.
98. Уильям Шекспир. Сонет 55 / Перевод В. Николаева // Сонеты. Спб.: Азбука-классика, 2004. С. 165.
99. *Флетчер Джон* (Fletcher John; 1579–1625) – английский поэт, драматург. Родился в г. Рай (графство Суссекс). Его отец, Ричард Флетчер, был епископом сначала в Бристоле, потом в Вустере и Лондоне. Когда Флетчер начал писать пьесы, в точности не известно; в комедии Ф.Бомонта «Женоненавистник» в пяти сценах узнается рука Флетчера. Поэтому его комедию «Триумф женщины, или Укрощение укротителя», продолжение шекспировского «Укрощения строптивой», принято датировать 1604 годом. Среди его ранних пьес наиболее известна пасторальная трагикомедия «Верная пастушка». Приблизительно с 1606

до 1613 год Флетчер работал в соавторстве с Бомонтом. К 1614 году, когда Бомонт оставил театр, оба считались одними из лучших лондонских драматургов. В 1613 году Флетчер предположительно сотрудничал с Шекспиром в работе над двумя его последними пьесами – «Генрих VIII» и «Два знатных родича». После возвращения Шекспира в Стратфорд Флетчер занял его место в качестве ведущего драматурга труппы «Слуги короля», в то время лучшей в Лондоне.

100. *Таверна «Русалка» (Mermaid Tavern, The)* – таверна на Брид-стрит, неподалеку от собора Святого Павла, в лондонском квартале Чипсайд. «Многочисленные свидетельства о том, как Шекспир вместе с другими поэтами – членами “Братства сладкоголосых джентльменов” участвовал в проходивших в таверне дискуссиях и празднествах, могут быть не более чем романтической легендой, однако хозяин таверны Уильям Джонсон был доверенным лицом Шекспира при покупке надвратного дома монастыря Блэкфрайерс». (*Стэнли Уэллс. Шекспировская энциклопедия. М., 2002*). «Много раз происходили поединки в остроумии между ним (Шекспиром) и Беном Джонсоном; один был подобен большому испанскому галеону, а другой – английскому военному кораблю; Джонсон походил на первый, превосходя объемом своей учености, но был вместе с тем громоздким и неповоротливым на ходу. Шекспир же, подобно английскому военному кораблю, был поменьше размером, зато более легок в маневрировании, не

зависел от прилива и отлива, умел принаравливаться и использовать любой ветер, – иначе говоря, был остроумен и находчив», – вспоминал Томас Фуллер (*Александр Аникст. Шекспир. М., 1964*).

В этих дебатах участвовали Бен Джонсон, Джон Донн, Джон Флетчер, Фрэнсис Бомонт. В своих письмах и стихотворениях о таверне «Русалка» писали Бен Джонсон, Фрэнсис Бомонт. А спустя двести лет ей посвятил свои строки Джон Китс.

Глава восьмая

Смерть

101. Ср.:

*To be, or not to be: that is the question:
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them? To die: to sleep;
No more; and by a sleep to say we end
The heart-ache and the thousand natural shocks
That flesh is heir to, 'tis a consummation
Devoutly to be wish'd. To die, to sleep;
To sleep: perchance to dream: ay, there's the rub...*

(Hamlet. Act 3, sc. 1 // The Complete
Works of William Shakespeare.
Wordsworth Edition, 1994.)

*Быть или не быть: вот в этом
Вопрос; что лучше для души – терпеть*

*Пращи и стрелы яростного рока
Или, на море бедствий ополчившись,
Покончить с ними? Умереть: уснуть
Не более, и если сон кончает
Тоску души и тысячу тревог,
Нам свойственных, – такого завершения
Нельзя не жаждать. Умереть, уснуть;
Уснуть: быть может, сны увидеть...*

Перевод Владимира Набокова

*Быть или не быть, – таков вопрос;
Что благородней духом – покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть, –
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, – как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. – Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем
трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум,
Вот что сбивает нас...*

Перевод Михаила Лозинского

102. *Уэбстер (Вебстер) Джон* (Webster John; ок. 1580 – ок. 1634) – английский поэт и драматург. Опубликовал ряд маловыразительных стихотворных произведений; составил 32 заметки для «Характеров», выпущенных Т. Овербери в 1624 году; в том же году подготовил программу торжеств

в честь лорда-мэра. Ему принадлежит более десятка пьес, в большинстве своем написанных совместно с другими драматургами. В 1634 году Т. Хейвуд упоминает Уэбстера как своего покойного друга. Своей известностью Уэбстер обязан двум трагедиям, которые он написал самостоятельно: «Белый дьявол» и «Герцогиня Амальфи». По художественной силе и глубокому пониманию природы человеческих страстей они принадлежат к лучшим образцам трагедии той эпохи, лишь немногим уступая шекспировским шедеврам.

103. *«Такой рожден, чтобы увлечь любую, / А я ничтожеству принадлежу»*. (Уильям Шекспир. Король Лир. Акт IV, сцена 2 / Перевод Б. Пастернака // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 6.
104. *Фолджеровская Шекспировская библиотека* – научная библиотека, основанная в Вашингтоне американским нефтяным магнатом и библиофилом Генри Клеем Фолджером (Henry Clay Folger; 1857–1930).
105. *Джон Харингтон* (John Harrington; 1561–1612) – английский поэт, придворный при Елизавете I (был ее крестником). Широко известен своими литературными работами. Получил образование в Итонском колледже и в Королевском колледже в Кембридже. Изучал право. В молодом возрасте был привлечен к работе в королевском суде. Тогда же на него обратила внимание королева. Женился на Мэри Роджерс в 1583 году. Имел девять детей.

106. *Бак Перл* (урожденная Сайденстрикер; Buck Pearl Sydenstricker; 1892–1973) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. Дочь миссионера, она провела детство и юность в Китае, в стране, которая вдохновила ее написание своих произведений. В 1938 году становится лауреатом Нобелевской премии по литературе «За многогранное, поистине эпическое описание жизни китайских крестьян и за биографические шедевры». В Китае часто считается китайской писательницей.

Эйкен Рудольф (Eucken Rudolf Christoph; 1846–1926) – немецкий философ, последователь Фихте, родился в Аурихе на севере Германии 5 января 1846 года, получил образование в Геттингенском и Берлинском университетах у Р. Лотце и Ф. Тренделенбурга. В 1871–1874 годах преподавал философию в Базельском университете, затем в Йенском университете (до 1920 года). Эйкен – лауреат Нобелевской премии по литературе 1908 года. Среди его работ – «Человек и мир», «Смысл и ценность жизни», «Можно ли еще оставаться христианами?» и многие другие.

Лагерлёф Сельма Оттилия Ловиса (Lagerlöf Selma Ottiliana Lovisa; 1858–1940) – шведская писательница. Родилась 20 ноября 1858 года в провинции Вермланд. В 1888 году приехала в Стокгольм, чтобы приобрести профессию учителя. После завершения образования получила место в школе Ландскруна на юге Швеции. Еще в Стокгольме у нее возник замысел написать книгу на

основе сказок и преданий родной провинции. Книга получила название «Сага о Йесте Берлинге». Неповторимая оригинальность и богатство воображения принесли молодой писательнице мировую славу, и она решила посвятить себя творчеству. Ее художественный дар еще более окреп в двух сборниках новелл – «Невидимые цепи» и «Королевы в Кунгахелла». Вершиной творчества Лагерлеф стал роман «Иерусалим» – о группе шведских крестьян, эмигрировавших в Палестину. В 1909 году Сельма Лагерлеф получила Нобелевскую премию по литературе; в 1914 году была избрана членом Шведской академии.

Понттоппидан Хенрик (Ponttoppidan Henrik; 1857–1943) – датский романист. Родился 24 июля 1857 года в Фредерисии. Изучал технические науки, но прервал учебу и некоторое время преподавал в народной школе. В 1881 году опубликовал первые рассказы. Его основным произведением стала трилогия «Обетованная земля», «Счастливчик Пер» и «Царство мертвых». В 1917 году он разделил Нобелевскую премию по литературе с К. Гьеллерупом.

107. *Драйден Джон* (Dryden John; 1631–1700) – английский поэт, драматург, переводчик, эссеист и теоретик литературы. Известный поэт, названный Т.С.Элиотом одним из трех величайших (наряду с Шекспиром и Мильтоном) представителей английской литературы XVII века. Драйден создал ряд пьес на основе пьес Шекспира (кроме «Антония и Клеопатры», он обработал также

«Троила и Крессида» и «Бурю» – последнюю в соавторстве с У. Давенантом), стремясь согласовать силу Шекспира со своими эстетическими воззрениями.

108. *Апокрифические произведения Шекспира (Apocryphal works)*. Некоторые произведения, приписываемые Шекспиру в его эпоху и позднее, сегодня не считаются таковыми. В этот список входят шесть пьес, добавленных ко второму изданию Третьего фолио (1664): «Лондонский повеса», «Томас, лорд Кромвель», «Сэр Джон Олдкастл», «Пуританка», «Йоркширская трагедия» и «Локрин». Другие пьесы, приписывавшиеся Шекспиру в XVII и XVIII веках, включают: «Рождение Мерлина», «Веселый дьявол Эдмонта», «Муседор», «Вторая трагедия девушки», «Красавица» и «Арден из Фавершема». В последнее время повод для сомнений дали стихотворение «Умру ли я?», рукопись пьесы «Эдмунд Айронсайд» и «Траурная элегия». Долгое время считалось, что пассажи пьесы «Сэр Томас Мор» (в рукописи) принадлежат Шекспиру, равно как и некоторые сцены из «Эдуарда III». С недавних пор последнюю пьесу считают целиком принадлежащей Шекспиру. Она напечатана в Новом Риверсайдском (1997) и будет включена в Новое Кембриджское издание. «Локрин» (“*Locrine*”) – трагедия неизвестного автора, внесенная в Регистр Гильдии книгопечатников и издателей в 1594 году и опубликованная в 1595 году. В аннотации говорилось, что пред-

ставленная трагедия была «прочитана, отредактирована и исправлена У.Ш.». В XVII веке считалось, что автором «Локрина» является Шекспир.

109. *Ианфа (Ianthe)* из Феста. Дочь диктейца Телеста. Жена Ифиса. *Ифис (Inthes)* – отец Лигда из Феста.
110. *Or to take arms against a sea of troubles // And by opposing end them?* – «Иль, ополчась на море смут, сразить их / Противоборством?» Уильям Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт III, сцена 1 / Перевод М. Лозинского // Полное собрание сочинений. В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 6.
111. *Гаррик Дэвид* (Garrick David; 1717–1779) – английский актер, драматург, с 1747 по 1776 год руководитель театра «Друри-Лейн». Весь его творческий путь был неразрывно связан с Шекспиром. Гаррик сделал очень много и для возрождения популярности драматурга. Величайшими его ролями стали Бенедикт, Ричард III, Гамлет, Ромео, Король Лир и Макбет. Гаррик возвращал на сцену многие традиционно купиреваемые фрагменты оригинального текста в своих версиях пьес «Укрощение строптивой» («Катарина и Петруччо»), «Зимняя сказка» («Флоризель и Утрата») и «Гамлет». Он сочинил предсмертный монолог Макбета и последний диалог Ромео и Джульетты. В 1769 году актер организовал великолепный юбилей драматурга в Стратфорде-на-Эйвоне, способствуя тому, чтобы город стал центром шекспировского паломничества.
112. *Додд Уильям* (Dodd William; 1729–1777) – английский церковный деятель и литератор. Отличался

непредсказуемым характером, за что его прозвали «священник-макаронник». Чтобы погасить долги, совершил подделку, был отдан под суд и заключен в тюрьму на Вуд-стрит. Приговорен к смерти; в его защиту Сэмюэл Джонсон написал петицию, которую подписали 23 000 человек. Но в 1777 году он был казнен. Автор теологических трудов, цикла стихотворений «Мысли в тюрьме», работ, посвященных творчеству Шекспира.

113. *Стэнхоуп Филип Дормер, 4-й лорд Честерфилд* (Stanhope Philip Dormer, 4th Earl of Chesterfield; 1694–1773) – британский политический деятель, блестящий оратор, знаменитый автор афоризмов. Унаследовал титул от отца. Учился в Кембриджском университете. С 1716 года член Палаты Общин. В ходе зарубежных поездок выполнял поручения правительства, проявил себя как талантливый разведчик и дипломат. Посол в Голландии, руководитель английской делегации в Вене (1731) на переговорах, которые привели к заключению направленного против Франции союза Австрии, Голландии и Великобритании. Честерфилд неоднократно бывал во Франции, общался с ведущими общественными деятелями страны (в том числе с Вольтером) и считался весьма информированным во французских делах. Историк Томас Карлейль утверждает, что лорд Честерфилд предсказал Великую Французскую революцию. Административные способности Честерфилда особенно ярко проявились при управлении Ирландией (1744–1746) и в продвиже-

нии законопроекта о переходе Великобритании на григорианский календарь (1752). В 1748 году ушел в отставку с поста государственного секретаря, отговариваясь глухотой. Честерфилд начал печататься с 1743 года, публикуя памфлеты под псевдонимом. Известен своими «Письмами к сыну», которые он писал 30 лет с 1737 года. Лорд Честерфилд высказывался об окружающем мире с такой откровенностью, что сам считал публикацию «Писем» невозможной; они были опубликованы вдовой его сына (адресата «Писем») в 1774 году.

114. *Босуэлл Джеймс* (Boswell James; 1740–1795) – шотландский писатель и мемуарист, слава которого основана на двухтомной «Жизни Сэмюэла Джонсона» (1791) – книге, которую часто называют величайшей биографией на английском языке.
115. *Далвидж-колледж* – привилегированная мужская частная средняя школа в пригороде Лондона. Основана в 1360 году, там учится более 1300 учащихся.

Глава девятая

Претенденты

116. *Авторство Шекспира* – Мысль, что Шекспир, не получивший систематического школьного образования, не мог написать произведения, носящие его имя, возникла сравнительно недавно. Никто из его современников не выказал никакого сомне-

ния относительно того, кто был автор гениальных драм. Никто из ученых, которые издавали и комментировали произведения Шекспира в XVIII и в начале XIX века, не обмолвились ни единым словом подозрения. Правда, еще Фармер в своем труде «Изучая Шекспира. Эссе» (1767) говорит, что Шекспир был человек малообразованный, но при этом он благоразумно воздерживается от упоминания тех многочисленных мест в драмах Шекспира, которые доказывают все-таки известную образованность драматурга. Заявление Фармера до известной степени подготовило путь анонимному автору статьи в “Chamber's Edinburgh-Journal” за 1852 год, где высказана нашумевшая в свое время гипотеза о том, что Шекспир имел помощника, который подготавливал материал для его произведений.

117. *Бэкон Делия Солтэр* (Bacon Delia Salter; 1811–1859) – американская школьная учительница и журналистка, сестра священника и писателя Леонарда Бэкона (Leonard Bacon; 1802–1881), прославившаяся своими работами по авторству Шекспира.

С 1856 года начинает утверждать, что пьесы Шекспира не принадлежали его перу, а были плодом коллектива авторов. Делия Бэкон практически положила начало целой кампании по пересмотру авторства Шекспира, хотя подозрения выдвигались ранее (в 1785 году преподобным Джеймсом Уилмотом). По ее теории, автором пьес Шекспира был кружок знатных интеллектуалов, главный из

которых – великий английский философ Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon). Среди других участников назывались сэр Уолтер Рэли (Sir Walter Raleigh) и Эдмунд Спенсер (Edmund Spenser), которые в угоду общественно-политической ситуации и некой философской концепции скрыли свое авторство под именем малоизвестного актера Уильяма Шекспира.

Чрезвычайно характерно, что мисс Бэкон была натура в высшей степени экзальтированная. Предприняв паломничество в Стратфорд, она часами просиживала у могилы Шекспира, ожидая получить с того света сообщения по поводу занимавших все ее мысли предметов. В твердой уверенности, что относящиеся к делу документы должны быть под могильным памятником поэту, она покушалась даже поднять этот камень. В конце концов ее посадили в сумасшедший дом, где она и умерла в 1859 году (*Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*).

118. *Бэкон Фрэнсис* (Bacon Francis; 1561–1626) – английский философ, родоначальник английского материализма. В 1584 году был избран в парламент. С 1617 года лорд-хранитель печати, затем – лорд-канцлер; барон Веруламский и виконт Сент-Олбанский. В 1621 году привлекался к суду по обвинению во взяточничестве, осужден и отстранен от всех должностей. Помилованный королем, не вернулся на государственную службу и последние годы жизни посвятил научной и литературной работе.

Всю жизнь Бэкон работал над грандиозным планом «Великого восстановления наук».

119. *Эмерсон Ральф Уолдо* (Emerson Ralph Waldo; 1803–1882) – американский эссеист, поэт, философ, пастор, общественный деятель; один из виднейших мыслителей и писателей США. В своем эссе «Природа» первым выразил и сформулировал философию трансцендентализма.
120. *Карлейль Томас* (Карлайл; Carlyle Thomas; 1795–1881) – британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения, автор многотомных сочинений «Французская революция» (1837), «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), «История жизни Фридриха II Прусского» (1858–1865). Исповедовал романтический «культ героев» – исключительных личностей вроде Наполеона, которые своими делами исполняют божественное предназначение и двигают человечество вперед, возвышаясь над толпой ограниченных обывателей. Известен также как один из блестящих стилистов викторианской эпохи.
121. *Готорн Натаниэл* (Hawthorne Nathaniel; 1804–1864) – один из первых и наиболее общепризнанных мастеров американской литературы. Он внес большой вклад в становление жанра рассказа (новеллы) и обогатил литературу романтизма введением элементов аллегории и символизма. В 1850 году опубликовал первый роман, «Алая буква», который принес писателю широкое признание в Европе и стал бестселлером, хотя и не

принес больших доходов. На следующий год Готорн выпустил второй роман, «Дом о семи фронтонах», в центре которого оказывается история упадка и вырождения сейлемского семейства. Историю своего разочарования в фурьеризме он поведал в «Романе о Блайтдейле».

122. Дальнейшим шагом в развитии бэконовского мифа является *шифр Бэкона*. В 1888 году вышла книга «Великая криптограмма Игнатия Донелли». Автор заявляет, что он нашел ключ для раскрытия той тайнописи (криптограммы), которую Бэкон якобы ввел в текст мнимо-шекспировских драматических произведений, чтобы разъяснить истинное положение вещей. Право воспользоваться этим ключом автор решительно сохраняет за собой, и таким образом кроме голословного утверждения, что шифр найден, книга Доннелли ничего положительного не дает. Зато она собирает ряд мелочных анекдотов о Шекспире, о его семье, о его наружности и т.п. При пользовании этими анекдотами он совершает ряд грубейших промахов. Последователь и поклонник Доннелли, Борман, настолько прогрессирует в увлечении Бэконом, что выставляет в качестве бесспорной исторической истины все то, что Доннелли утверждал и объявлял своим открытием. Конечно, он при этом пользуется излюбленным приемом сторонников Бэкона и не называет своих источников. Борман, сочинение которого под заглавием “Das Shakespeare Geheimniss” вышло в 1894 году, к «открытиям» Доннелли присоединил и свои,

еще более поразительные, а именно что эти сочинения – не поэтические или художественные произведения, но изложение ряда научных истин! Представляя собой смесь шарлатанства и, в лучшем случае, страсти к домыслам с невежеством, бэконизм мало возбуждало охоту вступать с ним в серьезный спор. (*Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.*)

123. *Донелли Игнатий* (Donnelly Ignatius; 1831–1901) – американский писатель-фантаст, профессиональный политик социалистической ориентации. Родители – ирландцы. Изучал право. Переселился в Миннесоту, где и сделал политическую карьеру. Известность Донелли принес трактат «Атлантида: Допотопный мир», вызвавший взрыв интереса к затонувшему матерiku и во многом способствовавший возникновению новых атлантеанских мифов и культов. До сих пор вызывает споры и другой трактат Донелли – «Великая криптограмма», в котором доказывается, что автором по крайней мере части пьес У. Шекспира был Ф. Бэкон. Этой проблеме Донелли посвятил еще одну книгу – «Шифр в пьесах и на надгробии».
124. *Анаграмма* – перестановка букв в слове (или в нескольких словах) в любом порядке, образующая новое слово, напр.: Lied – Leid, арка – кара, Ломоносов – Соломонов и т.п. Так, фамилия Вольтер образована писателем путем анаграммы из его настоящей фамилии Аруэ – le j (eune) Arouet. Как стихотворная форма анаграмма характеризуется тем, что в ней иносказательно описывается значе-

ние слова, составленного из переставленных букв другого слова, приведенного целиком, а иногда также только описанного, например: «Сказала мне вчера: эх-ма, / Моя кума, / Когда бы не было на дне, / Что есть во мне, / То славный я бы под шумок / Спекла пирог». – Кума-мука. Анаграмма относится, таким образом, к числу стихотворений-загадок, шарад.

125. *Спенсер Эдмунд* (Spenser Edmund; ок. 1552–1599) – английский поэт елизаветинской эпохи, старший современник Шекспира, впервые прививший английскому стиху сладкозвучие и музыкальность. Спенсер оставил после себя мастерски написанные произведения в каждом жанре поэзии: от пасторали и элегии до сонетов и огромной эпопеи. Как поэту Спенсеру доставались самые высочайшие эпитеты: «принц поэтов», «великий Англии», «наш новый Поэт», «Поэт Поэтов».
126. Уильям Шекспир. Цимбелин. Акт IV, сцена 2 / Перевод А. Курошевой.

От переводчика

Большое искушение – перевести книгу о Уильяме Шекспире, да еще в год его 450-летия. Большой риск – перевести книгу о Уильяме Шекспире, ведь за последние двести лет написано столько трудов, исследований, статей и библиографических указателей. Но Билл Брайсон убедил: чем больше о великом англичанине люди думают, чем больше они читают его произведения, тем шире становится мир, в котором они живут и в котором жили его современники. Но загадка остается прежней: неужели под силу одному человеку создать эти творения?..

Если бы не переводы М.Донского, М.Лозинского, Б.Пастернака, О.Сороки, не книги А.Аникста, М.Морозова, М.Литвиновой, И.Шайтанова, не помощь коллег по ВГБИЛ им.М.И.Рудомино, моего редактора Н.Пальцева, я не посмела бы попытаться перевести серьезное

и веселое, документальное и не всегда документальное исследование Билла Брайсона. Простите за невольные огрехи – как пишет автор, «мы знаем, что почти ничего не знаем о Шекспире»!

А.Николаевская

Литературно-художественное издание 12+

Билл Брайсон

ШЕКСПИР

Весь мир – театр

Выпускающий редактор

Г.С. Чередов

Редактор

Н.М. Пальцев

Художественный редактор

Т.Н. Костерина

Оператор компьютерной верстки суперобложки,
переплета и иллюстраций

Е.В. Мелентьева

Оператор компьютерной верстки текста

А.В. Кузьмин

Технолог

М.С. Кырбаш

Корректор

Д.В. Савиных

ООО «Центр книги Рудомино»

109189, Москва, ул. Николаямская, д. 1

Отдел реализации издательства: (495) 915-31-00

e-mail: synkova@libfl.ru, amin@libfl.ru

<http://www.facebook.com/CentreBook>

Допечатная подготовка ООО «Бослен»

(499) 270-09-59, (495) 971-89-09

<http://www.boslen.ru>

Подписано в печать 20.10.2014

Формат 84х108/32. Тираж 2000 экз.

Заказ № .

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Первая Образцовая типография»,

филиал «Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14